

**ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

На правах рукописи

Носков Владимир Юрьевич

УДК 94(477.6)"1941/1945"-053.4/6(093.3)

**ОБРАЗ ВОЕННОГО ДЕТСТВА
В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ 1941–1945 гг.
(НА МАТЕРИАЛАХ ДОНБАССА)**

Специальность 07.00.02 – отечественная история

диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:

Пенькова Оксана Борисовна,
кандидат исторических наук, доцент

Донецк – 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Степень изученности проблемы, источниковая база, методологические основы и методика исследования.....	10
1.1. Степень изученности проблемы.....	10
1.2. Характеристика источников.....	27
1.3. Методология и методика исследования.....	37
Глава 2. Образы детей и детства на идеологическом уровне советского общественного сознания в период Великой Отечественной войны.....	48
2.1. Образ счастливого советского детства и попытка его инструментальной адаптации на начальном этапе войны.....	49
2.2. Ключевые детские образы в советской пропаганде 1942–сер. 1944 гг.: ребенок-жертва, опекаемый ребенок, ребенок-труженик, сражающийся ребенок.....	65
2.3. Генерализация образа военного детства в условиях победоносного завершения Великой Отечественной войны.....	106
Глава 3. Образ военного детства в сознании детей Донбасса (1941–1945 гг.).....	119
3.1. Факторы формирования образа военного детства на обыденном уровне общественного сознания населения Донбасса в 1941–1945 гг.....	120
3.2. Образы событий и состояний в структуре образа военных реалий в сознании детей Донбасса.....	145
3.3. Образ военного детства в жизненной истории донецкого подростка (на материалах личного дневника Энгелины Подольской.....	171
Заключение.....	194
Список использованных источников и литературы.....	200
Приложения.....	271

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Великая Отечественная война явилась одним из величайших событий, определивших ход мировой истории и судьбы всех ее участников – от мала до велика. Тотальная война втянула в себя сражающиеся армии и гражданское население, опрокинув привычное деление на фронт и тыл, перечеркнув прежние представления об обычаях и этосе войны. Речь шла о жизни и смерти миллионов людей, о будущем цивилизации. История войны – неисчерпаемая тема, ее изучение – долг историков перед теми, кто выстоял и победил, ковал победу, растил хлеб и сохранял культуру. Великий русский писатель Андрей Платонов, сам будучи фронтовым корреспондентом, высказал в своей, лишь недавно опубликованной, записной книжке следующую мысль: «В нашей войне знаменательно то, что даже человек слабый и ничтожный, даже ребенок, еще не осмысливший мир, обречен на подвиг, на честь и величие» [5.226, с.496].

Для детей, как и для фронтовиков, и тружеников тыла, опыт войны стал ключевым в жизни. Он определил очень многое в мировоззрении советских людей, для которых память о войне и великой Победе приобрела поистине священное значение. Вместе с тем, для детского восприятия это был и болезненный, травматический опыт страдания, потерь и лишений. В наши дни представители именно этого поколения являются носителями живой памяти о Великой Отечественной войне, их свидетельства вызывают неослабевающий интерес и оказывают значительное влияние на молодежь.

Полнота осмысления военного детства предполагает детальный анализ его отражения в сознании современников, воссоздание бытовавшего в 1941–1945 гг. (синхронного) образа на основных уровнях советского общественного сознания – обыденном и официально-идеологическом. Детство – период, в рамках которого происходит становление мировоззрения и личности ребенка, от этого процесса неотделимы образы реальности в сознании детей, переживших войну. Ребенок всегда воспринимается как цель

жизненных усилий, воплощение счастья, будущего, поэтому в пропагандистском арсенале понятия материнства и детства выступают важными показателями эффективности социальной политики, воплощением социальных идеалов.

Особую важность имеет рассмотрение локально сфокусированных образов военного детства. В этом отношении характерен опыт Донбасса, в истории которого сконцентрированы ожесточенные бои, массовая эвакуация, особо жесткий в силу прифронтового положения оккупационный режим, восстановление усилиями всего Советского Союза. В силу трагических обстоятельств развернувшейся в наши дни войны тема приобретает практическое значение в контексте как идеологической актуализации образов и символов, связанных с Великой Отечественной войной, так и преодоления детьми социальных и психологических последствий военного конфликта.

Степень разработанности темы. Научная актуальность исследования определяется обращением современной историографии к изучению широкого спектра проблем Великой Отечественной войны в человекоцентричном измерении [7.350, с.8]. Проблематика военного детства, в том числе и образ войны в памяти детей военного поколения, преимущественно исследуется на региональном уровне. Реконструкции синхронного быденного образа военного детства на материалах Донбасса еще не предпринималось. Советское общественное сознание предвоенной и военной эпохи и его образы стали объектом всестороннего исторического исследования [8.542; 8.545; 8.547; 8.549]. На обширном материале историками, социологами, культурологами изучен образ советского детства, сложившийся в идеологии в 1930-е годы. В историографии отчетливо прослеживается тенденция неоправданной экстраполяции такого образа на период Великой Отечественной войны, в то время как специально пропагандистский образ военного детства пока не изучался.

Цель работы – реконструкция и анализ образа детей и детства в советском общественном сознании в период Великой Отечественной войны.

Для достижения данной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- проанализировать историографию проблемы, охарактеризовать основные группы источников, составивших основу исследования;
- обосновать основные методологические подходы к проблеме и методику исследования;
- определить место образа детства в советской государственной идеологии в 1930-е гг. и попытку его инструментальной адаптации на начальном этапе войны;
- проанализировать основные пропагандистские детские образы 1942–сер. 1944 гг.: ребенка-жертвы, опекаемого ребенка, ребенка-труженика и сражающегося ребенка;
- проследить процесс генерализации образа военного детства в условиях победоносного завершения Великой Отечественной войны;
- охарактеризовать факторы формирования обыденного образа военного детства в Донбассе в 1941–1945 гг.;
- выявить основные компоненты образа военных реалий в сознании детей Донбасса;
- на материалах личного дневника Э. Подольской раскрыть образ военного детства в жизненной истории донецкого подростка.

Объект исследования – феномен военного детства во всей сложности и многообразии его проявлений.

Предмет исследования – закономерности формирования структуры, функционирования и развития образа военного детства на идеологическом и обыденном уровнях советского общественного сознания. Обыденный уровень представляет детское сознание, которое исследуется на материалах Донбасса: Сталинской (Донецкой) и Ворошиловградской (Луганской) областей.

Хронологические рамки работы охватывают период Великой Отечественной войны – 1941–1945 гг., предпосылки отдельных процессов в

советском общественном сознании военного времени прослежены начиная с 1930-х гг.

Методологическую основу работы определяют принципы историзма, объективности, системности. Теоретическую основу исследования составила историко-антропологическая методология, в рамках которой детство рассматривается как уникальный социокультурный феномен с характерными сущностными характеристиками, особенностями и историей. Использованы общенаучные, междисциплинарные и собственно исторические методы исследования. С помощью хронологического метода дифференцировались синхронный и ретроспективный образы военного детства. Использование функционального метода позволило выяснить роль ключевых детских образов в официальной идеологии. При исследовании сообщений Совинформбюро и газетной периодики использовался метод контент-анализа, мемуаров – нарративного анализа, материалов устной истории – экстраполяции, реконструктивного перекрестного анализа (П. Томсон), анализа тематического поля (Г. Розенталь). Методы визуальной антропологии привлекались в ходе изучения фото- и киноматериалов, плакатов. В исследовании использован инструментарий микроистории с ее обращением к индивидуальной биографии, отраженной в документах личного характера.

Научная новизна исследования заключается в реконструкции синхронного образа военного детства на идеологическом и быденном уровнях советского общественного сознания 1941–1945 гг.

В диссертационном исследовании автором впервые:

- введен в научный оборот комплекс источников: архивных материалов, газетной периодики, устной истории, источников личного происхождения и фотоматериалов из семейных архивов жителей Донецка, альбом И. Кекуха;

- выявлены ведущие тенденции в динамике образа военного детства на идеологическом уровне советского общественного сознания: попытка в

начале Великой Отечественной войны адаптации предвоенного образа советского детства, его дифференциация на автономные детские образы в 1942–1944 гг., новая генерализация образа военного детства на этапе победоносного завершения войны;

- проанализированы внутренняя структура, целевая аудитория, средства трансляции, пропагандистская интерпретация образов ребенка-жертвы, опекаемого ребенка, ребенка-труженика, сражающегося ребенка;

- поставлена проблема соотношения образов явлений и состояний в структуре образа военных реалий в детском сознании.

Уточнены:

- структура образа счастливого советского детства 1930-х гг.;
- особенности хода войны в Донбассе, которые повлияли на формирование образа военного детства;
- влияние возрастных психологических особенностей на формирование образа военного детства в сознании подростка.

Расширена аргументация в пользу выделения основных этапов развития советской пропаганды в период Великой Отечественной войны, конкретизированы механизмы и средства формирования советских пропагандистских образов.

Практическое значение полученных результатов состоит в возможности их использования при разработке учебных курсов по отечественной истории, подготовке обобщающих работ по истории Донбасса в период Великой Отечественной войны, спецкурсов по истории детства. Сформулированные в работе рекомендации также применимы в воспитательной и социальной работе.

Апробация результатов диссертации. Основные положения и результаты исследования обсуждались на заседаниях кафедры истории России и славянских народов Донецкого национального университета, а также были представлены в выступлениях на ряде научных и научно-практических конференций: III Всеукраинской краеведческой конференции

учащейся молодежи «Юго-Восточная Украина: из древности в XXI век» (Донецк, 2007), 62-й Международной научной конференции молодых ученых «Каразинские чтения» (Харьков, 2009), межвузовской научно-практической студенческой конференции «65 лет освобождения Украины: взгляд из настоящего» (Донецк, 2009), Запорожских еврейских чтениях (Запорожье, 2011), Первой научной конференции ДНР «История Донбасса: анализ и перспективы» (Донецк, 2015), Международной научно-практической конференции «Детское и молодежное движение: история и современность» (Кострома–Астана–Барнаул–Самара–Луганск, 2016), I Международной научной конференции «Донецкие чтения – 2016. Образование, наука и вызовы современности» (Донецк, 2016).

На защиту выносятся следующие положения.

1. Образ военного детства 1941–1945 гг. является сложным и многомерным феноменом, который занимал одно из ключевых мест в советском общественном сознании как на его быденном, так и на идеологическом уровнях. Образ военного детства стал важной частью образа Великой Отечественной войны и выполнял комплекс важнейших функций.

2. Официальная советская пропаганда, с одной стороны, выступала значимым фактором формирования общественного сознания. С другой стороны, пропагандистский образ военного детства в целом не противоречил бытовавшим в обществе представлениям, а во многом и опирался на них. Официальная пропаганда артикулировала, инструментально использовала, заостряла одни элементы народного образа, камуфлируя или замалчивая другие.

3. На начальном этапе Великой Отечественной войны попытка инструментальной адаптации целостного образа советского детства, сложившегося в 1930-е гг., закончилась неудачей.

4. Образ советского детства в 1942–сер. 1944 гг. пережил сложную трансформацию, в результате которой сложилась система относительно автономных пропагандистских образов: ребенка-жертвы, опекаемого

ребенка, ребенка-труженика и сражающегося ребенка. Они различались структурой, целевой аудиторией, средствами трансляции, интерпретацией. Стержневая роль в их смысловом объединении принадлежала образу ребенка-жертвы.

5. В условиях победоносного завершения войны осуществлялась направленная генерализация и структурное упрощение образа военного детства, в это же время сформировались основные векторы его послевоенного развития.

6. В синхронных образах военных реалий в сознании детей системообразующую роль играло сложное сочетание образов событий и образов эмоциональных и психосоматических состояний.

7. Раннее взросление подростков в условиях Великой Отечественной войны изменило механизмы формирования образов в их сознании, прежде всего, за счет рефлексивной составляющей происходила конвергенция советского и традиционного смысловых уровней при доминировании советской идентичности.

Результаты исследования внедрены в учебный процесс в ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» при чтении курсов «История России», «Устная история», «Социально-историческая антропология».

Публикации. Основные научные результаты диссертации изложены в 17 публикациях общим объемом 28,6 п.л., из которых лично принадлежат автору 20,6 п.л., из них 5 являются статьями в рецензируемых научных изданиях объемом 2,3 п.л., 2 – статьями в научных сборниках, из которых лично принадлежат автору 2,1 п.л., 3 – публикациями источников, 7 – публикациями апробационного характера.

Структура диссертации соответствует целям и задачам исследования. Работа состоит из введения, трех глав (9 параграфов), заключения, списка использованных источников и литературы (556 позиций) и 14 приложений. Общий объем работы составляет 277 с., из них 198 с. основного текста.

ГЛАВА 1

СТЕПЕНЬ ИЗУЧЕННОСТИ ПРОБЛЕМЫ, ИСТОЧНИКИ, МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Изучение образа военного детства в советском общественном сознании 1941–1945 гг. осуществляется в рамках человекоцентричной парадигмы исследований истории Великой Отечественной войны. Для выяснения степени изученности темы, использования результатов исследований предшественников, определения путей дальнейшего накопления исторических знаний необходимо специальное рассмотрение ее историографии. В свою очередь, исследование образов определенных значимых явлений в общественном сознании возможно только при опоре на широкую источниковую базу. В силу междисциплинарности проблемы, сложного соотношения форм общественного и индивидуального сознания, существования множества трактовок феномена детства особенно актуальным является определение и обоснование оптимальных методологических стратегий, связанных с выработкой подхода исторической науки к исследованию образов обыденного и идеологического уровней общественного сознания. Цель главы – проанализировать историографию, источниковую базу, методологию и методику изучения проблемы.

1.1. Степень изученности проблемы

Историография Второй мировой войны, рассматривающая феномен войны в различных измерениях, представлена огромным количеством работ, авторами которых на разных этапах выступали, прежде всего, советские историки, ученые России, Украины, Донбасса, а также зарубежные специалисты. Человекоцентричные исследования военного детства на советском и современном этапах исследований имеют значительную

специфику по сравнению с общей историографией Великой Отечественной войны.

Первый этап человекоцентричного осмысления военного детства в СССР – с середины 1940-х до середины 1960-х гг. – можно определить как литературно-публицистический. В Советском Союзе введение проблемы военного детства в публичное пространство, обращение к внутреннему миру ребенка в условиях войны впервые произошло благодаря художественной литературе. Это следует считать по-своему закономерным ввиду особенностей литературы как вида искусства, создающего целостные образы людей, событий, эпохи в целом. Как справедливо отмечает Д. Байрау, в силу специфики советского общества с его идеологической регламентацией и цензурой субъективное и индивидуальное восприятие войны и фронтовиками, и, в еще большей степени, другими социальными группами могло найти выражение именно в художественной литературе [7.331, с.36].

По времени появления глубоко психологических произведений о ребенке на войне приоритет принадлежит рассказам А. П. Платонова. В опубликованном в 1943 г. рассказе «Маленький солдат» внутренний мир ребенка, оставшегося сиротой и превращенного войной в солдата, дается через восприятие взрослых [5.226, с.177–181]. Рассказ «Никита» (1945 г.) написан от лица пятилетнего мальчика, который после ухода матери на работу в поле остается в доме один среди вещей, наделяемых им антропоморфными чертами [5.227, с.126–132]. У современников вызвал критику именно акцент на антропоморфизме детского восприятия мира [5.227, с.399], однако экспериментальные исследования детских психологов в наши дни свидетельствуют, что архетипы коллективного бессознательного представлены у детей (в детских рисунках, сказках, фольклоре и пр.) открыто, ярко и развернуто [7.322, с.49].

Произведением, которое оказалось в центре и общественного, и государственного внимания, стала повесть В. П. Катаева «Сын полка» [5.216]. Название повести как обозначение целой категории детей и

подростков, несущих службу в составе воинских подразделений, быстро вытеснило официальный термин – воспитанники (воинских подразделений). В. П. Катаев охватил целый спектр проблем военного детства: сиротство и обездоленность, боль взрослых от невозможности защитить детей от страданий, сам факт участия детей в боевых действиях, новые формы государственной заботы. На наш взгляд, в дальнейшем непосредственное включение книги в пропагандистское и дидактическое пространство привели к ее упрощенной трактовке в историографии.

Большую роль в привлечении внимания и увековечивании военного подвига молодежи (в том числе детей) сыграл роман А. А. Фадеева «Молодая гвардия» [5.239; 5.240]. Созданный на документальной основе героической и трагической истории подпольной молодежной организации г. Краснодона, этот роман запечатлел психологически достоверные образы героев-комсомольцев, которым автор в большинстве сохранил подлинные имена. И мемуаристы, и литературоведы, и биографы А. А. Фадеева едины во мнении, что основным побудительным мотивом для художника было именно стремление передать искренность и самоотверженность советских юношей и девушек, особенно ярко воплотившиеся в первой редакции романа [4.170, с.288–290; 7.323, с.280–291; 8.552]. В современных условиях продолжаются политические дискуссии вокруг романа и самой «Молодой гвардии», предпринимаются попытки фальсификации ее истории украинскими националистами, в частности членом ОУН Е. Стахивым [7.504]. В Донбассе история «Молодой гвардии» относится к числу центральных тем работ историков, писателей и публицистов [5.128; 7.412; 7.445], стала одной из основ мемориальной традиции, ключевым фактором региональной, а со временем и государственной самоидентификации [7.394]. В настоящее время изучение романа А. А. Фадеева возвращено в школьную программу Луганской Народной Республики.

Значительное углубление детских образов связано с опубликованной в конце 1958 г. повестью В. О. Богомолова «Иван», воплотившего в своем

первом произведении богатый фронтовой опыт [5.201]. Писатель создает образ ребенка, превращенного войной в профессионального разведчика, мстящего врагу: «С одной стороны, это трагическая судьба двенадцатилетнего мальчика на войне, с другой – профессионально точное описание «зеленой тропы», переброски через линию фронта разведчика, в данном случае героя повести» [5.200, с.10]. Автор подчеркивает отличие Ивана от воспитанников полка, его “лютую, недетскую ненависть» к врагу [5.201, с.28, 52]. Для достижения максимально реалистического эффекта Богомолов впервые применил в повести прием включения в повествование точной стилизации официальных документов [5.201, с.80–81]. Повесть была переведена более, чем на 140 языков и издавалась более 200 раз [5.200, с.10]. В 1962 г. она была перенесена на экран А. А. Тарковским с новой трактовкой центрального образа, с экзистенциальными мотивами разрушения войной психики ребенка, обретения им «злого дара войны» [7.407].

Циклом рассказов «Трудное детство», опубликованном в 1959 г. в журнале «Юность», пришел в литературу А. В. Приставкин [5.229]. Небольшие, не имеющие сюжета рассказы воспроизводят автобиографические сцены из жизни эвакуированных в тыловом детском доме. Литературоведы часто определяют жанр этого произведения как стихи в прозе или объясняют его необычную, похожую на вспышки, структуру неопытностью писателя. Как нам представляется, в силу своего таланта Приставкин сумел воспроизвести в художественном произведении именно особенности детской памяти.

В рамках литературно-публицистического этапа изучения военного детства выделяется биографическое направление. У его истоков – талантливая и многоплановая повесть Л. А. Кассиля и М. Л. Поляновского «Улица младшего сына» (1949 г.) о жизни и борьбе в оккупированной Керчи юного подпольщика Володи Дубинина [5.215]. Начиная с 1950-х гг. в СССР появилось множество беллетризованных биографий (публицистические очерки, документальные повести, научно-популярные издания) советских

детей и подростков – активных участников борьбы с фашизмом. Подобная тенденция объясняется, с одной стороны, стремлением отдать дань их памяти, накоплением новых данных о подвигах несовершеннолетних, с другой – переосмыслением войны в послесталинскую эпоху, смысловом акценте на ее общенародном характере. Знаменательным стало присвоение посмертно звания Героя Советского Союза Вале Котику и Зине Портновой в 1958 г., Марату Казею в 1965 г. [7.365, с.153–178]. В государственном идеологическом контексте формируется и закрепляется в общественном сознании идеологема «пионеры-герои». Интерпретация активного участия детей в вооруженной борьбе против фашизма существенно отличалась от комплекса представлений 1941–1945 гг. Так, к числу пионеров-героев был отнесен Леня Голиков [7.365, с.146–152], который в военное время прославился как герой-комсомолец [5.202].

Отдельные издания и целые биографические серии издавались на Украине [5.243; 7.509]. Одним из первых стал очерк Б. Ф. Белявца «Терентій – лісників син», посвященный партизану и красноармейцу Терентию Лучанинову, героически погибшему в 14 лет [5.200]. Значительное внимание участию молодежи в подпольном и партизанском движении на Украине, восстановлению биографий погибших несовершеннолетних героев уделил П. Т. Тронько, много сделавший для развития исторического краеведения [7.512].

Примером возвращения заслуженного внимания к несовершеннолетним участникам подпольной борьбы в Донбассе в годы Великой Отечественной войны является документальная повесть М. Гранберга «Это было в селе Покровском». Произведение посвящено деятельности подпольной пионерской организации «Каровский союз пионеров» в с. Покровском Донецкой области (Каров – герой повести создателя организации Васи Носакова). Помимо освещения деятельности организации, автор проследил дальнейшую судьбу участников подполья [5.207].

Художественный уровень и документальная достоверность биографических работ очень разнились, значительная их часть носила сугубо пропагандистско-дидактический характер. Литературовед С. Г. Леонтьева для изданий подобного характера вводит термин «литература пионерской организации». Она отмечает бытование шаблона, схожесть описания жизни детей-героев с агиографией и ее провиденциализмом [8.550]. В целом ряде случаев ради получения заданного результата авторы шли на серьезные фактические искажения. В этом смысле характерный пример – биографический очерк о Василии Кúрке (1925–1945), в котором его возраст был уменьшен до 13 лет, искажены время и место начала службы, приписаны подвиги разведчика [5.210]. Подобные искажения широко используются в современной антисоветской риторике для выдвижения взаимоисключающих утверждений. С одной стороны, говорится об аморальном тотальном вовлечении детей в вооруженную борьбу, а с другой – о якобы тотальной фальсификации истории и отсутствии подлинного героизма несовершеннолетних [7.411, с.16–81; 7.501].

Второй исследовательский этап – научно-литературный, охватывающий сер. 1960-х – 1980-е годы. На данном этапе различные проблемы военного детства раскрывались в произведениях целого ряда жанров, для которых характерно сопряжение художественного и научного творчества.

Жанр научного поиска как научно-литературного И. Л. Андроников определил через его особенность – захватывающее читателя движение вместе с автором в его научных поисках. К этому жанру Андроников отнес книгу А. А. Смирнова «Брестская крепость», в которой «прослеживаются судьбы сотен людей, восстанавливается коллективный подвиг, которому, казалось, навсегда суждено остаться безымянным» [7.327]. Среди восстановленных была и судьба воспитанника музыкантского взвода Петра Клыпы [5.234].

В жанре научного поиска также написана книга А. Л. Барто «Найти человека» [7.335]. В художественной форме представлен сложный

исследовательский путь: возникновение идеи поиска родных, разлученных войной, без точных данных, по воспоминаниям детства; масштабная переписка; ежемесячная радиопередача (1965–1973 гг.); подтверждение правильности методики – более 900 воссоединенных семей. Агния Барто нашла решение проблемы, которая волновала Всеволода Вишневского, когда 14 сентября 1943 г. он, находясь в блокадном Ленинграде, писал в дневнике: «У детей при усыновлении меняют фамилию, и когда-нибудь уцелевшим родным, близким будет почти невозможно их разыскать» [4.150, с.368]. «Чтобы писать для ребенка, надо прежде всего хорошо его знать», – так свой художественный принцип А. Барто сформулировала в выступлении на I съезде советских писателей [2.71, с.254]. Опираясь на опыт работы с детьми и глубокое знание их психологии, писательница доказала релевантность использования ранних (по крайней мере, с 3-х лет) воспоминаний, структурировала их, вычленила базовые образы. Новаторство, междисциплинарность, высокие гуманистические цели делают книгу А. Л. Барто важной вехой в истории изучения военного детства.

В сборнике «Медаль за бой, медаль за труд» авторы очерков по газетным публикациям, воспоминаниям восстанавливают имена и судьбы сыновей полков, детей – героев труда, запечатленных на фотографиях военного времени. Составитель и редактор сборника В. Караваев сам в годы войны был сыном полка [7.400]. Очерки, письма, воспоминания, документы собрал В. Демьяненко в книге «Сини полків». Судьба ее героев (место рождения, боевая или трудовая биография) связана с Донбассом [7.380]. Я. Давидзон, бывавший в качестве корреспондента в крупных партизанских соединениях, используя материалы собственных статей, восстанавливает жизнь и быт юных партизан [7.377]. Книга В. Литвинова «Поезд из ночи» посвящена детям-узникам фашистских концентрационных лагерей (Майданек, Освенцим, Саласпилс). В работе сочетаются документальные данные и свидетельства очевидцев о зверствах над несовершеннолетними узниками [7.436].

Проблема участия несовершеннолетних в сопротивлении оккупантам в Донбассе также освещалась в рамках журналистских расследований. Так, А. Голубцов и И. Донченко в своей статье «В 15 мальчишеских лет» рассказывают о предвоенной жизни и боевом пути Анатолия Комара, погибшего в 1944 году [7.364]. Повесть в письмах «За меня вам не будет стыдно» Б. Белашова и А. Климова восстанавливает историю семьи Васюшкиных из г. Константиновка Донецкой области. Глава семьи – Константин Васюшкин – начал войну под Москвой, а в 1944 г. погиб. Жена и двое детей чудом успели выехать в эвакуацию в Казахстан. После его гибели вдове и детям продолжали приходить письма от однополчан [4.175, с.8–25].

На стыке научного и художественного находится жанр книг, написанных советскими плакатистами: «Как создается плакат» В. С. Иванова [4.160] и «Товарищ плакат» В. Б. Корецкого [4.164]. Это глубокие исследования по теории плакатного искусства, широко опирающиеся на богатейший опыт работы выдающихся мастеров.

Подвижническим трудом писателей было положено начало обращения к устной истории. Именно так мы можем оценить появление жанра, который Алесь Адамович называл сверхлитературой – в смысле отказа от вымысла, достижения непосредственного контакта с реальностью. Преодолевая достаточно серьезные административные барьеры, Д. А. Гранин, А. М. Адамович создали «Блокадную книгу» [5.208], А. М. Адамович, Я. Брыль, В. А. Колесник – сборник «Я из огненной деревни» [5.191]. Алесь Адамович, Янка Брыль, Владимир Колесник писали о создании книги и ее цели: «Десятки километров магнитофонных записей – рассказы более трехсот непосредственных свидетелей хатынских трагедий и составили содержание этой книги. <...> Свою задачу мы видели в том, чтобы сберечь, удержать, как «плазму», невыносимую температуру человеческой боли, недоумения, гнева, которые не только в словах, но и в голосе, в глазах, на лице...» [5.191, с.5]. Одной из центральных в проблематике устной истории военного детства стала книга «Последние свидетели. Соло для детского голоса»

С. А. Алексиевич [5.192]. С обращением авторов к устной истории, к «живым голосам» на первый план вышла проблема травматического жизненного опыта детей военного поколения. И по задачам, и по характеру источников эти книги отличаются от жанра научного поиска, поэтому нам представляется некорректным противопоставление книг С. А. Алексиевич и А. Л. Барто [7.515].

Третий, современный – историко-антропологический – этап начался в 1990-е годы и связан с обращением ученых России, Украины, Донбасса к идеям и инструментарию западной исторической науки, прежде всего это касается историко-антропологического подхода, разрабатывавшегося представителями западной историографии, в первую очередь разных поколений школы «Анналов» и Франкфуртской школы [7.356, с. 53–68; 7.420; 7.472]. Историко-антропологические исследования военного детства разворачиваются по нескольким основным направлениям.

Становление историко-антропологического подхода к изучению военного детства в СССР генетически связано с исследованиями социальной истории советских несовершеннолетних в годы войны, в круг изучаемых проблем включаются исследования детской повседневности [7.416]. Одна из первых попыток комплексного исследования проблемы связана с трудами украинского ученого Г. М. Гольша, которые с точки зрения нашей диссертационной работы ценны еще и в силу подробного освещения истории социального и материального положения детей и подростков в Донбассе в 1941–1945 гг. В монографии «У вирі війни. Становище неповнолітніх громадян України в 1941–1945 рр.» автор детально, на широком круге архивных источников исследует жизнь детей и подростков в УССР по целому спектру направлений: статистические показатели (удельный вес несовершеннолетних среди населения, их состав по полу, возрасту, социальному положению); участие несовершеннолетних в боевых действиях, подпольно-партизанском движении, трудовой деятельности; влияние оккупации на несовершеннолетних, включая политические, экономические,

социальные, идеологические, морально-психологические, экзистенциальные факторы. Г. М. Голыш выделяет основные модели поведения несовершеннолетних граждан в условиях войны, анализирует медико-санитарные и психологические последствия войны для детей [7.363].

Значительные результаты в изучении детской повседневности 1941–1945 гг. связаны с трудами Е. Ф. Кринко, И. Г. Тажидиновой, Т. П. Хлыниной, А. Ю. Рожкова, И. В. Ребровой, Е. Н. Стрекаловой, Н. Э. Вашкау, В. А. Агеевой, М. А. Рыбловой, Н. О. Фурсиной и др. Спектр интересов исследователей охватывает такие сферы жизни советских несовершеннолетних в годы Великой Отечественной войны, как жизненные стратегии [7.419, с.71–73, 125–130], пищевые практики [7.480], семейная жизнь [7.418], восприятие домашнего пространства [7.522], представления о враге, принудительный труд в Германии [7.417, с.123–130] и т.д. Историки опираются на широкую источниковую базу, включающую материалы делопроизводства центральных и местных органов власти, значительный массив источников личного происхождения синхронного (детские дневники, школьные сочинения, письма) и ретроспективного (мемуары) характера.

Коллективные работы Е. Ф. Кринко, И. Г. Тажидиновой, Т. П. Хлыниной «Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций» [7.417] и «Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941 – 1945 гг.)» [7.419] представляют особый интерес с точки зрения реконструкции семейного пространства советского человека. Авторы приходят к выводу, что семья в годы Великой Отечественной войны стала ключевым институциональным механизмом преодоления трудностей военного времени. Исследователи также отмечают, что, несмотря на государственную политику регулирования семейных отношений, люди имели значительную степень свободы в области конструирования собственного пространства.

В монографии волгоградского историка Т. А. Павловой впервые представлена развернутая картина условий жизни, настроений и поведения населения на разных этапах Сталинградского сражения: накануне битвы, в условиях военного и осадного положения, в период немецко-фашистской оккупации, во время окружения города советскими войсками. Уделено также внимание повседневным проблемам беременных женщин, женщин с малолетними детьми, детей-сирот [7.468].

В работе Л. Л. Газиевой «Проблемы и противоречия использования опыта Первой мировой войны по спасению детей в период Великой Отечественной войны» рассматриваются изменения в жизненных стратегиях несовершеннолетних в условиях вооруженного конфликта: от доминирующего стремления нанести вред противнику ребенок переходит к стремлению помочь «своим» [7.359]. Эти выводы перекликаются с наблюдениями А. В. Фатеева за ходом дискуссии в среде советских педагогов о принципах воспитательной работы с детьми в военное время – противостояния концепций «взрачивания ненависти к врагу» и «формирования у школьников гуманистических ценностей» [7.516].

Весомый вклад в реконструкцию детской повседневности принадлежит волгоградскому историку М. А. Рыбловой, соавтору монографии «Детство и война: культура повседневности, механизмы адаптации и практики выживания детей в условиях Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской битвы)», редактору сборников «Дети и война: Сталинградская битва и жизнь в военном Сталинграде в воспоминаниях жителей города». На основании более чем 260 интервью «детей войны» исследовательницей был изучен широкий спектр проблем быта несовершеннолетних в г. Сталинграде в 1941–1945 гг., включая пищевые практики детей и подростков, а также традиционные схемы выживания в условиях голода [7.481; 7.482].

Ярким свидетельством успехов историко-антропологических исследований в России является включение разделов, посвященных

повседневной жизни несовершеннолетних в 1941–1945 гг., в крупные обобщающие труды. В частности, в 12-томном издании «Великая Отечественная война 1941–1945 гг.», исследователи рассмотрели с человекоцентричных позиций проблемы участия детей и подростков в войне, производстве, материальную составляющую их быта и т.д. [7.349, с.879–894].

Принципиальным шагом в изучении советского детства в период Великой Отечественной войны явилось обращение к устной истории. Такой подход позволил значительно расширить объем знаний в области быта, событий, не нашедших отражения в документальных, визуальных и художественных источниках, выявить особенности влияния войны на судьбы детей и подростков различных социальных и этнических групп и т.д.

Весомый вклад в изучение жизни деревенских детей в условиях Великой Отечественной войны принадлежит Л. Н. Юсуповой, которая обратилась к воспоминаниям очевидцев боевых действий в Карелии и Ленинградской области. Автор выделяет определенные различия в восприятии событий оккупации Советской Карелии детьми, принадлежавшими к представителям «коренных» (карелы, финны, вепсы) и «некоренных» (русские) национальностей [7.529;7.530]. О. Орленко, В.Симиндей обратились к сбору интервью и исследованию судьбы детей, угнанных на территорию Латвии, 1943–1944 гг. [7.467].

Военному детству посвящена монография Е. Ю. Волковой «Маленькие участники большой войны (дети в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.)». Основным источником в монографии выступают воспоминания более 100 очевидцев, которые в детском возрасте пережили Великую Отечественную войну. Свидетельства собирались автором в течение 30 лет, они всесторонне показывают повседневную жизнь детей в советском тылу, на оккупированных территориях, в блокадном Ленинграде, концлагерях и т.д. В работе благодаря информативным особенностям интервью были выявлены ранее неизвестные формы участия несовершеннолетних в оказании

помощи взрослым, принципы формирования детских сообществ и т.д. [7.353].

Значительное место в современной российской и украинской историографии отведено проблеме несовершеннолетних оstarбайтеров. В рамках проекта «Женщины Равенсбрюка» под руководством Н. П. Тимофеевой и Р. Саанверда Сантиса в 2004–2005 гг. были проведены нарративно-биографические интервью с бывшими несовершеннолетними узниками женского концентрационного лагеря [7.477, с.19–20]. В ходе их изучения С. В. Аристов выяснил, что вербализация стрессовых явлений повседневной жизни являлась ключевым фактором их преодоления подростками в условиях заточения в Равенсбрюке [7.328].

Г. Г. Гринченко на основе нарративных интервью проанализировала две стратегии, определяющие рассказ интервьюируемых свидетелей: включение «немецкого» прошлого в семейную историю и коллективный опыт принудительных работ [7.370; 7.371]. К особенностям детских воспоминаний о пребывании на принудительных работах она относит включение в образы прошлого зрительной, звуковой, пространственной составляющих, присутствие, но не доминирование принуждения к труду. Наиболее тяжелые переживания детей были связаны с физическими лишениями (голод, отсутствие отдыха, тяжелые условия проживания) [7.370, с.235–278].

Т. П. Хлынина в исследовании «Локусы приватного: дом и семья в устных воспоминаниях очевидцев Великой Отечественной войны» указывает на то, что дом играл центральную роль в повседневной жизни советских граждан. Часто коммунальный характер домашнего быта и многопоколенческие семьи были причиной поиска приватного пространства, которым для взрослых могла выступать частная переписка, а для детей – «уличный бег» – стремление избежать родительского надзора, который в военное время и так ослабел [7.522].

Механизмы и принципы формирования памяти о событиях 1941–1945 гг. у детей военного поколения освещают авторы сборника научных статей под редакцией А. Ю. Рожкова «Вторая мировая война в детских «рамках памяти» [7.476]. Наибольший интерес представляет работа Е. Н. Стрекаловой, в которой автор указывает, что образы в индивидуальной памяти поколения «детей войны» представлены значительно шире, нежели коллективные представления о событиях военного времени, которые во многом сконструированы из смысловых конструкций последующих эпох, то есть не являются синхронными [7.505].

Расширение инструментария исследования исторической памяти детей военного поколения связано с обращением к проблеме военного детства представителей различных наук. Социологи А. А. Алексеенок и Т. В. Игнатова для изучения образа войны в сознании людей, чье детство пришлось на 1941–1945 гг. применили метод фокус-группы. Преимуществами данного метода являются взаимодействие участников, групповая дискуссия, выявление спектра мнений, получение углубленной информации [7.326].

В современной историографии военного детства в СССР постепенно расширяется обращение к синхронным источникам личного происхождения: детским дневникам, письмам, рисункам. В. А. Агеева и А. А. Волвенко вводят в научный оборот детский дневник М. Е. Галах-Мураевой (1943–1945 гг.), на основе его анализа делают вывод, что ключевую роль в формировании представлений об оккупации и оккупантах играл личный жизненный опыт несовершеннолетних, в организации досуга советских детей в отличие от довоенного времени, значительно снижена роль семьи и, соответственно, возросла роль школьных коллективов [7.324].

Историко-антропологические подходы к изучению проблематики детства применяют авторы в рамках исследования Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления Донбасса: социально-экономического развития региона (А. А. Саржан) [7.485], фашистской

оккупационной политики (И. С. Тарнавский) [7.507; 7.508], материального обеспечения матерей и детей (Т. М. Удалова) [7.513], детских домов (М. А. Соловей) [8.558]. И. М. Гридина ввела в научный оборот сочинения учащихся 5–7-го классов женских школ г. Константиновки на тему: «Что я пережила во время оккупации немцами города Константиновки». Данный исторический источник очень важен для исследования восприятия детьми военных событий, но автор ограничивается рассмотрением лишь отдельных элементов повседневности советских детей и подростков [7.369]. Проблемы военного детства в Луганске изучают Т. Ю. Анпилогова, И. А. Зверуха, Г. И. Королева [5.253]. Попытка комплексного изучения истории детства в Донбассе в 1941–1945 гг. была предпринята Я. С. Овчинниковой в диссертационном исследовании «Діти і підлітки Донбасу в умовах Великої Вітчизняної війни (1941–1945 рр.)» [8.554]. Учитывая, что работа Я. С. Овчинниковой появилась позднее монографии Г. М. Голыша, а источниковая база и круг поднятых вопросов уже, чем в его монографии, приращение знаний оказалось незначительным.

Проблема места детства в советском смысловом пространстве, а также его отражения в пропаганде и общественном сознании в 1920–1930-х гг. привлекала значительный интерес историков, культурологов, социологов, литературоведов. Исследователями рассматривается широкий диапазон проблем – от формирования общего концепта советского детства (И. Н. Арзамасцева [8.542], Т. М. Смирнова [7.499]) – до целого спектра частных прикладных вопросов, связанных с героями детской литературы (И. В. Кукулин) [7.424], школьными программами (А. И. Щербинин) [7.528], местом образов Ленина и Сталина в идее советского детства (К. А. Богданов) [7.338], темой детства в советской драматургии (В. В. Гудкова) [7.373], играми (В. А. [Сомов](#)) [\[7.501\]](#), др. Проведенные исследования свидетельствуют о нарастании патернализма советской политической системы, исключительной роли и идеологической нагрузке образа счастливого советского детства в предвоенной советской идеологии.

Изучение образов детей и детства в советском смысловом пространстве 1941–1945 гг. не вызывало такого значительного исследовательского интереса, как соответствующая проблематика применительно к 1930-м гг. На период Великой Отечественной войны часто переносятся характеристики предвоенных образов при том, что принципиальные изменения, вызванные войной в советской идеологии, достаточно хорошо изучены [7.333; 7.454; 7.491; 7.495]. В контексте общего интереса историков к образам общественного сознания изучаются идеологемы и конструкты, в состав которых входили детские образы: советской женщины, государства [8.545], Отечественной войны [8.546], Родины-матери [7.332; 7.483], особенно подробно – образ врага. Е. С. Сениянская [7.492], М. Л. Волковский [7.354], Л. И. Батюк [8.543] акцентируют внимание на том, что одним из главных маркеров образа немецко-фашистских захватчиков в советской пропаганде было определение «детоубийцы», при этом характеристика жертв агрессии, в первую очередь детей, включается авторами в смысловую структуру образа врага.

В ряде работ осуществляется анализ детских образов в отдельных средствах пропаганды, литературе и искусстве (также выполнявших пропагандистские функции). А. В. Фатеев [7.516], С. Г. Леонтьева [8.550], К. А. Богданов [7.337] при изучении детской литературы анализировали ее соотношение с официальной идеологией, включение в воспитательный процесс. Л. А. Пинегина, проанализировав факторы обращения советских художников к теме детства, разработала классификацию образов ребенка в советской живописи периода Великой Отечественной войны [7.470, с.104–109, 151–153]. Наиболее характерные живописные детские образы выделила Т. В. Ильина [7.395, с.256]. А. Е. Снопков рассмотрел типичные детские образы, используемые в советском агитационном плакате [6.317, с.19–22].

Обращение к истории советского детства 1930–1940-х гг. в западной историографии разворачивается в контексте интереса к оформлению советской идеологической системы в 1930-х гг., социальному статусу

несовершеннолетних, государственной социальной политике, советской идеологической интерпретации феномена детства.

Х. Гюнтер и К. Кларк подчеркивают роль детских образов и аллюзий в рамках становления советских архетипов и сталинского мифа о «великой семье». Образы отца народов, братства трудящихся предопределили ту исключительную роль, которая была присуща детским образам во всей системе советской пропаганды [3.376, 7.404].

Катриона Келли изучает процесс формирования в высшей степени эмоциональных образов ребенка-жертвы и ребенка-героя в советском символическом пространстве 1930-х годов и роль детской литературы в этом процессе. Решающую роль в их закреплении в сознании советских детей играли такие механизмы, как социализация детей в ходе обучения, вовлечение в политические организации, прежде всего в пионерское движение, а также государственная и партийная пропаганда, использующая детскую литературу, школьные учебники и визуальные средства [7.402; 7.403].

В исследовании сознания советской молодежи 1940-х гг. «Последнее поколение Сталина. Советская послевоенная молодежь и становление зрелого социализма» Юлиани Фюрст, анализируя содержание советской пропаганды периода Великой Отечественной войны, отмечает продолжение атеистической пропаганды в младших учебных заведениях, несмотря на улучшение отношений между церковью и государством, что с ее точки зрения свидетельствует о неизменности курса Сталина на построение «советского человека» [7.537].

Профессор Кембриджского университета О. Кучеренко подошла к исследованию положения подростков-рабочих на советских промышленных предприятиях и детей в воинских соединениях РККА в период Второй мировой войны с позиций социального статуса. Автор сделала вывод о дискриминации несовершеннолетних на производстве исходя из материалов уголовных дел и внутриведомственной корреспонденции. При этом

количество таких уголовных дел она не сопоставила с числом работавших и не учла, что сам факт уголовного преследования свидетельствует о борьбе с подобными преступлениями. несовершеннолетними в армии исследовательница определила как почти привилегированный, поскольку рассматривала только случаи, когда в воинских подразделениях находились дети из семей командно-офицерского состава. Интересна фиксация подобной тенденции после 1943 г., но даже источники личного происхождения, на которых концентрируется О. Кучеренко, передают более сложную ситуацию [7.539–7.540].

Джули Граффенрид верно ставит вопрос об отличиях военного опыта детей и взрослых, а в итоге обвиняет государство в эксплуатации образа ребенка-жертвы для обвинения противника (игнорируя реальные злодеяния нацистов) и в использовании детей в качестве комбатантов и рабочих [7.538].

Марк Томас Флетчер в книге «Дуалистичность советской культуры: искусственная и естественная культуры» приходит к заключению, что в 1941–1945 гг. концепция советского детства институционально не претерпела серьезных изменений, а лишь корректировалась в соответствии с потребностями милитаризированной экономики и армии. Автор игнорирует глубину изменений советской идеологии в связи с формированием концепции Отечественной войны и игнорирует трансформацию в новых условиях довоенного образа детства. Конструкция «советское счастливое детство» действительно была превращена в международную пропагандистскую витрину Советского Союза – основу формирования образа государства периода холодной войны: «СССР – защитник прав детей во всем мире», но произошло это не в 1941 г., как утверждает М. Т. Флетчер, а в 1945 г. [7.536].

Таким образом, изучение советского военного (1941–1945 гг.) детства в СССР прошло литературно-публицистический и научно-литературный этапы. В современных условиях исследование проблемы представлено в работах российских, украинских, западноевропейских и американских

историков и ученых ДНР и ЛНР широким спектром направлений, однако проблема синхронного образа военного детства в общественном сознании, прежде всего, на его идеологическом уровне и на материалах Донбасса остается неизученной.

1.2. Источниковая база исследования

В основу изучения образа военного детства в советском общественном сознании 1941–1945 гг., положены группы источников, классифицированных по происхождению и содержанию.

Первая группа источников – это *документы органов партийно-государственной власти*, которые касались социального статуса и материального обеспечения разных категорий детей, формирования пропагандистского образа детства, отражали общественную активность, направленную на заботу о подрастающем поколении.

Материалы съездов и постановления ЦК ВКП(б) позволяют проследить стратегический курс по отношению к детям и детству, формирование и реализацию пропагандистского сопровождения государственной социальной политики. В выступлениях И. В. Сталина обычно концентрированно формулировались стратегические установки, выдвигались соответствующие лозунги [2.104], более подробно они раскрывались «всесоюзным старостой» М. И. Калининым, который в 1922–1938 гг. занимал должность Председателя ЦИК СССР, в 1938–1946 гг. – Председателя Президиума Верховного Совета СССР [2.64].

Ряд постановлений СНК СССР и ЦК ВКП(б), указов Президиума Верховного Совета СССР и УССР содержали ключевые директивные положения, касающиеся политики по отношению к детям в военных условиях. Эти документы подразделяются на три основных тематических блока: 1) обеспечение социальной защиты детей военнослужащих («Об улучшении работы советских и местных партийных органов по оказанию помощи семьям военнослужащих» от 22 января 1943 г. и ряд других);

2) привлечение несовершеннолетних к различным видам труда (например, «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей» от 13 апреля 1942 г.); 3) восстановление разрушенных школ, больниц и др., борьба с беспризорностью и безнадзорностью на освобожденной территории («О неотложных мерах по восстановлению народного хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» от 21 августа 1943 г., «О мерах по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в Украинской ССР» от 30 марта 1944 г. и др.). Названные документы позволяют установить основные категории несовершеннолетних в системе советского права периода войны и проследить эволюцию их социально-правового статуса [2.53; 2.63–2.66].

В данную группу включены также материалы текущего делопроизводства органов исполнительной власти: СНК СССР, отдельных народных комиссариатов, исполкомов областных и городских советов, областных отделов народного образования, органов статистики. Использованные документы молодежных организаций касаются организации политической работы с молодежью, включения детей в советскую политическую систему и их привлечения к труду, борьбе с врагом, идеологическим кампаниям [1.4–1.32].

Материалы Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР с особой тщательностью фиксировали преступления против детей и детства и затем широко использовались в антифашистской пропаганде. Данные материалы публиковались в СМИ и выходили отдельными изданиями [2.78]. Материалы тайного делопроизводства НКВД содержат ценные свидетельства о настроениях населения в различные периоды войны, об участии детей в партизанском и подпольном движении и т.д. [1.35–1.36; 2.70].

Автором изучены документы 9 фондов 5 государственных архивов: Архива МИД Российской Федерации (ф.069), Российского государственного архива (ф.1562), Государственного архива Донецкой народной республики (фф.Р-279, Р-2852, Р-1838, П-326, П-533), Государственного архива Луганской народной республики (ф.Р-1748), Отраслевого государственного архива Службы безопасности Украины (фф.13, 16).

Вторая группа объединяет материалы средств массовой информации: Совинформбюро, ряда газет и журналов. Пресса, с одной стороны, выступала важнейшим средством пропаганды, формировавшим образы общественного сознания, а с другой, в ней публиковался и ряд материалов, в частности, писем, фотографий, отражавших такой образ. Особое значение сообщений Совинформбюро определяется тем, что в период Великой Отечественной войны этому органу принадлежало монопольное право на получение и распространение внутри страны и за рубежом информации о военных действиях. Тексты сводок были опубликованы в 1944–1945 гг. [2.79–2.86].

В работе использованы публикации газет: «Правда» – органа ЦК и МК ВКП(б), «Известия» – официального органа Верховного Совета СССР, «Красная звезда» – центрального органа Наркомата обороны СССР. Для анализа системы публикаций, посвященных детям, был изучен ряд газет, выходивших в Украинской ССР в 1944 г. (полный военный год, на протяжении которого они выходили на территории республики): «Правда Украины» – орган ЦК КП(б)У и Киевского обкома КП(б)У, «Социалистический Донбасс» – орган Сталинского обкома, горкома КП(б)У и областного совета депутатов трудящихся, «Ворошиловградская правда» – ежедневная газета Ворошиловградского горпарткома, горсовета и городского профсовета, «Молодь України» – орган ЦК ЛКСМУ. Также привлекались материалы газеты «Артемівський робітник» – органа Артемовского горкома и райкома КП(б)У, городского и районного Советов депутатов трудящихся Сталинской области, «Знамя индустрии» – газеты Константиновского

горсовета и горкома КП(б)У, «Ленинское знамя» – ежедневной газеты Киевского особого военного округа и др. [3.91–3.145].

Третья группа представлена произведениями фольклора. Тексты песен, загадок, анекдотов, «песен неволи», записанных со слов детей и подростков в ходе экспедиций 1944–1949 гг., а также произведения детского творчества (стихи, сочинения) хранятся в Архивных научных фондах рукописей и фонозаписей Института искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М. Ф. Рыльского (фф.14-3, 14-5). Особый интерес представляет сохранившиеся в коллекции Т. М. Джерелюк воспоминания ученицы 6-го класса средней женской школы №80 г. Сталино Эллы Богохвал (14 лет) про День Победы, написанные ею в октябре 1947 г. [1.46].

В четвертую группу вошли ведущие для изучения образа военного детства в общественном сознании *источники личного происхождения*: письма, дневники и мемуары. Особое значение писем и дневников определяется тем, что они фиксировали непосредственные (синхронные) впечатления и оценки участников (свидетелей) войны.

Письма военного времени позволяют реконструировать характер и атмосферу отношений между членами семей, разлученных войной. В работе использованы опубликованные, размещенные на интернет-сайтах, сохранившиеся в семейных архивах письма жителей Сталинской области [4.175; 4.186; 9.560]. Ценным эпистолярным источником является переписка А. Т. Твардовского периода войны. Большинство писем, адресованных супруге поэта, доставлялось в обход цензуры, что повышает их значимость. Письма поэта отражают его мысли и чувства на разных этапах войны, показывают творческую историю ряда произведений, прежде всего солдатского эпоса «Василий Теркин» [4.183].

Дневники – памятники достаточно редкие, ведь возможность вести их в военных условиях имели немногие, а написанные детьми – просто уникальны. В семейном архиве Горбовых-Червяченко сохранился такой источник – детский военный дневник Э. П. Подольской (Червяченко),

опубликованный автором данной диссертации [4.171].

Эпизоды, наблюдения, связанные с детьми, содержат дневники детских писателей: К. И. Чуковского (изданы после смерти писателя) [4.188], А. Л. Барто [4.146]. Дневниковые записи писателей, бывших военными корреспондентами, интересны как зафиксированными в них наблюдениями за детьми, так и данными об организации работы газетных редакций: А. А. Фадеева [4.184], Е. А. Долматовского [4.153] и др.

Особым богатством материала для изучения всех сторон военной истории – от политической работы до повседневности – отличаются дневники В. В. Вишневского [4.149–4.150]. В свое время он подростком бежал на фронт Первой мировой, и судьба детей на войне впоследствии неизменно привлекала его внимание. В годы Великой Отечественной войны Всеволод Вишневский был военным корреспондентом и политработником высокого ранга, присутствовал на заседаниях руководящих политических органов РККА, возглавлял оперативную группу писателей при политуправлении Краснознаменного Балтийского Флота [7.522, с.5–9, 292–360]. Будучи непосредственным участником обороны Ленинграда, освобождения Прибалтики, битвы за Берлин, он с самого начала войны поставил перед собой задачу максимально подробно фиксировать все происходящее. 26 декабря 1943 г. он писал в очередной тетради своего дневника: «Война пронесется, и от нее останутся лишь легенды, книги, памятники, символы... и могилы. А над полями – вечное необъятное небо, белизна снегов, людские заботы дня, раздумья... И кто-то в зиму 2043 года, может быть, спросит:

– А как жили люди в 1943 году, участники Отечественной войны?

В меру сил своих я об этом и рассказываю (третий год!), – безвестный потомок мой» [4.149, с.475].

Военные дневники, призванные, по словам писателя, «сохранить для истории наши наблюдения, нашу сегодняшнюю точку зрения – участников», были изданы после его смерти и заняли 2 тома собрания сочинений общим

объемом 1635 с. [4.149–4.150]. Современники расценивали этот титанический труд как один из главных литературных памятников Великой Отечественной войне [7.325]. Биограф писателя В. Хелемендик подчеркивал, что Вишневский «рассматривал свой дневник не как художник, а прежде всего как летописец, стремящийся более всего к точности и правде и ставящий отчет о событии превыше художественной детали» [7.522, с.294]. Сейчас этот ценнейший источник возвращается в поле зрения исследователей [7.451].

Ценным источником, отразившим воспоминания детей о пребывании в оккупации вскоре после освобождения, являются самостоятельные письменные работы по русскому языку на тему «Что я пережил в дни оккупации», написанные учащимися школ Ворошиловграда в 1943 г. [1.33–1.34].

Несравненно более многочисленными по сравнению с синхронными документами личного происхождения являются мемуары. В книге воспоминаний «Люди, годы, жизнь» И. Г. Эренбург отмечал: «Никогда люди не смотрели, кажется, с такой жадной нежностью на детей, как в годы войны, глядели и не могли наглядеться» [4.190, с.386]. Практически все воспоминания участников войны содержат сюжеты с участием детей. Это в полной мере относится к воспоминаниям воевавших в Донбассе Ю. М. Лотмана [4.166], Е. М. Мелетинского [4.169], родившихся здесь М. Л. Матусовского [4.167], С. А. Савельева [4.179] и др. Мемуарные книги о 395-й шахтерской дивизии и работе дивизионной газеты «Красный воин» принадлежат заместителю ее редактора Я. Захарову [4.158–4.159]. При использовании мемуаров, опубликованных в советское время, следует учитывать влияние партийно-цензурных органов.

В 1990–2000-е гг. вышло значительное количество воспоминаний, прежде всего принадлежавших перу детей войны, в которых гораздо подробнее рассказывается о фронтовой повседневности. Особо следует отметить книгу детского нейрофизиолога М. М. Кольцовой «Опаленные

блокадой» [4.161]. В осажденном Ленинграде она работала в детской больнице и включила в свои мемуары материалы наблюдений за реакцией детей на обстрелы, их восприятием времени, особенностями сна, опыт применения арт-терапии (с воспроизведением сохраненных рисунков), записи детской лексики, диалогов.

Пятая группа – это произведения разных жанров художественной литературы. С одной стороны, все публиковавшиеся произведения в условиях военного времени несли пропагандистскую нагрузку, а с другой, в них отражались реалии времени, мысли, чувства авторов, общие настроения, ведь, как вспоминал позднее В. Азаров: «Никогда писатели не были так близки к народу, как в этом смешении голода, холода, огня, смертей, в долгую годину бедствий [7.325, с.298]. По сути, о том же писал в мемуарах И. Г. Эренбург: «...вместе со всеми я горевал, отчаивался, ненавидел, любил. Я лучше узнал людей, чем за долгие десятилетия, крепче их полюбил – столько было беды, столько душевной силы, так прощались и так держались» [4.191, с.479].

При Совинформбюро в первые же месяцы войны была создана литературная группа, в которую вошли известные писатели и публицисты: Б. Н. Полевой, Н. А. Тихонов, А. Н. Толстой, М. А. Шолохов, И. Г. Эренбург и др. Кроме этого, многие литераторы, в том числе детские писатели, стали военными корреспондентами и сотрудниками редакций фронтовых газет.

В советской поэзии периода Великой Отечественной войны детские образы присутствовали в творчестве практически всех поэтов: Джека Алтаузена, П. Г. Антокольского, Н. А. Асеева, А. А. Ахматовой, М. В. Исаковского, Д. Б. Кедрина, С. В. Михалкова, А. И. Недогонова, М. А. Светлова, И. Л. Сельвинского, К. М. Симонова, Б. А. Слуцкого, А. А. Суркова, А. Т. Твардовского и др. Многие стихотворные тексты стали основой песен. В годы войны продолжали писать стихи для детей А. Л. Барто, С. Я. Маршак, К. И. Чуковский. Дети являлись главными героями рассказов А. П. Гайдара, которые он успел написать до своей гибели

в 1941 г., знаковых повестей Л. А. Кассиля «Дорогие мои мальчишки» «Великое противостояние», В. П. Катаева «Сын полка» и др.

Шестая группа объединяет визуальные источники: агитационные плакаты и листовки, открытки, марки, фотоматериалы, художественные и документальные фильмы.

Плакаты периода Великой Отечественной войны, в которых присутствуют детские образы, стали яркой страницей в истории мирового плаката по своей выразительной силе и мастерству художественного воплощения. Центром издания плакатов в годы Великой Отечественной войны являлось издательство «Искусство» (Москва, Ленинград), помимо этого плакаты выпускались выездными редакциями центральных газет и журналов и бригадами художников, работавших при творческих союзах, агитпунктах, художественных институтах. Продолжением традиции «Окон РОСТА» с их уникальной для мировой практики быстротой отклика на события стали «Окна ТАСС» [9.568].

Великая Отечественная война значительно расширила детский образный ряд в плакатной графике. В 1941–1945 гг. получили развитие два основных вида плаката: героический и сатирический. В первые месяцы войны в произведениях художников основным элементом образного решения плаката являлось действие, а психологическая характеристика героя и образ человека оставались на втором плане. Это проявилось в некотором однообразии сюжетов и художественного языка плакатов. В ходе войны стилистика агитационного плаката претерпела значительные изменения, главенствующей тенденцией стало стремление передать психологизм, выразить основную идею произведения через переживания человека как представителя народа, возвышенного в своей простоте и самоотверженности. Выделяются ставшие классикой плакаты, которые могут считаться визуально прецедентными текстами – работы И. М. Тоидзе «За Родину-мать!» и В. Б. Корецкого «Воин Красной Армии, спаси!» Достаточно полно плакаты военного времени воспроизведены как в печатных сборниках, так и в

электронных ресурсах. Агитационные листовки военного времени, имели четкую целевую аудиторию (фронтовики и жители оккупированных территорий).

Источниковые возможности произведений изобразительного искусства, как и литературных, важны в двух планах – и в смысле отражения военных реалий и как фактор формирования образа детей войны.

Наиболее редким источником изучения синхронного образа военных реалий в сознании детей и подростков являются их рисунки, особенно с учетом характера военных действий в Донбассе. В фондах Донецкого республиканского краеведческого музея хранится альбом с рисунками Ивана Кекуха, ученика школы № 68 г. Сталино (сейчас школа №139 г. Донецка), члена Авдотьино-Буденновской подпольной организации, казненного оккупантами в 1943 году. В альбоме представлены 28 рисунков, в большинстве своем портреты, в том числе и автопортрет подпольщика, а также пейзажи и сюжетные композиции (приложение К). Как источник по изучению военного детства в СССР этот альбом может дать информацию о некоторых аспектах жизни автора, о повседневной жизни детей в условиях оккупации, о психологическом состоянии автора и его окружения. Источник вводится в научный оборот впервые.

Фотоматериалы, содержащие изображения несовершеннолетних, включают профессиональные фотоработы, которые публиковались в газетах и журналах, и частные (как правило, любительские) снимки [9.565]. Особый интерес представляют семейные фотоальбомы (автор анализирует снимки альбома семьи Носковых-Сергеевых) (приложение И).

Детские персонажи в качестве основных или второстепенных присутствуют в советских кинофильмах 1941–1945 гг. – как документальных («Разгром немецких войск под Москвой», 1941–1942 гг., реж. Л. В. Варламов, И. П. Копалин; «День войны», 1942 г., реж. М. Я. Слудский; так и в художественных («Варежки», реж. Н. А. Любошиц, П. Н. Арманд, 1942 г.; «Радуга», реж. М. С. Донской, 1943 г.; «Это было в Донбассе», реж.

Л. Д. Луков, В. Л. Сухобоков, 1945 г.; «Сын полка», реж. В. М. Пронин, 1946 г. и др).

Седьмую группу составили материалы устной истории. Использовались как авторские, так и опубликованные материалы.

Рассказы эвакуированных детей (в том числе из Донбасса) были записаны Л. К. Чуковской и Л. Л. Жуковой в 1942 г. в Ташкенте. Л. Чуковская так рассказывает о зарождении замысла: «...наркомпрос «в общественном порядке» привлек меня к работе «Комиссии помощи эвакуированным детям». Я навещала детей в детских домах – детей с Украины, из Белоруссии, из Воронежа, Киева, Курска, Ленинграда – детей, привезенных со всех концов страны в глубокий тыл, в Ташкент... не сразу догадалась записывать рассказы детей, не сразу поняла, что передо мною – живая подлинность, которую грех, не запечатлев, упустить» [4.187, с.26]. Лидия Корнеевна начала вести записи в феврале 1942 г., как она пишет, с «благословения» А. А. Ахматовой. Интервью были опубликованы в том же году в книге «Слово предоставляется детям». Авторы в предисловии писали: «Обрабатывали мы материал в весьма незначительной степени. Это не очерки о детях, – это рассказы самих детей. Уклонения от норм литературного русского языка не смущали нас: наоборот, мы тщательно берегли все местные и индивидуальные особенности речи каждого. Мы стремились не только возможно точнее сохранить описание фактов, но и довести до читателя самый голос, подлинную интонацию рассказчиков» [5.305].

Автором в городах Донецк, Киев, Львов, селе Ивановполье (Константиновский р-н Донецкой обл.) было опрошено 52 респондента, которым на 22 июня 1941 г. исполнилось от 3 до 16 лет (из них 27 на момент начала войны проживали в Сталинской области, 21 – в шести областях УССР, 4 – в других республиках СССР). Из проведенных интервью 14 носили нарративный, 38 – полуструктурированный характер [5.284; 5.252].

Программа интервью включала три тематических блока, посвященных семье, военной судьбе и повседневной жизни в период Великой Отечественной войны. Опрос проводился в 2007–2015 гг., что позволило выявить также и влияние текущей политической ситуации на содержание воспоминаний. Для интервью, записанных в период 2007–2012 гг., характерна демонстрация рассказчиком персональных идеологических убеждений, коррелирующих с политическими дискуссиями и информационными трендами политической борьбы на Украине. Лейтмотивом материалов, собранных автором в 2015 г., является сравнение тягот двух войн, а также стратегий выживания в условиях военного времени. Материалы интервью не подвергались литературной обработке. Интервью с детьми войны были дополнены вторичными интервью с детьми тех, кто пережил войну в детском возрасте [5.277, 5.279, 5.290].

К анализу привлекались рассказы жителей г. Артемовска и Артемовского района, собранные и изданные в 2013 г. в ходе осуществления проекта «Заповідано вам пам'ять» Эколого-культурным центром «Бахмат» [5.266], записанное А. В. Заблоцким в 2007 г. интервью ветерана партизанского движения и красноармейца В. Г. Козореца, встретившего войну в 14-летнем возрасте [5.271], а также ряд интервью, собранных в рамках проекта А. Драбкина «Я помню» [101].

В целом указанные группы исторических источников образуют комплекс, позволяющий исследовать проблему с достаточной степенью полноты и достоверности.

1.3. Методология и методика исследования

Диссертационная работа базируется на общих принципах системности, объективности и историзма. Методологическую основу исследования образа военного детства в советском общественном сознании периода Великой Отечественной войны составил историко-антропологический подход к изучению прошлого, который предусматривает рассмотрение развития

общества во взаимосвязи и взаимодействии социума и личности, интерес к жизни человека во всех ее проявлениях: от структур повседневности до государственных институтов. Основы такой методологии были заложены историками школы «Анналов». Один из ее классиков Ф. Бродель отмечал, что история находит «весь свой смысл только тогда, когда она рассматривается в вертикальном срезе от повседневной жизни на уровне земли и к успехам, к достижениям (и несправедливостям) общественной надстройки» [7.344, с.624].

Начало разработки методологического и методического аппарата в изучении детства с историко-антропологических позиций было положено работами Ф. Арьеса, прежде всего, монографией «Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке» [7.329]. Исследователь впервые на историческом материале доказал, что детство является не только стадией онтогенеза, но имеет в зависимости от эпохи неоднородное смысловое, социальное и культурное содержание. В понимании Ф. Арьеса ребенок – это индивид, не прошедший обряд инициации, формы которого определяются спецификой исторической эпохи и общественных групп.

В современной научных трактовках доминирующим является принцип рассмотрения ребенка как «несовершеннолетнего человека». В рамках изучения «детской» истории XX–XXI вв., на наш взгляд, такой подход является абсолютно обоснованным, в том числе, в силу его фиксации в национальных законодательствах. То есть, ключевым атрибутивным признаком детства индивида является временной интервал – от рождения до становления самосознания и саморефлексии, сознания социальной ответственности, которые обеспечивают его интеграцию в социум.

Важным для диссертационного исследования является определение понятия «военное детство». Оно неразрывно связано с феноменом военного поколения – общности современников, сформировавшихся в определенных исторических условиях, под влиянием значимых исторических событий, независимо от их хронологического возраста, объединенных общим

восприятием пережитого исторического прошлого [7.410, с.65–67; 7.490]. Термин «дети войны» возникает уже на завершающем этапе Второй мировой войны, закрепляется в историографии в конце 1980-х гг., а в 1990–2000-е гг., получает широкое распространение на постсоветском пространстве и в политических практиках. Это объясняется, прежде всего, демографическими факторами, изменившими структуру фронтового поколения, в котором доминировать стали люди, встретившие войну в несовершеннолетнем возрасте и не имевшие особого законодательно закреплённого социального статуса. Свою роль сыграло и то, что в условиях развития демократических институтов «дети войны» стали важной целевой электоральной группой, что усилило политические дискуссии об их правовом статусе. В результате в рамках Закона Украины «Про соціальний захист дітей війни» от 18 ноября 2004 г. данный статус получали лица – граждане Украины, которым на момент завершения Второй мировой войны 2 сентября 1945 г. не исполнилось 18 лет [2.61]. На федеральном уровне в Российской Федерации на сегодняшний день отсутствует как социальный статус, так и определение категории «дети войны», однако в ряде регионов граждане, родившиеся в период с 22.06.1928 г. по 02.09.1945 г., законодательно определяются как «дети войны».

Подходы к изучению детства связаны с предметом наук, которые к нему обращаются: философии, социологии, культурологии, педагогики, психологии, юриспруденции, медицины, демографии и т.д. Анализ взаимодействия таких подходов провела украинский философ И. И. Загарницкая [7.386, с.9–26]. В рамках историко-антропологического подхода детство определяется, с одной стороны, как совокупность объектов, процессов, социальных институтов и социальных практик по отношению к детям, которые интегрируются в социум. С другой стороны, в рамках рассмотрения детства «изнутри», изучения ментальности детей, понятие расшифровывается как автономная социокультурная реальность с собственным языком, структурой, функциями, традициями, обобщенный

субъект, который взаимодействует со взрослым миром в субъект-субъектных отношениях. Комплексный подход обязательно включает, как сформулировал И. С. Кон, изучение «системы представлений и образов, в которых культура воспринимает, осмысливает и легитимизирует жизненный путь индивида и возрастную стратификацию общества» [7.410, с.422].

Изучение подобных сложных социокультурных феноменов предполагает системную междисциплинарность. В западной, прежде всего французской, исторической антропологии принципиальное обновление исследовательских стратегий произошло на рубеже 1980–1990-х гг. в результате так называемого «критического поворота». Смещение научных интересов связано, в первую очередь, с проблемой ментальности: влиянием на нее коллективных социальных феноменов, действий индивидов, механизмов формирования идеальных структур, в которых важную роль играют именно образы. Жорж Дюби, классик и пионер таких изменений, определяет ментальность как динамичную систему образов и представлений, по-разному сочетающихся в различных социальных группах или стратах, формирующих представления человека и определяющих его поступки и поведение [7.381, с.49–51]. Следует сказать, что в отечественной историографии наряду с термином «ментальность», как тождественные ему, используются понятия «сознание» и «общественное сознание». А. Я. Гуревич, разделявший и развивавший концепцию ментальности Ж. Дюби, подчеркивал: «В природу общества органично входит человеческое сознание, и нельзя понять устройство и функционирование социального мира, абстрагируясь от многослойного мыслительного универсума, который включает в себя как идеологические, так и социально-психологические и художественные формы освоения действительности людьми, образующими общество» [7.374, с.5].

Под сознанием понимается способность идеального воспроизведения человеком реальности, специфическое проявление духовной жизнедеятельности человека, высшая форма психического отражения.

Общественное сознание определяется содержанием индивидуального сознания членов общества, однако в то же время общественное сознание как самостоятельная целостная система не сводится к сумме индивидуальных сознаний. Оно объединяет взгляды, представления, настроения, чувства, традиции, идеи, теории, отражающие общественное бытие. Общественное сознание в такой широкой трактовке не только отражает окружающую реальность, но и само по себе является особой реальностью со своими специфическими законами формирования, функционирования и возможностью менять мир [7.527, с.311–315].

Общественное сознание представляет собой сложный многоуровневый (многослойный, гетерогенный) феномен [7.475]. На своем базовом – обыденном – уровне оно проявляется в виде меняющихся настроений, эмоциональных состояний, где впечатления, ментальные установки, архетипы сознания, практические знания обычно слабо дифференцированы. Обобщенное отражение и осмысление существенных связей и закономерностей происходит на идеологическом уровне. Идеология представляет собой совокупность теоретически обоснованных политических, философских, эстетических взглядов, правовых и нравственных норм, ценностей и принципов, которые носят систематизированный характер [7.527, с.313–316].

Мощным средством распространения и навязывания сформированных на идеологическом уровне взглядов и идей с целью воздействия на обыденное сознание людей и изменения их поведения является пропаганда [7.488, с.289–290]. Действенная пропаганда опирается, как подчеркивал П. М. Якобсон, «лишь на полученные знания, на апелляцию не только к интеллектуальной стороне личности, а предполагает его большую эмоциональную затронутость» [7.531, с.61]. М. Кастельсу принадлежит афористичная формулировка: «Эмоции являются каналом передачи аргументов» [7.401, с.179]. Экспериментально подтверждена связь эмоций и информации, эмоции обеспечивают силу аргументу, делают его более

убедительным, подталкивают мысль к действию [7.534, p.185]. Как пишет А. С. Горлов, «воспринятое содержание становится не только предметом размышлений, но и источником волнений или настроения, побуждающей силой для новых желаний и устремлений» [8.546]. А для достижения такого эффекта нужно учитывать принцип обратной связи, мнения, настроения самих людей.

Под влиянием новых реалий: информационной революции, распространения рекламных и PR-технологий, «цветных революций», разработки и применения доктрин PSYOP (Psychological operation) в военном деле, в современной социальной философии и психологии происходит переосмысление значения образного мышления и места образов в системе межличностных коммуникаций [7.333, с.102–104; 7.354, с.41–44] и в конечном итоге – властных отношений. Осмысление природы образов находится в центре современной политической теории. Так, М. Кастельс, трактуя политику как процесс распределения власти, разворачивает широкую аргументацию того, что «властные отношения основаны преимущественно на формировании человеческого сознания путем конструирования смысла через создание образа» [7.401, с.221].

Понятие «образ» – одно из ключевых в культуре и является универсальной метафорой социального анализа. В теории познания под образом понимают субъективную картину мира или его фрагментов, содержащую сам субъект, других людей, пространственное окружение и временную последовательность событий [7.496, с.30–34]. Образ является и началом, и конечным результатом познавательного процесса, который протекает на чувственном (возникновение у объекта ощущений, восприятий и представлений) и мыслительном (образование понятий, суждений и умозаключений) уровне [7.520, с.242]. Социальная природа познания определяется социальной природой его объекта, возникновением и закреплением в процессе социальной коммуникации, пребыванием его результатов в общем социальном пользовании [7.431, с.137].

В социальной психологии в зависимости от содержания различают чувственные и знаковые образы. В структуре же образа выделяется эмоциональный и интеллектуальный (рефлексивный, когнитивный) компоненты [7.391, с.249–265; 7.464]. А. Н. Леонтьеву принадлежит вывод об обязательном присутствии в картине мира наряду с чувственными образами и значениями, носителями которых выступают знаковые системы, личностного смысла [7.432, с.255–260]. Образ рассматривается как результат взаимодействия субъекта, объекта и обстоятельств восприятия. В качестве субъекта и объекта могут выступать не только индивиды, но и государства, народы, социальные группы: «Для общества в целом, в отличие от конкретного индивида, создание образов разворачивается в сфере общественной коммуникации» [7.401, с.221]. Е. С. Сениявская выделяет глобальный (стойкий, закрепленный у нескольких поколений комплекс представлений, сформированный под воздействием пропаганды) и бытовой (мобильные, изменчивые впечатления) виды образов [7.494, с.91–95].

Ключевое значение имеют выводы о синкретическом характере процессов социализации, индивидуализации и становления картины мира в детском возрасте; определяющей роли эмоциональной реакции в осознании элементов реальности; включении элементов взрослого сознания, в частности рефлексии, на подростковом этапе [7.437 с.70; 7.465 с.31–33]. Интересно, что в рассуждениях о необходимости и сложности изучения детской картины мира известный психолог В. В. Абраменкова провела аналогию с реконструкцией средневековой картины мира «безмолвствующего большинства» в трудах А. Я. Гуревича. Именно в детском сознании «раскрывается то, о чем изучаемая историческая эпоха вовсе и не собиралась, да и не была в состоянии сообщить, и эти ее невольные послания, не отфильтрованные и не процензурированные в умах тех, кто их отправил, тем самым лишенные намеренной тенденциозности, – в них эпоха как бы помимо собственной воли «проговаривается» о самой себе,

о своих секретах. На этом уровне удастся расслышать такое, о чем нельзя узнать на уровне сознательных высказываний» [7.375, с.115].

Важнейшей характеристикой образов сознания является их динамизм, соответственно, по времени формирования выделяется три типа образов: прогностический, синхронный и ретроспективный [7.346, с.56]. Е. С. Сенявская дает им следующие характеристики.

Первый, независимо от того, доминирует ли в нем интеллектуальный (характерный для военно-политического руководства) или эмоциональный (свойственный массовому сознанию) компонент, как правило, не бывает адекватен. Синхронный образ войны формируется непосредственно в ходе событий, по мере приобретения реального опыта. Ретроспективный образ становится, с одной стороны, фактом исторической памяти народа, с другой, – предметом профессионального анализа разными специалистами (историками, военными, идеологами и политиками). Ретроспективный образ, как правило, частично вбирает в себя и прогностический, и синхронный образы войны, естественно, с очень большой и содержательной, и ценностной корректировкой. В нем же заложены основы прогностических образов будущего, в содержании которых присутствуют как элементы адекватного предвидения, так и заведомые искажения в силу особенностей человеческого мышления, недостатка информации и объективной неопределенности будущего [7.489, с.91–92].

Изучение образа детей и детства в советском общественном сознании периода Великой Отечественной войны предполагает использование как общенаучных, так и специальных методов.

При анализе источников используются такие общенаучные методы, как анализ, синтез, сравнение, логические методы, метод гипотезы и предположения. Синхронный, хронологический и диахронный методы дополняют друг друга, позволяют изучать события и явления, как в статике, так и в динамике, устанавливать границы качественных изменений. При изучении художественных источников использованы эмпирические методы

наблюдения и сравнения, экспертные оценки. С помощью структурного метода выявлены основные образы военного детства как на идеологическом, так и на обыденном уровне общественного сознания, при их изучении применен функциональный анализ.

В ходе изучения сводок Совинформбюро, материалов газет был использован метод контент-анализа, что позволило выяснить общее количество публикаций в отношении детей и подростков, их распределение по жанрам, проследить пропагандистские кампании в прессе, приоритетные темы, категории детей, которым уделялось наибольшее внимание в периодических изданиях.

Принципиально важным в вопросах изучения ментальных конструкций является привлечение в качестве методологической основы работы дискурс-анализа, который следует рассматривать широко, через понятие коммуникативного акта как единства языковой формы, значения и действия [7.398, с.159–161]. Для политического дискурса характерно наличие смысловых доминант, выступающих в роли центров притяжения, вокруг которых разворачивается дискурс (дискурс конкретного политика, дискурс политической проблемы, дискурс политического события и т.п.). Эти доминанты обладают образующей силой, генерируют дискурс определенной идеологической модальности, определяют направления его развертывания [7.396].

Для изучения выдвинутой проблемы плодотворным является применение такого подхода, как визуальная антропология. Применение ее методологического аппарата в исследовании произведений изобразительного искусства, пропагандистской графики, фото- и видео-материалов 1940-х гг. позволяет рассмотреть не только материальную составляющую жизни детей, но и место ребенка в общественных структурах, охарактеризовать смысловое наполнение детских образов в советской идеологии и пропагандистских практиках, а также механизмы самопрезентации ребенка в условиях Великой Отечественной войны [7.425, с.52–53].

Большой исследовательский потенциал в изучении мемуарных источников представляет комбинация нарративного метода и экстраполяции. С точки зрения Йенса Брокмейера и Рома Харре, нарратив – это взаимосвязь лингвистических и психологических структур, передаваемых культурно-исторически. Сообщение о любом жизненном событии обычно принимает форму истории, рассказанной в соответствии с «определенными соглашениями». С помощью этой истории человек пытается упорядочить собственный опыт, исходя из своих представлений о мире [7.345]. Экстраполяция позволяет выявить типичные явления, оценки состояния. Философия объясняет нарратив как способ обретения человеком своей идентичности. Он не просто отражает последовательность, а констатирует и интерпретирует их как значимые части осмысленного целого [7.396].

Широкие возможности изучения истории военного детства 1941–1945 гг., связаны с обращением к методологии устной истории, предоставляющей возможности для исследования детского восприятия событий и повседневности, мемориальных структур. А. Томпсон отмечает четыре смены парадигмы в ее теории и практике: послевоенный ренессанс воспоминания как источника «Народной истории», развитие постпозитивистских подходов к памяти и субъективности, понимание роли устного историка как соавтора и аналитика нового источника, цифровая революция [7.510; с.7–18]. Для диссертационного исследования особый интерес представляет методология анализа тематического поля, предложенная Г. Розенталь и направленная на воссоздание системы мировосприятия человека, в которой он организует свои познания и интерпретирует жизненный опыт [7.477]. Такой подход направлен на деконструкцию нарратива и выделение разновременных смысловых наслоений. В работе также использован метод экстраполяции, когда для характеристики явления в целом подробно изучается его часть, которая представляет общие закономерности. В ходе интерпретации устных интервью был задействован метод, который П. Томпсон обозначил как

реконструктивный перекрестный анализ, когда используются короткие цитаты, сравниваются высказывания из разных интервью и материалы из других источников [7.511, с.85–92].

Микроисторический принцип исследования предполагает максимально детализированное изучение конкретного человека: его поведения, сознания, ментальных особенностей. Такой подход позволяет определить точки сопряжения индивидуальных стремлений, действий и оценок с социально заданным макроисторическим контекстом. Дж. Леви отмечал, что «микроистория означает не разглядывание мелочей, а рассмотрение в подробностях». В этом смысле микроисторический обогащает макроисторию, дает возможность понять проявление исторических тенденций на индивидуальном уровне. З. Кракауэр, защищая многообразие подходов в исторических исследованиях, сформулировал тезис о «негомогенной структуре» исторического универсума: «Мы узнаем о прошлом недостаточно, концентрируясь [лишь] на макровеличинах... Чем больше удаление, тем труднее историку понимать исторические феномены, которые достаточно специфичны и бесспорно реальны» [7.474, с.117–118].

В целом использование историко-антропологического подхода позволяет, опираясь на комплекс собственно исторических и междисциплинарных методов рассмотреть проблему в человекоцентричном измерении и достичь цели исследования с высоким уровнем достоверности.

Таким образом, изучение военного детства в СССР в 1941–1945 гг. в рамках человекоцентричного подхода в советской историографии России, Украины и Донбасса можно разделить на три основных этапа.

На первом этапе (1940 – сер. 1960-х гг.) в художественно-публицистических работах советских писателей-очевидцев и участников Великой Отечественной войны происходит введение в область публичного пространства проблемы «детей войны» – несовершеннолетних граждан, принимавших активное участие в сопротивлении врагу.

Второй этап – научно-литературный (сер. 1960-х–1980-е гг.) – связан с появлением произведений разных жанров, соединяющих научное и литературное творчество: жанр научного поиска (определение И. Л. Андроникова), журналистские расследования, документальные повести, сверхлитература (определение А. Д. Адамовича), готовившая осмысление значения устной истории.

Третий, историко-антропологический этап начался в 1990-е г. с опорой на методологический аппарат, сложившийся в западной историографии. На этом этапе определились следующие основные направления исследований, по которым достигнуто значительное приращение исторического знания: изучение повседневной жизни несовершеннолетних граждан в годы Великой Отечественной войны в различных регионах страны; исследование на материалах устной истории ретроспективного комплекса представлений о событиях 1941–1945 гг. у поколения «военного детства»; выделение историко-антропологического аспекта в общих исследованиях по истории войны; изучение идеолого-пропагандистских образов детей и детства. Характерной особенностью этапа является появление междисциплинарных исследований. Однако проблема синхронного образа военного детства в общественном сознании, прежде всего, на его идеологическом уровне и на материалах Донбасса остается неизученной.

Корпус исторических источников исследования включает документы органов партийно-государственной власти, которые касались социального обеспечения, труда, учебы разных категорий детей, а также формирования пропагандистского образа детства; материалы средств массовой информации СССР: Совинформбюро, газет общесоюзного, республиканского и областного и городского уровня и ряда других изданий, произведения фольклора (тексты песен, загадки, анекдоты, записанные со слов детей и подростков в ходе экспедиций 1944–1949 гг., произведения детского творчества), источники личного происхождения (письма, дневники и мемуары), произведения разных жанров советской художественной

литературы, визуальные материалы (агитационные плакаты и листовки, фотоматериалы, художественные и документальные фильмы), а также материалы устной истории, включающие 52 интервью, проведенных автором в 2007–2015 гг. с представителями поколения детей войны.

Методологическую основу исследования образа военного детства в советском общественном сознании периода Великой Отечественной войны составил историко-антропологический подход к изучению прошлого, принципы историзма и объективности. Основополагающими для работы являются понятия: «военное детство», «советское общественное сознание», «образ военного детства». Использование комплекса общенаучных и специальных методов позволяет рассмотреть проблему в человекоцентричном измерении и достичь цели исследования с высоким уровнем достоверности.

ГЛАВА 2

ОБРАЗЫ ДЕТЕЙ И ДЕТСТВА НА ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ УРОВНЕ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Великая Отечественная война явилась не только геополитическим, военно-техническим, экономическим, внешнеполитическим, но и ментальным, мировоззренческим, идеологическим противостоянием. Участник боевых действий, герой битвы за Москву Б. Момыш-улы, одним из первых в отечественной историографии обратившийся к изучению психологического среза событий 1941–1945 гг., отмечал: «Война оказала нам услугу зеркала, помогла познанию самих себя и других» [7.447, с.9].

Неотъемлемой частью Второй мировой войны стали пропагандистские технологии, направленные на мобилизацию вооруженных сил и населения, влияние на вражескую армию и жителей занятых территорий. С началом военных действий содержание советской пропаганды, сохранившей партийно-государственную монополизацию и высокую степень институционализации, претерпело существенные изменения. Теоретические установки уступили место эмоционально насыщенным, художественно ярким образам. В этом контексте детские темы, сюжеты и мотивы превратились в одни из ведущих во всех формах и средствах пропаганды. Историческая, культурологическая и религиозная обусловленность заботы родителей о ребенке была и остается одним из ключевых системообразующих факторов воздействия на общественное сознание.

В условиях современных острых идеологических дискуссий, а также под влиянием характерного для 2000-х гг. масштабного применения манипулятивных практик, закономерно вырос интерес отечественных исследователей к содержанию советской пропаганды периода Великой Отечественной войны. Стали предметом исторического исследования образы врага [7.495], союзника [8.548], Родины [7.483], военной техники [7.386],

женщин [8.545] и т.д. [7.389]. Историки активно занимаются разработкой периодизации развития советской пропаганды в условиях Великой Отечественной войны. О. В. Дружба обосновывает ее исходя из институциональных изменений в советской пропаганде [8.547]. Л. И. Батюк рассматривает развитие советской пропаганды в ее тесной взаимосвязи с ходом боевых действий [8.543]. Особый интерес с точки зрения изучаемой проблемы представляют политологические исследования, работы по военной пропаганде, политической лексике [7.427; 7.461], в частности, модель исследования, предложенная в свое время Г. Д. Ласуэллом и предполагающая поиск ответов на цепочку вопросов: «Кто говорит, что, по какому каналу, кому и с каким эффектом?» [7.428].

Цель главы – определить место детских образов в системе советской пропаганды 1941–1945 гг., проанализировать трансформацию и основные компоненты внутренней структуры образа военного детства.

2.1. Образ счастливого советского детства и попытка его инструментальной адаптации на начальном этапе войны

В 1920–1930-е гг. в советском смысловом пространстве образ детства занимал исключительно важное место в силу целого ряда обстоятельств. Такой образ напрямую коррелировал с пафосом устремленности в будущее, общественными трансформациями, в первую очередь – реализацией цели построения справедливого социалистического общества. Все это дает основание ряду современных историков рассматривать «успешное и счастливое будущее для каждого ребенка» в качестве одного из пунктов своего рода социального договора в СССР [7.430]. В публичной риторике 1930-х гг. популярным был метафорический перенос рождения и взросления человека на историю молодого государства [7.373, с.173–174]. Как провозглашал датский писатель Мартин Андерсен Нексе, приветствуя Советский Союз: «...мы в сказочной стране, в прекрасной стране

пролетариата. Это значит – мы в царстве ребенка!» [2.71, с.320]. Образ счастливого советского детства в официальной идеологии и пропагандистских практиках выполнял роль фасада, своеобразной витрины достижений социалистического строя.

Достаточно полное представление о формировании официальной советской трактовки феномена детства дает система соответствующих статей Большой Советской Энциклопедии. В вышедшем в 1931 г. томе 21 в статье «Детство» особо подчеркивалась его социальная природа, невозможность найти биологические критерии границ детского возраста: «Продолжительность детства, если под последним понимать период от рождения до того момента, когда человек становится общественно и производственно самостоятельным, была всегда социально обусловлена» [7.340, стб.679]. Советское детство противопоставлялось детству в эксплуататорском обществе по двум основным направлениям. С одной стороны, критиковалось искусственное продление несамостоятельности детей привилегированных классов, изоляция их от общественной жизни и реальных проблем, а с другой – несоблюдение прав пролетарских и крестьянских детей, эксплуатация их труда. Важнейшее отличие советского детства заключалось в активной заботе государства о ребенке – и в смысле воспитания, и в смысле социального обеспечения.

Если в 1920-е гг. в пропагандистской работе в СССР главный акцент делался на прямом участии детей в классовой борьбе, то в 1930-е гг. речь ведется о постепенной социализации: «Тщательно изучая и учитывая характерные черты детства на разных его стадиях, советское государство организует необходимую среду и необходимые воздействия для подготовки зрелого участника в строительстве социализма и коммунизма, проникнутого коммунистической нравственностью, владеющего диалектико-материалистическим взглядом на мир, чуждого какой-либо мистики, суеверия или религии, верного члена пролетарского движения» [7.340, стб.681]. Воспитание провозглашалось одной из главных задач системы

образования. М. И. Калинин, выступая перед учителями на совещании в редакции «Учительской газеты» в декабре 1937 г., отмечал, что главной целью советского образования является: «воспитывать из наших ребят действительно хороших, действительно социалистических граждан – честных, храбрых, с развитым товарищеским чувством, дисциплинированных» [2.63, с.34]. А. С. Макаренко, на практике добившийся выдающихся результатов в трудовом коллективном воспитании (и перевоспитании), отмечал, что труд «без политического и общественного воспитания не приносит воспитательной пользы, оказывается нейтральным процессом» [7.514, с.18–25]. Важным шагом, приобщением к взрослой жизни для школьника было вступление в октябрята, затем во Всесоюзную пионерскую организацию и в ряды ВЛКСМ. Эта общественно-политическая вертикаль позиционировалась как форма соединения заботы старших, их воспитательной работы и активности самих детей.

Исследователи обращают внимание на широкое использование в выступлениях руководителей, художественных произведениях, в прессе определения «юный» применительно к многочисленным групповым именам: юные следопыты, юные мичуринцы, в языковой обиход вошла слоговая аббревиатура «юннат» (юные натуралисты) и т.п. По мнению С. А. Ушакина, такая лексика отражает репрезентацию детства как периода интеграции ребенка в контекст «взрослой» повседневности, утверждая смысловую модель «дети – это взрослые маленького роста». Например, в песне Д. А. Прицкера и В. С. Гурьяна «Пионерская железнодорожная» «Машинисты – пионеры, / Кочегары – пионеры, / И кондуктор – пионер, / И начальник – пионер, / И любой из пассажиров – пионер» [7.514, с.18–25].

Особую роль в формировании образа ребенка в общественном сознании сыграла детская литература. В 1934 г. на Первом съезде советских писателей с содокладом о детской литературе выступил С. Я. Маршак: «В нашей стране к детям относятся хорошо. Дети для нас не предмет утомительных забот и невинных семейных радостей. Это – люди, которым

предстоит много сделать и которых надо хорошо подготовить» [2.71, с.23]. Как заключает в докторской диссертации И. Н. Арзамасцева, в 1920–1930-е гг. «литература для детей и детское творчество перестали, наконец, быть только уделом воспитания и образования личности; они начали действовать как новые факторы в развитии культуры» [8.542]. По ее мнению, особая роль в истории концепции детства принадлежит А. П. Гайдару: «...для него ребенок – символ времени и страны. Но этот ребенок... реален в социально-психологическом отношении» [8.542].

Воплощением идеального детства, эталоном для подражания выступал во многом идеализированный образ Ленина-ребенка. К. А. Богданов отмечает, что идеологическое встраивание образа Ленина в политико-теологический контекст сталинской эпохи выражается в подчиненности образа его педагогическому использованию [7.337, с.45–60]. В равнении на Ленина-ребенка советские школьники в определенном смысле уравнивались с ним. Можно согласиться с исследователем, что подобное превращение истории в увлекательный рассказ о живых людях и их поступках, можно считать некоторым отходом от догматики своего времени [7.338, с.47–52].

Воспитание и образование были включены в программу ВКП(б) как важнейшая составляющая коммунистического переустройства общества [2.64, с.328–330]. В Большой Советской энциклопедии было помещено более 30 статей, связанных с детской проблематикой (детский сад, ясли, детское искусство, детский театр, детский городок, детский праздник и т.д.), в их содержании подчеркнута особая забота о создании всех необходимых условий для развития ребенка в СССР [7.340, стб.681]. Успешная образовательная политика (введение в 1930 г. всеобщего обязательного начального, а в городах и рабочих поселках – 7-летнего образования), развитие системы охраны материнства и детства, создание сети дошкольных учреждений, строительство поликлиник, санаториев интерпретировались в соответствии с концепцией «счастливого детства». М. И. Калинин в статье «Мои пожелания пионерам и школьникам», опубликованной в «Пионерской

правде» 5 декабря 1937 г. (то есть в первую годовщину принятия «сталинской» Конституции СССР), обращаясь к юным гражданам СССР, подчеркивал: «Вы живете в Советской стране, в которой Великая Конституция обеспечивает детям нашей Родины счастливую и радостную жизнь. Конституция дала советским детям право на образование» [2.63, с.25].

В газетных материалах 1930-х гг., посвященных социальной проблематике, четко выстраивалась иерархия вдохновителей и организаторов заботы о детях: И. В. Сталин, Коммунистическая партия, советское государство. Образ советского детства получил свое визуальное и формульное воплощение 30 января 1936 г., когда в газете «Правда» была опубликована фотография Сталина с 7-летней девочкой Гелей Маркизовой на руках и подписью: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!» [7.378]. Снимок был сделан на встрече делегации Бурят-Монгольской АССР, в которую входил отец Гели А. Маркизов, с руководством страны. И визуальный образ, и лозунг сразу же широко вошли в пропаганду: газеты, транспаранты, плакаты, марки, открытки, скульптура, коробки конфет и т.д. Когда А. Маркизов был репрессирован и расстрелян, девочку на изображении «переименовали» в Мамлакат Нахангову (хотя она была значительно старше Гели), прославившуюся в 1935 г. рекордными сборами хлопка и награжденную Орденом Ленина. Легкость такой подмены является еще одним подтверждением единства образа ребенка в советской пропаганде [7.378].

Образ И. В. Сталина с девочкой на руках стал знаковым, прочно закрепился в общественном сознании, остается одним из наиболее узнаваемых символов эпохи. При этом в символическом пространстве полностью отсутствует детство самого Сталина. Известно, что в 1938 г. вождь лично пресек намерение издательства «Детская литература» опубликовать о нем книгу в стилистике рассказов о детстве В. И. Ленина. В 1940 г. был наложен запрет на уже сверстанную книгу К. Гамсахурдиа «Детство вождя», до этого все же опубликованную на грузинском языке.

Если равнение на Ленина-ребенка делало его образцом для подражания, то Сталин (как «отец народа») персонифицировал всемерную отеческую заботу государства о детстве [7.338, с.100–106].

Начиная с середины 1930-х гг. на формирование образа детства в советской пропаганде значительное влияние стало оказывать конструирование образа будущей войны. В общественном сознании постепенно размывалась идея мировой революции и, в свою очередь, укреплялись патерналистские настроения.

Образ благополучия, спокойствия, счастья детей, достигнутых благодаря социализму, усиливался противопоставлением как дореволюционному прошлому царской России, так и империалистическому окружению. С утверждением фашизма в Италии и приходом Гитлера к власти в Германии в советской пропаганде фашизм предстает как сила, несущая угрозу детям. Например, Р. И. Фраерман так критиковал гитлеровские «Нюрнбергские расовые законы» 1935 г.: «Вспоминаешь процентную норму для евреев в школах, вспоминаешь погромы и, что куда хуже погромов, то ужасное чувство безысходности, тоски, которое никогда не покидало людей, не покидало даже меня, маленького мальчика» [7.372, с.306–307]. Исходя из принципа единства образа врага, использовалась подобная риторика и в пропагандистском сопровождении политических репрессий внутри страны. Характерно в этом смысле стихотворение В. М. Гусева «Голос страны», опубликованное накануне вынесения приговора Карлу Радеку в январе 1937 г. Подсудимый клеймится за желание «спалить на фашистском огне» счастливое детство школьников Киевщины, которые в тетрадях «пишут стихи о своей стране», и «каждая пядь советской земли – властно требует» расстрела врагов [5.209].

В годы гражданской войны в Испании (1936–1939 гг.) в советской периодике появились описания авиаударов по республиканским городам, как например, в статье «Жизнь осажденного Мадрида» в газете «Артемівський робітник» от 8 января 1938 г.: «Ежедневно здесь погибают десятки людей,

среди них много женщин и детей, разорванных, искаженных, искалеченных бомбами и снарядами немецких и итальянских интервентов» [3.138]. В статье «Фашисты перед судом народа» от 17 марта 1938 г. Ю. К. Олеша описывал фашистов как «насильников, убийц детей, терзателей пленных» [3.91]. Защитником и спасителем испанских детей выступает СССР. Так, в стихотворении С. Я. Маршака «Пароход из Испании» дети – «драгоценный груз», а Советский Союз – место, где каждый юный испанец найдет Родину, дружбу, семью, где «Школьник на парте и Сталин в Кремле / Думают, верно, о нем» [5.220, с.270].

Мощное пропагандистское сопровождение получила оборонно-массовая работа, проводимая Осоавиахимом. В 1934 г. для отличившихся в меткой стрельбе наряду со значком «Ворошиловский стрелок» был учрежден значок «Юный ворошиловский стрелок». Центральный Совет Осоавиахима в 1937 г. разработал пособие для вожатых пионерских отрядов «Военные игры юных пионеров», переведенное затем на языки народов СССР, в том числе на украинский. Сборник был рассчитан на школьников разного возраста и предполагал овладение целым арсеналом тактических навыков и приемов поведения при обстреле, маскировки, ориентирования на местности, маршевых порядков и т.д. (приложение А). Соответствующие образы появились и в детской литературе – герои повести Н. П. Трублаини «Шхуна «Колумб», стихотворения С. В. Михалкова «Шпион» [5.222, с.88–89], баллады А. Л. Барто «На заставе» [5.199, с.302–303] и многих других выявляют и, часто рискуя жизнью, обезвреживают диверсантов.

Одними из символов эпохи стали герои произведений Аркадия Гайдара. В повесть «Военная тайна» вошла сказка о Мальчише-Кибальчише – юном борце, погибшем в войне с «буржуинами», защищая народное счастье: «Плывут пароходы – привет Мальчишу! / Пролетают летчики – привет Мальчишу! / Пробегают паровозы – привет Мальчишу! / А пройдут пионеры – салют Мальчишу!» [5.204, с. 106–107]. Идея и название тимуровского движения связаны с повестью «Тимур и его команда»,

написанной и экранизированной в 1940 г. [5.205, с.126–231]. Детские объединения, широко освещаемые средствами массовой информации, в своей деятельности были направлены на помощь старшим, семьям военнослужащих и государству. Пропагандистская интерпретация «тимуровца» в своей основе подчеркивала его альтруизм, инициативность и патриотизм. В целом к концу 1930-х гг. в СССР сформировался пантеон детей-героев, которым было посвящено значительное количество текстов и кинофильмов, выполненных в агиографической традиции [7.382, 8.550].

Предвоенная мобилизация прямо коснулась несовершеннолетних в связи с Указом Президиума Верховного Совета СССР «О государственных трудовых резервах СССР» от 2 октября 1940 г. Документ положил начало созданию сети ремесленных и железнодорожных училищ с двухгодичным сроком обучения и школ ФЗО (фабрично-заводского обучения) с шести- и десятимесячным сроком обучения. Совету Народных Комиссаров предоставлялось право ежегодно призывать от 800 тыс. до 1 млн. человек городской и колхозной молодежи мужского пола в возрасте 14–15 лет для обучения в ремесленных и железнодорожных училищах и в возрасте 16–17 лет для обучения в школах ФЗО [7.390, с.38–39]. Формированию трудовых резервов сопутствовала направленная информационная кампания, в которой принимало участие руководство СССР. М. И. Калинин, вспоминая свою рабочую молодость, в переписке с учащимися и мастерами школы ФЗО №36 города Горловки в марте 1941 г. давал такие наставления: «Получил ваш подарок, за что сердечно благодарю вас. Но при осмотре установил, что далеко не все образцы работ ваших первых месяцев работы могут быть признаны удовлетворительными... Так, например, нарезка винта в ручных тисочках сделана слабовато. Фасонные молотки отработаны очень грубо. Ясно одно, что ученикам надо учиться и учиться, а мастерам – построже смотреть за их работой и помогать им» [2.63, с.54]. Мобилизационные идеи не изменили общего мирного характера концепции советского детства,

соответствовавшего образу надвигающейся войны «малой кровью на чужой территории» [7.491].

Нападение Германии на СССР 22 июня 1941 г. повлекло за собой фундаментальные изменения в идеологической системе, война стала единственным определяющим фактором жизни государства, а победа – абсолютной ценностью. Руководство всей идеолого-пропагандистской работой в СССР в осуществлялось Управлением агитации и пропаганды ЦК ВКП(б), возглавляемое в годы войны Г.Ф. Александровым. В соответствии с Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 24 июня 1941 г. было создано Советское информационное бюро. Возглавил его секретарь ЦК ВКП(б) А. С. Щербаков. Совинформбюро наделялось чрезвычайными полномочиями, являлось не просто информационным агентством, а осуществляло прямое руководство всей работой по освещению международных событий, внутренней жизни страны, составлению и публикации сведений по материалам Главного командования [2.65, с.213]. Его сообщения транслировались 18 раз в день на 70 языках народов СССР [7.440, с.25].

К началу войны руководство идеологической работой в советских вооруженных силах осуществляло Главное управление политической пропаганды РККА (ГУПП РККА). На основании постановления Политбюро ЦК ВКП (б) Президиум Верховного Совета СССР 16 июля 1941 г. принял указ «О реорганизации органов политической пропаганды и введении института военных комиссаров в Рабоче-крестьянской Красной Армии», орган политической пропаганды был реорганизован в политический. На ГлавПУ РККА было возложено руководство всеми политическими органами, партийными и комсомольскими организациями, органами информации, обеспечение партийного влияния на все стороны деятельности войск, укрепление дисциплины, обобщение и распространение опыта и т.д. [2.65, с.75]. Централизация руководства системой советской политической

пропаганды завершилась 12 июня 1942 г., когда секретарь ЦК ВКП(б), начальник Совинформбюро А. С. Щербаков возглавил ГлавПУ РККА [7.349].

С самого начала боевых действий в речах руководства страны и газетных публикациях происходит осмысление конфликта, в основу которого положен принцип тотальности, подразумевавший вовлечение в борьбу всего народа, всех ресурсов страны. Идея Великой Отечественной войны на протяжении 1941–1945 гг. доминировала в советском смысловом пространстве, получили распространение метафоры, связанные с семьей и детством, подчеркивающие родственность всех граждан СССР между собой, их неразрывную связь с героическим прошлым. Первое после начала Великой Отечественной войны обращение И. В. Сталина к советскому народу по радио 3 июля 1941 г. начиналось словами: «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!» Центральным стал женский образ «Родины-матери», который был генетически связан с дореволюционной идеологемой «России-матушки» [7.483, с.160–167]. А. В. Рябов отмечает, что этот образ нес более широкий смысл, чем раньше. «Родина-мать» относилась не только к великороссам, но и ко всем другим народам.

В пропагандистских материалах, текстах присяг и художественных произведениях символическая всеобщность единства граждан выражалась в обозначении советских граждан как сыновей и дочерей Советской Родины, трудового народа. Например, в типичной для своего времени присяге, которую принимали бойцы и командиры спецгрупп УНКВД, военнотрудовой обозначает себя как «гражданин великого Советского Союза, верный сын героического русского народа» [2.69, с.258–259]. «Клятва» Анны Ахматовой, написанная в июле 1941 г., неоднократно перепечатывалась фронтовыми газетами: «Мы детям клянемся, клянемся могилам, / Что нас покориться никто не заставит!» [5.198, с.198]. В ее же стихотворении «Мужество» звучала еще одна клятва – спасти «великое русское слово»: «Свободным и чистым тебя пронесем, / И внукам дадим и от

плена спасем / Навеки» [3.94]. Алексей Толстой в знаковой для первых дней войны статье «Что мы защищаем», подчеркивая связь поколений, рисует картину традиционной русской избы, в которой дети, сгрудившись вокруг глубокого старика, слушают его рассказы о былом [5.238]. Еще один пример – плакат Кукрыниксов с текстом С. Я. Маршака: «Бьемся мы здорово, колем отчаянно – внуки Суворова, дети Чапаева» [6.315, с.21].

Представление о значительном месте, которое занимали собственно образы детей и детства в советской пропаганде периода Великой Отечественной войны, дают сообщения Совинформбюро и материалы прессы. Автором подсчитано, что за период 1941–1944 гг. упоминания о советских несовершеннолетних гражданах присутствуют в 384 сводках, что составляет 16,2 % от их общего количества [2.79–2.86]. Результаты контент-анализа материалов прессы Украинской ССР за 1944 г., показывают, что в общественно-политической газетах республиканского, областного и городского уровня публикации, в которых упоминаются несовершеннолетние, появлялись ежемесячно в течение всего года, что свидетельствует о целенаправленной редакторской политике. В «Правде Украины» было размещено 64 материала, в «Социалистическом Донбассе» – 81, в «Ворошиловградской правде» – 74, «Знамени индустрии» – 44. Значительно больше публикаций, посвященных проблемам детства, характерно для газеты «Молодь України», что объясняется спецификой ее профиля (270 материалов) (см. табл. Б.1).

Характерной для советской пропаганды лета-осени 1941 г. стало стремление инструментальной адаптации к новым условиям довоенного образа советского детства при инерционном использовании его основных структур и смысловых элементов.

Сохранялся акцент на заботе государства о детях, но основное внимание было переключено на политику по отношению к семьям военнослужащих. В директиве от 23 июня 1941 г. Главное управление политической пропаганды (ГУПП) Красной Армии нацеливало начальников

управлений политпропаганды фронтов, округов, армий главный упор в политическом обслуживании мобилизованных в пунктах формирования делать на разъяснении постановлений СНК СССР о пенсиях и пособиях семьям военнослужащих [2.77, с.139–140]. 26–28 июня 1941 г. были приняты основные нормативные документы, составившие правовую основу для социальной защиты семей военнослужащих: Указ Президиума ВС СССР «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время» [2.76, с.306], приказ Народного комиссара обороны, вводивший его в действие [2.90, с.104], постановление СНК СССР «Об обеспечении добровольцев, вступивших в части войск действующей Красной Армии» [2.76, с.389]. Харьковский художник В. Г. Аверин на плакате «Беспощадно уничтожать убийц наших детей!» (1941 г.) воплотил идею надежной защиты советских детей от врага. Занесенный над крепко спящим в кроватке малышом страшный топор останавливает мощная рука красноармейца (приложение В).

Вынужденное отступление советских войск входило в очевидное противоречие с сюжетами о заботе о детях и семьях военнослужащих, что вызвало массовое недоверие граждан не только к пропаганде, а часто и к самому государству. Спецсообщения о политических настроениях в УССР, подготовленные сотрудниками НКВД летом и осенью 1941 г., пестрят критическими высказываниями: «Все время кричали, шумели о мощи Красной Армии и авиации, а какая же это сила и мощь? Армия отступает, авиация пропускает врага на Москву. Это все результат бывшего очковтирательства и бахвальства. Я начинаю терять веру в большевиков» (профессор Ворошиловградского сельхозинститута В. Г. Скороход); «Социалистическая система обречена на смерть и погибнет, ибо исторически не оправдала себя» (преподаватель института из Сталино, без имени) [1.35, с.232, 324].

Размышления о происходящем приводили разных людей к одинаковым вопросам. В августе 1941 г. в спецсообщениях НКВД было зафиксировано

следующее высказывание заслуженного артиста, профессора Розенштейна из Харькова: «Не понимаю, что делается. Ведь народ наш гениален. Он действительно может быть непобедим, но мы не тем занимались, чем нужно. Мы строили дворцы, устраивали фестивали, олимпиады, раздавали Сталинские премии направо и налево, а технику проморгали. Немец бьет нас техникой» [1.35, с.175]. В. В. Вишневский 9 октября 1941 г. в дневнике высказывает тревогу практически теми же словами: «...И снова о нашей организации и технике. Каково действительное расстояние, пройденное нами за двадцать четыре года? В чем наша сила и в чем наша слабость? Лишнее, может быть, тратили на санатории, дома отдыха, ансамбли и прочие увеселения? Больше техники!» [4.150, с.159].

Для наиболее ярких произведений военной публицистики начального периода войны характерен поиск новых тем и лозунгов при сохранении преемственности со структурными элементами предвоенного образа детства.

А. П. Гайдар, будучи корреспондентом «Комсомольской правды» на Юго-Западном фронте, в течение августа 1941 г. выпустил серию обращений к детям и подросткам. Первое из них, адресованное тимуровцам Киева и всей Украины, было опубликовано 9 августа в газете «Советская Украина», последнее – «Обращение к советским ребятам» – вышло в «Пионерской правде» 30 августа и в тот же день прочитано автором на радио. Наставления писателя детям в первые дни обороны Киева созвучны духу его произведений 1930-х гг.: «Мчитесь стрелой, ползите змеей, летите птицей, предупреждая старших о появлении врагов – диверсантов, неприятельских разведчиков и парашютистов» [5.205, с.211]. Иные мотивы появились в конце лета, в преддверии 1 сентября. Аркадий Гайдар призывает своих слушателей сосредоточиться на учебе и помощи старшим: «Позор и тому «герою», который мечтает, вскочив на коня, ринуться в гущу боя, изрубить шашкой десяток-другой танков, а сам боком-боком, трусливо норовит отлынить, свалить на плечи товарищей всю черную и непарадную работу. <...> В славе у нас всюду те честные, скромные ребята-труженики, пионеры-

тимуровцы, которые по примеру своих отцов и старших братьев будут упорно учиться, работать, терпеливо постигать сложное военное дело, помогать семьям бойцов и заботиться о наших героях-раненых» [5.205, с.213].

Аналогичное объединение мотивов мы встречаем в одном из знаковых публицистических произведений лета 1941 г. – «Письмах к товарищу» Бориса Горбатова: описание праздничной атмосферы 1 сентября, идущие в школу нарядные дети, над которыми летят боевые самолеты; детская железная дорога в оставляемом армией Днепропетровске; призыв: «Товарищ! Если ты любишь Родину и своего сына, и будущее его дорого тебе, – бей, без пощады бей, без жалости бей врага!» [5.206, с.161–162].

Более системная попытка связать новые реалии в единую конструкцию предпринята в статье К. И. Чуковского «Дети и война», подготовленной для американской прессы. Писатель, работавший в 1941 г. в системе Совинформбюро, выделил три основных темы:

1) труд детей в военных условиях – рассказ о работе детей в колхозах (например, в станице Самарской казачата выращивали скакунов), на сборе металлолома, перечислении денег в фонд обороны;

2) героические поступки, совершаемые детьми на оккупированной и прифронтовой территории – школьница Вера Тарасова первой пришла на помощь раненым красноармейцам из расстрелянного санитарного поезда, Колька Гусятников украл у фашистов винтовки и привел партизан, «их много, этих советских ребят, ежедневно рискующих жизнью»;

3) продолжение, несмотря на тяжести войны, заботы государства о школе и школьниках – начало в срок учебного года, издание 40 млн. новых учебников, долг ребят продолжать учиться: «...прилежание на школьных занятиях есть лучшее оружие против гитлеровщины» [5.241, с.143–145].

К. И. Чуковский уходит от эклектики самих образов, но противоречия между описаниями производительного труда, риска для жизни и

государственной заботой сохраняются и, главное, полностью отсутствуют упоминания о военных жертвах среди детей.

Наиболее наглядно отражают процесс выработки новых подходов, соответствующих военному времени, сообщения Совинформбюро. В июле–декабре 1941 г. в 54 сводках, в которых упоминались несовершеннолетние, освещались труд школьников и учащихся ФЗО, подвиги юных патриотов и преступления фашистов против детей и детства (см. табл.2.1). В июле 1941 г. содержание сводок отражает попытку целостной трансляции образа детства: в 11 сообщениях пропорционально представлены все три тематических блока.

Таблица 2.1

Распределение количества сообщений Совинформбюро,
в которых упоминаются несовершеннолетние, по основным темам, 1941 г.
(ед.)¹

	1941 год						
	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Всего
Труд школьников и учащихся школ ФЗО	5	1	–	1	–	–	7
Подвиги юных патриотов	3	–	3	–	–	–	6
Преступления против детей	3	9	7	3	7	12	41
Всего	11	10	10	4	7	12	54

В июле 1941 г. в сообщениях Совинформбюро, связанных с детьми, преобладала трудовая тематика (5 сообщений). С началом войны сюжеты, связанные с трудовым воспитанием, сразу же сменились освещением трудового вклада школьников и учащихся ФЗО в общую победу, прежде всего работы на производстве и в сельском хозяйстве. Базовым документом, регулирующим использование детского труда в военной экономике, стал

¹ Таблица составлена автором по материалам: Сообщения Советского информбюро: в 8 кн. – М.: Издание Совинформбюро, 1944–1945. – Т.1: Июнь–декабрь 1941 года. – 1944. – 456 с.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время». Он допускал возможность привлечения к труду на производстве и в сельском хозяйстве «лиц, не достигших 16 лет» [2.75, с.191]. 2 июля 1941 г. СНК СССР принял постановление, позволявшее СНК союзных и автономных республик, областным и краевым исполкомам «привлекать в военное время в организованном порядке учащихся 7–10-х классов неполных средних и средних сельских и городских школ к участию в сельскохозяйственных работах колхозов, совхозов и подсобных хозяйств предприятий». Продолжительность рабочего дня школьников ограничивалась 6–8 часами [2.74, с.63–65].

В сообщении Совинформбюро от 17 июля 1941 г. говорилось о «небывалых темпах» уборки урожая, в котором принимали активное участие школьники [2.79, с.61]. В сводке от 25 августа 1941 г. сообщалось о том, что ученики ремесленного училища заменяют рабочих на Московском заводе имени Горбунова [2.79, с.174]. Информация сводок дополнялась газетными публикациями, аналогичными по идейному содержанию. В статье «Работа школы на военный лад», опубликованной в «Социалистическом Донбассе» 14 августа 1941 г., отмечалась значимость помощи школьников государству в сборе металлолома, уборке урожая, подготовке подарков бойцам и др. [3.117]. 1 октября 1941 г. вышло последнее сообщение о помощи сотен тысяч учащихся ремесленных училищ и школ ФЗО промышленности в выполнении заказов фронта [2.79, с.277], в дальнейшем Совинформбюро сконцентрировалось на военной и политической информации, а трудовой вклад советских граждан, в том числе несовершеннолетних, в борьбу с врагом освещался в прессе.

Что касается сообщений Совинформбюро об участии детей и подростков в сопротивлении фашизму, то их количество наиболее значительным было на начальном этапе войны. 3 сообщения июля 1941 г. (см. табл.2.1) были выдержаны в пропагандистской стилистике 1930-х гг.:

«Сеня, сын начальника Житомирской электростанции, участвовал в цепи пионеров, прочесывавшей лесистую местность. В лесу он встретил неизвестного, который стал расспрашивать мальчика о расположении нефтебазы и паровозного депо. Пообещав незнакомцу показать дорогу к депо, Сеня привел диверсанта к постовому милиционеру» (2 июля 1941 г.) [2.79, с.19].

В первом сообщении Совинформбюро о вооруженном сопротивлении несовершеннолетнего фашистам от 8 сентября 1941 г. описывалась история потерявшего семью 14-летнего Саши Тышкевича: «...германские офицеры подвергли жестоким пыткам, а потом перебили семью счетовода колхоза тов. Тышкевича. Фашисты закололи Тышкевича, его мать, сестру, жену и двух малолетних дочерей». Подросток отомстил оккупантам за гибель семьи: «Когда показалась большая штабная машина, в которой сидело несколько офицеров, Саша подбежал и бросил в машину гранату. Взрывом были уничтожены машина и все германские офицеры. Озверевшие фашисты в ключья растерзали тело героя, убитого осколком гранаты» [2.79, с.217]. Вскоре после выхода сообщения П. Г. Антокольский положил его сюжет в основу «Баллады о мальчике, оставшемся неизвестным» [5.194, с.20–22]. Автор описывает подвиг, но не называет имени и не описывает гибель героя, создавая обобщенный образ:

Не знаю, был ли мальчик взорван. Молчит о нем
 кровавый снег.
 Ребят на белом свете прорва – не перечесть,
 не вспомнишь всех...
 Но сказка о ребенке смелом шла по тылам и по фронтам,
 Написанная наспех, мелом, вдруг возникала тут и там [5.194,
 с.22].

Баллада получила широкое признание. Н. С. Тихонов в докладе «Советская литература в дни Отечественной войны» на пленуме правления Союза писателей СССР в 1944 г. отмечал, что стихи П. Г. Антокольского

«шли листовками к партизанам», доходили до каждого [7.429, с.104]. С. С. Прокофьев под впечатлением от баллады написал кантату для драматического тенора, драматического сопрано, хора и оркестра: «Мне хотелось, чтобы музыка отражала драматические настроения текста и чтобы кантата получилась стремительной и драматичной. Когда я писал ее, я видел перед собой образы сломанного детства, жестокого врага, непреклонного мужества и близкой светлой победы...» [4.179].

Прием типизации применил А. Т. Твардовский в одном из лучших стихотворений 1941 г. «Рассказ танкиста», впервые опубликованном в газете «Красная Армия» 1 октября 1941 г., позже перепечатанном в «Правде». Случай, когда мальчишка во время боя помог танкистам выявить позиции немецкой артиллерии, рассказал писателю знакомый ему еще по финской войне капитан В. С. Архипов [4.184, с.349]. Однако поэтический сюжет не привязан ни к конкретной части, ни к конкретной местности: «Был трудный бой. Все нынче, как спросонку, / И только не могу себе простить: / Из тысяч лиц узнал бы я мальчонку, / Но как зовут, забыл его спросить» [5.236, с.66].

Акцент на героическом поступке, а не личности стал одним из основных в подаче информации о подвигах детей в различных формах и средствах пропаганды.

Информация о преступлениях фашистов против детей и детства в июле 1941 г. содержалась всего в 3 сообщениях Совинформбюро (см. табл.2.1). В лозунгах, разработанных в первые месяцы войны, руководящими советскими политическими органами дети самостоятельно не фигурируют. В директиве ГУПП Красной Армии к военным советам и начальникам управлений политической пропаганды фронтов о работе с памяткой красноармейцу от 12 июля 1941 г. предлагалось использовать призыв: «За наших матерей, жен, детей! За нашу честь, свободу и любимую Родину! За великого Сталина, вперед, на полный разгром фашистских захватчиков!» [2.69, с.38–39].

Хронологически первыми в сводках Совинформбюро были сообщения о детских жертвах во время авиационных ударов по населенным пунктам, в

которых использовался опыт освещения в прессе бомбардировок городов Испании в 1936–1939 гг.: «Гитлеровские летчики расстреливают с самолетов мирных жителей и гоняются даже за детьми. Один из фашистских стервятников напал на днях на грузовой автомобиль, отвозивший в тыл женщин и детей. Пулеметной очередью бандит убил жену техника Зеленко и тяжело ранил 3-летнего мальчика» (сводка Совинформбюро от 6 июля 1941 г.) [2.79, с.29]. По мере того, как советские военные корреспонденты становились свидетелями последствий авиаударов, их материалы становились все более эмоциональными. Секретарь редакции газеты Северо-Западного фронта «За Родину» С. С. Савельев, начинавший журналистскую деятельность в Донбассе, вспоминал, как в конце июня 1941 г. стал свидетелем бомбардировки железнодорожной станции под Старой Руссой. Когда он с сослуживцами вышел из укрытия, то увидел на рельсах двух погибших девочек и рыдающую над ними мать. Поэт Степан Щипачев написал стихотворение, в тот же день ушедшее в набор: «...нет страшней того, как гибнут дети. / На песке, на рельсах – кровь детей» [4.181, с.93].

Что касается освещения преступлений фашистов на оккупированной территории, то понимание характера и масштабов преступлений оккупантов против детей и детства приходило постепенно. При описании солдат противника вначале использовались стереотипы гражданской войны 1918–1920 гг. В сводке от 29 августа 1941 г. говорилось, что «в селе Козинец немецкий кавалерист за пропавшую уздечку поджег избу колхозника Паламарчука и зарубил насмерть его ребенка» [2.79, с.187]. Сочетание «кавалерист» и «зарубил» апеллирует к образам белоказаков. В сообщении Совинформбюро от 25 ноября 1941 г. утверждалось: «Женщины собрались к месту убийства и устроили демонстрацию «Долой фашистских разбойников!» [2.79, с.256].

Подобная информация вызывала недоверие, о чем свидетельствуют спецсообщения НКВД о политических настроениях населения УССР: «...не такой уже Гитлер людоед, как его рисуют. Гитлеризм и коммунизм – это

одно и то же» (служащий из г. Полтавы Путря) [1.35, с.234]; «Немцы поведут к украинскому народу политику более мягкую, чем к русским, и поэтому можно оставаться здесь навсегда» (рабочий Харьковского завода Д. А. Деркач) [1.35, с.255]. К тому же на Украине многие в своих оценках исходили из опыта немецкой оккупации 1918 г. Харьковский педагог Дашко высказывался: «Сообщение о зверствах немцев – это ложь. Были же у нас немцы и превосходно жили при них люди. Были лишь отдельные случаи, а у нас их нет?»; «Насаждать свою власть на Украине немцы не будут; они будут только работать об руку с представителями народа, не вмешиваясь во внутреннюю жизнь» (завхоз больницы с. Летки Киевской области Калашников, арестован) [1.35, с.184].

В. В. Вишневский 1 июля 1941 г. в дневнике отметил: «Газеты наши боевые, но есть излишний пафос», позже он записал: «Слушали Москву: об урожае, колхозах, донорах, об Англии, боевых действиях в Сирии и пр. Все обычно... Надо брать весь процесс мировой войны, видеть частное и общее» [4.150, с.20, 24]. Осознание необходимости формировать информационные материалы на достоверных фактах отражает запись от 19 сентября 1941 г.: «Есть люди, которые сейчас теряются: живут слухами, пьют, распускают нервы. Надо бороться за души людей! Шире, активнее агитацию и объективную информацию» [4.150, с.126].

Степень актуальности достоверных данных наглядно иллюстрирует записка секретаря ЦК КП(б) Белоруссии П. К. Пономаренко И. В. Сталину от 19 июля 1941 г., в которой подробно описывается случай насилия в оккупированном селе Ляды, в том числе в отношении девочек в возрасте 13–14 лет, которых «увели в лес, зверски изнасиловали и затем расстреляли» [2.69, с.363]. Главный редактор «Красной звезды» в 1941–1943 гг. Д. И. Ортенберг вспоминает: «В одном из сел под Харьковом встретили они старшего политрука Сергея Езерского, только что вырвавшегося из немецкого плена. Захватили его гитлеровцы раненым и отправили <...> в так называемую «Уманскую яму». Согнали туда не только военнопленных, а и

множество мирных жителей – стариков, женщин, детей. Голод, пытки, истязания, травля собаками, расстрелы по малейшему поводу и без повода – все было здесь» [4.174, с.160–162]. Полученную информацию спешно передали в Москву по армейской спецсвязи.

Ситуация принципиально изменилась после контрнаступления советских войск под Москвой в декабре 1941 г., когда впервые была освобождена значительная территория, население которой в полной мере пострадало от оккупационного режима. За месяц количество сообщений Совинформбюро о преступлениях фашистов против детей выросло до 12 (см. табл.2.1). И. Г. Эренбург вспоминал: «Впервые я увидел ненависть к врагу, когда наши части при контрнаступлении под Москвой заняли сожженные немцами деревни. У головешек грелись женщины, дети. Красноармейцы ругались или злобно молчали. Один со мной разговорился, сказал, что ничего не может понять – он считал, что города бомбят потому, что там начальство, казармы, газеты. Но зачем немцы жгут избы? Ведь там бабы, дети. А на дворе стужа...» [4.191, с.302]. Более глубокого понимания характера войны выразилось в том, что 10 декабря 1941 г. Директива ГлавПУ РККА обязала военные советы, управления политической пропаганды фронтов, армий и округов заменить лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» на «Смерть немецким оккупантам!» [2.72, с.91].

Летом и осенью 1941 г. для очень многих людей – разных профессий, разного уровня образования и национальности – трагические детские образы, зафиксированные в их дневниках, письмах, воспоминаниях, стали символом катастрофы начального этапа Великой Отечественной войны. С. С. Школьников, служивший в 1941 г. на границе в артиллерийском полку, летом 22 июня увидел одну из первых жертв войны – «убитую женщину с грудным ребенком... Я прикусил губу, чтобы не закричать» [7.526, с.5]. В первые месяцы войны на Западном фронте Алексей Сурков, потрясенный увиденным, пишет: «На перекрестках разбитых дорог / Распаты взрывами малые дети» [5.239, с.122]. Для А. И. Покрышкина, уже видевшего к концу

лета 1941 г. немало жертв, потрясением стал вид мальчишки, тяжело раненного во время авианалета в живот в соседнем с медсанбатом доме. Мальчика в одних стареньких штанишках держали на руках красноармейцы, а в его глазах «не было ни слез, ни мольбы, ни ужаса» [4.178, с.137].

Ю. М. Лотман, начинавший войну артиллеристом, вспоминает, как ему было стыдно, когда «мы отходили и шли через то ли большую станицу, то ли маленький городок – как всегда по обе стороны дороги стояли толпы, женщины и дети. И мальчик, взглянув на мою винтовку, крикнул: «Винтовка ржавая-то». В эту ночь я не спал – чистил и смазывал винтовку. В дальнейшем – льщу себя надеждой – ржавой винтовки у меня не было» [4.166, с.17].

А. А. Фадеев сделал в дневнике короткую запись: «Раненный танкист подобрал в Великих Луках завернутую в тряпье девочку. В тряпье записка «Гая» и больше ничего» [4.185, с.461]. Для драматурга Александра Штейна навсегда памятным стал день массовой эвакуации детей из Ленинграда накануне блокады. Детишек свозили на вокзал на машинах, даже на трамваях, а сопровождающие все время пересчитывали своих подопечных. Вот этот счет и звучал страшнее всего. К начальному периоду блокады относится запись в дневнике В. В. Вишневского: «Утром видел: родители понесли хоронить убитых детей. В это время – воздушная тревога; родители бросились в щель, а гробики одиноко стоят на пустынном бульваре...» (5 октября 1941 г.) [4.190, с.153].

Выдающиеся советские писатели, которые являлись военными корреспондентами, сотрудниками политуправлений, одними из первых осознали характер необходимых изменений пропаганды. А. Т. Твардовский в письме жене 11 июля 1941 г. писал: «...это тяжело, когда чувствуешь, что тут бы слова нужны такие, с которыми на смерть людям идти...» [4.184, с.23]. В. В. Вишневский 7 сентября 1941 г. в своем дневнике подчеркивал необходимость «максимально усилить политпропагандистскую работу», поскольку «не поняли, что обстановка требует оборонной работы... <...> У

нас была агитация, построенная на успехах и достижениях. А на неудачах и заминках?» [4.150, с.134]. С ноября 1941 г. из всех тем, связанных с несовершеннолетними, в сводках Совинформбюро освещались почти исключительно зверства фашистов в отношении детей (см. табл. 2.1).

Таким образом, в 1930-е годы пропагандистский образ счастливого советского детства обрел четкую внутреннюю структуру. Объектом заботы выступали советские дети всех возрастов, национальностей, социальных групп. С одной стороны, раскрывались особые усилия, направленные на идейное, моральное, трудовое, военно-патриотическое воспитание детей, их подготовку и приобщение к миссии строительства коммунизма, с другой – максимальный акцент делался на заботе И. В. Сталина, Коммунистической партии и советского государства о создании условий для безопасного и полноценного развития несовершеннолетних (см. рис 2.1).

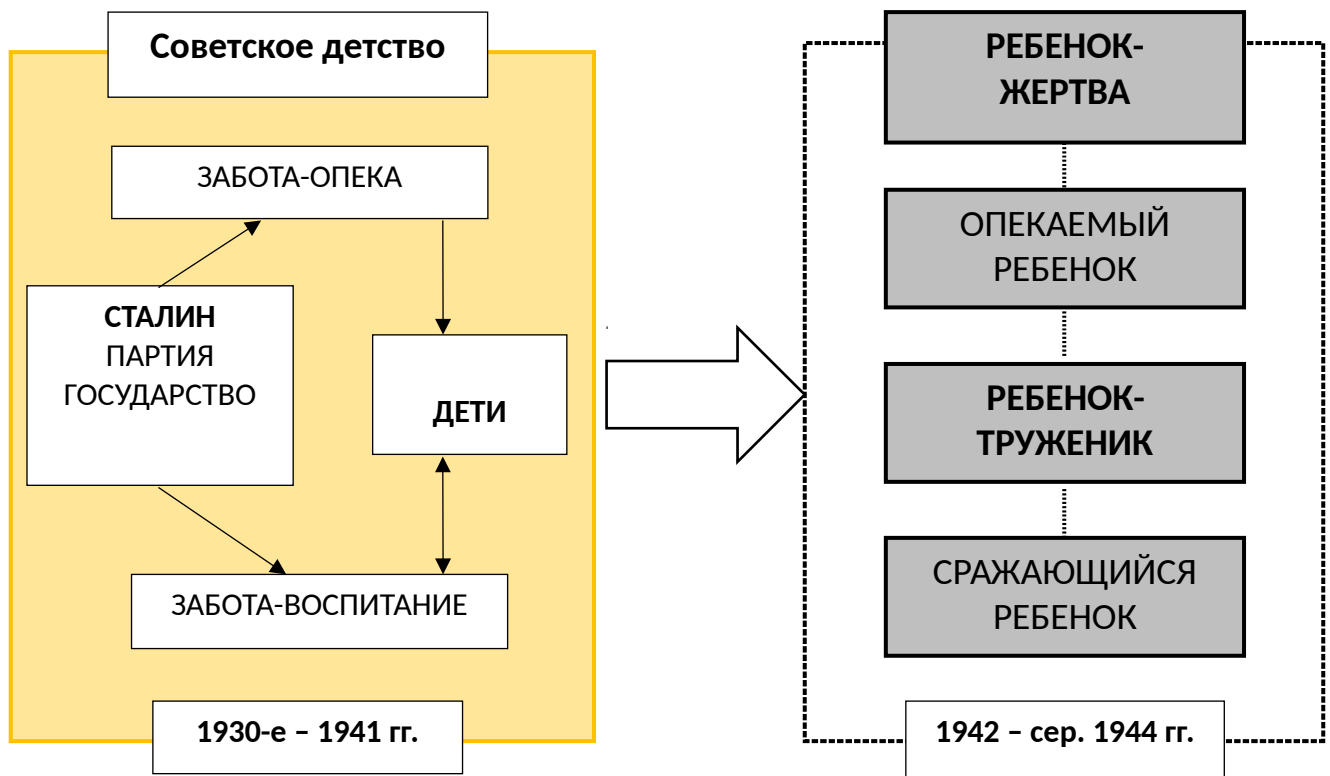

Рис.2.1. Образ советского детства 1930-х – 1941 гг. и детские образы 1942–сер.1944 гг. в советской пропаганде

В начальный период Великой Отечественной войны изменения в интерпретации образа советского детства были связаны с его адаптацией к выполнению новых, несопоставимо усложнившихся функций. В пропаганде опекаемыми выступают отдельные категории несовершеннолетних – прежде всего члены семей военнослужащих. Если в 1930-е гг. разоблачение преступлений против детей противопоставлялось заботе советского государства, то в условиях войны в центре пропагандистского внимания детские оказываются страдания и жертвы. Ребенок перестает позиционироваться только как объект воспитания, высоко оценивается трудовой вклад и подвиги детей в борьбе с фашизмом.

В итоге пересмотра содержания и соотношения между структурными элементами образа советского детства в июне–декабре 1941 г. на их основе начали формироваться самостоятельные образы, которые можно условно обозначить как образы ребенка-жертвы, опекаемого ребенка, ребенка-труженика, сражающегося ребенка. Тормозило этот процесс инерционное использование старых институциональных рамок. Догматическое удержание единой структуры образа советского детства вступало в острое противоречие с действительностью, ограничивало возможности пропагандистского маневра, встречало непонимание народных масс.

2.2. Ключевые детские образы в советской пропаганде 1942 – сер. 1944 гг.: ребенок-жертва, опекаемый ребенок, ребенок-труженик, сражающийся ребенок

К началу 1942 г. осознание смертельной угрозы, нависшей над государством, беспрецедентных по масштабам задач, которые нужно было решить в кратчайшие сроки, заставили советское руководство обратиться к внимательному учету настроений народа, отказаться от ряда идеологических догм, расширить возможности творческой инициативы. Итогом опыта 1941 г. стало прекращение попыток сохранения единой смысловой конструкции

образа советского детства. Усложнение функций, выдвижение на первый план мотивационных задач детских пропагандистских образов привело к их инструментализации и прагматизации. В 1942 – середине 1944 гг. внутренняя структура образа военного детства приобрела отчетливо дифференцированный характер, сформировалось четыре ключевых образа: ребенка-жертвы, опекаемого ребенка, ребенка-труженика и сражающегося ребенка. Каждый из них обладал особой внутренней структурой, целевой аудиторией, пропагандистской интерпретацией. Лексически оформилось обозначение основных категорий несовершеннолетних по ряду признаков: возрастному (дети, ребята, молодежь), статусному (дошкольники, школьники, ученики), общественно-политическому (пионеры, комсомольцы) (см. приложение Б, табл.Б.1).

В такой концепции среди основных пропагандистских детских образов ведущая роль принадлежала образу ребенка-жертвы, кроме того, все указанные образы детей были связаны друг с другом жертвенной интерпретацией. Образ ребенка-жертвы доминировал во всех средствах пропаганды и в художественном творчестве: газетной периодике, политическом плакате, агитационных листовках, литературе, кинематографе.

Первым обобщающим официальным документом, в котором на высшем государственном уровне СССР были обнародованы факты военных преступлений фашистской Германии и дана их идеологическая оценка, стала нота народного комиссара иностранных дел В. М. Молотова от 6 января 1942 г. «О повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах германских властей на захваченных ими советских территориях», за которой последовал ряд других.

Предварительно была проведена масштабная работа по сбору и систематизации свидетельств очевидцев, разведывательных донесений, трофейной документации, сообщений Совинформбюро и газетных публикаций. На протяжении декабря 1941 г. собранные данные обобщались, редактировался текст документа [1.2]. Сохранился ряд проектов ноты с

пометками В. М. Молотова, которые дают представление о том, как кристаллизовались ответы на вопросы: кто, против кого и какие совершает преступления в ходе войны на территории Советского Союза и кем будут покараны [1.2; 1.3].

Первые проекты ноты не имели названия, впервые заголовок с текущими правками был вписан В. М. Молотовым: «О грабежах, разорении и зверствах фашистско[дописано – авт.]-немецких захватчиков [зачеркнуто – авт.] войск [вписано – авт.] на захваченных ими советских территориях». Если сравнивать этот черновик и окончательный вариант, то наиболее существенные изменения произошли в обозначении уровня ответственности за все преступления: немецкие захватчики – фашистско-немецкие войска – германские власти [1.3, л.50]. В заключительной части ноты это обвинение звучало уже со всей определенностью: «Гитлеровское правительство Германии, вероломно напавшее на Советский Союз, не считается в войне ни с какими нормами международного права, ни с какими требованиями человеческой морали» [3.93].

Первоначально объектом военных преступлений выступали «советские граждане», в последующих редакциях ноты политические характеристики уступили место гуманитарным и национальным, определение «советские граждане» было заменено словосочетанием «мирными гражданами» [1.3, л.9]. Процесс редактирования текста демонстрирует уменьшение упоминаний о преступлениях фашистов против советских военнослужащих и, соответственно, смещение акцента в сторону мирного населения. В окончательный текст вошло включенное В. М. Молотовым определение тех, с кем ведет войну германское правительство: «Оно ведет войну прежде всего с мирным и безоружным населением, с женщинами, детьми, стариками, выявляя тем самым свою подлую, разбойничью сущность» [3.93].

Основные преступления германских властей на захваченных территориях, квалифицированные в названии ноты от 6 января 1942 г. как «повсеместные грабежи, разорение населения и чудовищные зверства»,

первоначально были описаны в виде цельного текста, разбитого только смысловыми тезисами. На определенном этапе работы в тексте было выделено три нумерованных раздела. В итоговом варианте этой ноты из 72 конкретных примеров военных преступлений гитлеровской Германии в 21 освещаются случаи преступлений именно против несовершеннолетних [3.93].

Работа над классификацией военных преступлений германских властей в дальнейшем была продолжена. В названии ноты В. М. Молотова от 27 апреля 1942 г. их определение было эмоционально усилено: «О чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях германских властей в оккупированных советских районах и об ответственности германских властей за эти преступления» [3.98]. В данном документе 6 подразделов уже имели заголовки с четким обозначением тягчайших преступлений, которые были представлены как системно присущие фашизму: ограбление населения; разрушение городов и деревень; установление рабско-крепостнического режима и увод гражданского населения «в плен», разрушение национальной культуры народов СССР, зверства и насилия над мирным населением, истребление советских военнопленных [3.98].

В ходе работы над текстом из ноты от 6 января 1942 г. были постепенно исключены все угрозы о возмездии германским властям со стороны советских государственных структур, даже убран абзац с цитатами И. В. Сталина [1.3, л.24]. Единственным мстителем выступает народ: «Советские люди никогда не забудут тех зверств, насилий, разрушений и оскорблений, которые причинили и причиняют мирному населению нашей страны озверелые банды немецких захватчиков, – не забудут и не простят им» [3.93].

Зафиксированная в нотах наркома иностранных дел СССР от 6 января и 27 апреля 1942 г. идеологическая концепция чудовищных преступлений германских властей против мирного населения определила формат пропагандистского образа ребенка-жертвы в 1942 – середины 1944 гг. Об

этом свидетельствует проведенный автором контент-анализ сообщений Совинформбюро, в которых упоминаются преступления против несовершеннолетних (табл.2.2, 2.3).

В сообщениях Совинформбюро на протяжении всего рассматриваемого периода используется несколько уровней персонализации образа ребенка-жертвы: от общего обозначения (дети, ребенок) – к указанию более подробных сведений о пострадавших от врага и, наконец, – полное указание фамилии, имени и возраста убитого ребенка (см. табл.2.2). Каждый из уровней персонализации нес специфическую смысловую нагрузку.

Наиболее частые безличностные обозначения возрастной категории (179 упоминаний), особенно во множественном числе, как правило, связаны с указанием самых уязвимых категорий населения (старики, женщины, дети) как главного объекта преступлений гитлеровцев. Такое перечисление приобрело характер формулы и включалось во все основные идеолого-пропагандистские тексты. Например, в докладе 6 ноября 1942 г. И. В. Сталин обличал оккупантов: «Они насиуют и убивают гражданское население оккупированных территорий нашей страны – мужчин и женщин, детей и стариков, наших братьев и сестер» [2.88, с.18–20]. Кукрыниксы в плакате 1942 г. изобразили запряженных в повозку страдающих старика, молодую женщину и ребенка, которой правит звероподобный оккупант (приложение Д).

Таблица 2.2

Распределение количества упоминаний о несовершеннолетних в сообщениях Совинформбюро по уровню персонализации, 1941–сер.1944 гг. (ед.)²

	1941	1942		1943		1944	Всего
	абрьИюль	оньЯнварь	абрьИюль	оньЯнварь	абрьИюль	оньЯнварь	
Дети (ребенок)	26	27	36	44	31	15	179

² Таблица составлена автором по материалам: Сообщения Советского информбюро: в 8 кн. [2.79–2.86].

Дети с указанием возраста или семейного статуса	27	33	39	31	15	10	155
Дети с указанием фамилии, имени, отчества, возраста	5	16	16	27	11	5	80

Более подробные описания, включающие возраст, семейный статус (маленькие дети, грудной ребенок, мальчики, девочки, подростки, сын, внук, сирота и др.) усиливают эмоциональное воздействие, показывают, что от рук врага страдают и гибнут дети разного пола и возраста (155 упоминаний). Ряд преступлений был связан с определенной возрастной группой – например, подростки чаще всего упоминались в сообщениях о принудительных работах и уgone в Германию.

Появление в сводках Совинформбюро полных сведений об убитых или пострадавших детях (возрасте, имени, отчестве и фамилии) связано с составлением и публикацией актов о «злодеяниях фашистских мерзавцев» (80 упоминаний). Каждое из таких сообщений уже несло в себе трагический образ, поэтому не случайно к ним часто обращались и корреспонденты, и писатели. В очерке И. Г. Эренбурга «Николай Владимирович – 1 года» мы видим, как, говоря бюрократическим языком, «паспортные данные» обретают силу приговора убийцам: «Разве можно жить, зная, что по земле ходят люди, которые расстреляли Давыдова Николая Владимировича одного года, младенца, крохотного Колю расстреляли и приказали занести в список?» [5.244, с.121]. На коротком информационном сообщении, выполняющем роль эпитафии, основан сюжет стихотворения С. Я. Маршака о единственном уцелевшем жителе сожженного села Поповка: «Стоит белоголовый Петя / И плачет, как старик, без слез, / Три года прожил он на свете, / А что узнал и перенес!» [5.220, с.305].

Сводки Совинформбюро заостряли общественное внимание на системности преступлений против детей, когда их возраст не только не защищал, а наоборот, провоцировал насилие (см. табл.2.3). Во всех основных видах «чудовищных злодеяний, зверств и насилий германских властей» [3.98] преступления против детей отличались особой дикостью и

жестокостью, сводки часто включали описание страшных подробностей. По отношению к оккупантам применялась лексика, максимально заряженная отрицательными эмоциями: детоубийцы, мерзавцы, нелюди, палачи, изверги (или вообще немец-сатана, как в листовке ЦК КП(б)Б [2.56, с.209]). Цензурой изымались тиражи изданий, если в них враг представал недостаточно жестоким [2.77, с.203–205].

В сообщениях о разрушениях городов и деревень внимание обязательно обращалось на ущерб, нанесенный детской инфраструктуре (56 сообщений). Крайне тяжело на детях сказывались выселение из домов, особый режим проживания, ношение бирок, принудительный труд, голод, избиения, изнасилования, облавы, аресты. При описании массового мародерства немцев и их союзников заострялось внимание на том, что из домов выносились даже детские вещи, игрушки (71 сообщение). Принудительный угон советских граждан в Германию разрушал судьбу не только взрослых, в 22 сводках главное внимание уделялось его последствиям для детей – разлучение с родителями, массовое сиротство. Дети наравне со взрослыми гибли во время массовых расстрелов, сожжения людей (148 сообщений).

Таблица 2.3

Распределение количества сообщений Совинформбюро по основным видам преступлений против детей и детства на оккупированной территории СССР (ед.), 1941–1944 гг.¹

	1941	1942		1943		1944	Всего
	абрьИюль	ньЯнварь	абрьИюль	ньЯнварь	абрьИюль	ньЯнварь	
Разрушение городов и деревень (школ, детских садов, дворцов пионеров)	4	–	6	17	25	4	56
Ограбление населения, рабско-крепостнический режим (мародерство, выселение из домов, особый режим проживания, ношение бирок, принудительный труд, голод,	10	8	21	12	13	7	71

¹ Таблица составлена автором по материалам: Сообщения Советского информбюро: в 8 кн. [2.79–2.86].

избиения, изнасилования, облавы, аресты)							
Угон в Германию и его последствия (разлучение с родителями, массовое сиротство)	–	2	6	10	–	4	22
Зверства и насилия над мирным населением (массовые расстрелы, сожжения и взрывы людей в доме, подвале, печи, сожжение населенного пункта со всеми жителями)	8	35	29	45	22	9	148
Убийства с особой жестокостью, беспричинные расправы (одновременное убийство родителей и детей, убийство больных, смерть от забора крови, стрельба по живой мишени, «живой щит», закапывание живыми, утопление в пруду, в колодце, проруби, сбрасывание в шурф шахты, отравление газом в душегубках, замораживание)	9	3	8	6	9	5	40

За гранью всего человеческого – убийства с особой жестокостью именно детей, беспричинные расправы, связанные очень часто с естественным для ребенка поведением, непониманием детьми грозящей опасности, которая могла подстеречь в любой момент без всякой видимой причины. В освещении подобных трагедий сложился своего рода канон, который в значительной степени связан, как и общая концепция, с нотой В. М. Молотова от 6 января 1942 г. Сохранившиеся черновики документа позволяют увидеть, как подбирался пример для его окончательной редакции. Речь шла о преступлениях нацистов, совершенных в период кратковременной оккупации Ростова-на-Дону в 1941 г., – о расправе над 75-летним Т. Ялтаревым и его сыновьями или расстреле Вити Черевичного за день до освобождения города. В итоговый вариант попало именно описание убийства подростка. Можно предположить, что на решение повлияло наличие фотографии убитого мальчика с мертвым голубем в руках, сделанной известным фотокорреспондентом М. В. Альпертом, ведь визуальный образ по эмоциональному воздействию часто многократно превышает вербальный [7.486] (приложение Е, рис.Е.1).

Первоначально в тексте присутствовало указание фамилии, имени, возраста и места проживания погибшего. В ходе редактирования был исключен домашний адрес, повторы родственных слов, сложносочиненные

предложения заменены простыми. Рассказ обрел нужную лаконичность: «В Ростове на Дону ученик ремесленного училища 15-летний Витя Черевичный играл во дворе со своими голубями. В это время проходили немецкие солдаты и стали отнимать голубей. Мальчик запротестовал. Немцы взяли его и на углу 28 линии и 2-й Майской улицы расстреляли за то, что он не дал голубей. Гитлеровцы изуродовали до неузнаваемости лицо мальчика ударами каблуков» [3.93]. Дальнейшее формирование образа связано с экспонированием снимка на фотовыставке, проводившейся ЦК ВЛКСМ в Москве в марте 1942 г. и его публикацией в «Известиях» вместе с очерком Л. А. Кассиля «Ироды» [3.103]. Материалы об убийстве В. Черевичного были предъявлены советскими обвинителями на Нюрнбергском процессе [9.562].

О силе образа погибшего мальчика с голубем в руках говорит и то, что в 1950–1960-е гг. Витю Черевичного (уточненная правильная фамилия – Черевичкин) включили в пантеон пионеров-героев, что соответствовало новым идеологическим установкам. На доме, где он жил и месте гибели установлены мемориальные доски, в его честь был воздвигнут памятник, переименован парк, названа улица в Ростове-на-Дону, а также улица в г. Снежное [5.280; 9.560].

К образу ребенка, причина гибели которого от рук гитлеровских оккупантов «всего лишь» была связана со свойственной возрасту непосредственностью, обращались и мастера плаката. К таковым относится работа В. С. Иванова и О. К. Буровой «Смерть детоубийцам!» (1942 г.). Девочка, только что собиравшая полевые цветы, гибнет под кованым сапогом оккупанта (приложение Д).

Особое внимание после отрицательного опыта 1941 г., когда непроверенные данные вызывали массовое недоверие, уделялось достоверности информации, на которой основывался образ ребенка-жертвы.

По многим каналам проводилась целенаправленная работа по сбору и систематизации данных о преступлениях фашистов на оккупированной территории: партизанская разведка, опросы переходивших линию фронта,

трофейная немецкая документация, донесения 7 отдела Политуправлений армий и фронтов в ГлавПУ РККА (Г. А. Бордюгов приводит данные, что они составлялись на основании не менее 40 опрошенных военнопленных за месяц) спецсообщения 1-го (разведывательного) Управления НКВД СССР [7.341, с.954]. Характер и проверенность источников информации включались в сводки Совинформбюро (табл.2.4).

Сразу после освобождения населенных пунктов составлялись Акты о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков, готовились обвинительные материалы для судебных процессов. 2 ноября 1942 г. на основании указа Верховного Совета СССР и постановления ЦК ВКП(б) [2.65, с.369–372] была создана Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам (ЧГК) колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР. В сопроводительном письме к проекту создания Чрезвычайной государственной комиссии 20 июля 1942 г. Г.Ф. Александров, осознавая пропагандистский потенциал работы комиссии, отмечал, что предшествующая работа по расследованию военных преступлений врага «была организована кустарно, использовать для пропаганды, а особенно после войны ее почти невозможно» [2.77, с.396–397]. Полноценная работа Чрезвычайной Государственной Комиссии началась весной 1943 г. Всего за годы войны Комиссией было рассмотрено 54 тыс. актов, составлено более 250 тыс. протоколов опросов свидетелей и заявлений [2.65, с.370]. С момента начала ее активной работы в сообщениях Совинформбюро о преступлениях фашистов против детей и детства начинают преобладать сводки, в которых указывался источник информации: акты ЧГК (31 сообщение в первом полугодии 1943 г., 21 – во второй половине 1943, 13 – в первой половине 1944 г.) (см. табл. 2.4).

Распределение количества сообщений Совинформбюро о преступлениях против детей и детства на оккупированной территории СССР по источнику информации, 1941–1944 гг. (ед.)¹

	1941	1942		1943		1944	Всего
	абрьИюль-	оньЯнварь-	абрьИюль-	оньЯнварь-	абрьИюль-	оньЯнварь-	
Без указания источника информации с оккупированных территорий	12	7	35	19	6	1	80
Люди, вырвавшиеся с оккупированных территорий	4	2	4	5	6	1	22
Рассказы жителей освобожденных населенных пунктов	8	4	5	2	15	1	35
Акты о злодеяниях оккупантов	1	14	8	31	21	13	88
Без указания источника информации с освобожденных территорий	4	30	8	39	7	6	94
Сведения от врага	—	2	6	1	—	1	10

В качестве корреспондентов в наступающие войска при возможности (часто – по их собственной инициативе) направлялись писатели, хорошо знавшие освобождаемые места, что помогало общению с людьми и позволяло найти максимально эмоциональные образы. Так, у крымчанина И. Л. Сельвинского родились строки о массовом расстреле в Багеровском рву под Керчью: «Можно не слушать народных сказаний, / Не верить газетным столбцам, / Но я это видел! Своими глазами! / Понимаете? Видел. Сам» [5.231].

В. В. Вишневский, не покидавший Ленинград почти до конца блокады, все время искал образы, символы, которые передали бы всю меру страдания и героизма людей его родного города. В разгар самых сильных артиллерийских обстрелов он отмечал в дневнике: «Написал Эренбургу: о его военных стихах и несколько слов о Ленинграде. – В госпиталь привезли раненную осколками авиабомбы молодую беременную женщину (на последнем месяце). Тяжелое ранение ног и маленькая ранка в животе...

¹ Таблица составлена автором по материалам: Сообщения Советского информбюро: в 8 кн. [2.79–2.86].

Сделали операцию. Вскоре женщина родила. У новорожденного из крестца был вынут маленький осколочек бомбы. Эпизод – для современного Ленинграда – символический» (2 апреля 1943 г.) [4.151, с.147].

Б. Л. Горбатов в разгар боев в 1943 г. в родном Донбассе начал собирать материал для повести «Непокоренные». В уста ее главного героя – старого Тараса – он вложил слова, которые отразили общий для миллионов образ уничтоженного гитлеровцами детства как самого страшного преступления: «Дети старели. Они на глазах превращались в маленьких стариков и старушек <...> Война кончится, и все раны зарубцуются, все заводы отстроятся, вся жизнь обновится. Но чем вылечишь окровавленную, искалеченную, оскорбленную душу ребенка?» [5.206, с.59, 61]. Во многом итогом впечатлений А. Т. Твардовского от родной, испепеленной войной Смоленщины, где он оказался сразу же после освобождения, стала, пожалуй, самая трагическая глава поэмы «Василий Теркин» «Про солдата-сироту», у которого «ни хозяйки, хоть женатый, / ни сынка, а был, ребята, – рисовал дома с трубой» [5.236, с.349].

Корреспондент английской радиостанции BBC в Советском Союзе А. Верт делился впечатлениями об особенностях общественных настроений в СССР: «Эренбург, Шолохов и Алексей Толстой (по-видимому, именно в таком порядке) пользовались... колоссальной популярностью. Так же обстояло дело и со статьями военных корреспондентов, сообщения которых существенно дополняли официальные сводки. Россия также, пожалуй, единственная страна, где стихи читают миллионы людей...» [4.148]

На протяжении 1942 – середины 1944 гг. образ ребенка-жертвы в советской пропаганде не оставался статичным. Его смысловое наполнение было тесно связано с особенностями мотивационных задач. Такую динамику с наибольшей наглядностью позволяют проследить политические плакаты (приложение В).

Своеобразная революция плакатного искусства ознаменована работой В. Б. Корецкого «Воин Красной Армии, спаси!» Впервые драматизм

происходящего передан, прежде всего, композиционным решением. Автор, по его словам, ставил цель добиться «такой выразительности глаз матери, чтобы зритель мог прочесть в них и презрение, и ненависть к врагу. Эти же чувства я старался отразить и в глазах ребенка» [4.164]. Как вспоминает В. С. Иванов, первоначально плакат содержал лозунг без четкого адресата, уточнение внесено было в редакции, и оно сразу обозначило адресата призыва [4.160, с.14–15].

В судьбоносный для СССР период Великой Отечественной войны лета 1942 – зимы 1943 г. в системе лозунгов доминирующим становится призыв: «Отомсти!» На плакате Д. А. Шмаринова – не возвышенный отвлеченный образ Родины-матери, а реальная женщина-мать, потерявшая ребенка и вызывающая к мести [4.160, с.24]. Плакат М. А. Нестеровой содержит прямой призыв к убийству врага, исходящий от плачущего возле убитой матери ребенка (приложение В).

В конце 1943–1944 гг. в связи с перехватом Красной Армией стратегической инициативы распространяются сюжеты, связанные с призывом к военным служащим РККА освобождать и спасать детей и подростков. В плакатной графике начали преобладать изображения несовершеннолетних, сопровождаемые символами неволи: колючая проволока, таблички на шее, оковы. Яркий пример – плакат А. А. Кокорекина «Освободи!»

Образ ребенка-жертвы как один из центральных мобилизующих образов советской пропаганды был связан с военно-политической стратегией СССР в Великой Отечественной войне, что наглядно иллюстрирует динамика сообщений Совинформбюро о преступлениях гитлеровцев против детей и детства, которая в целом за период 1941–1945 гг. присутствовала в 372 сводках (см. рис.2.2). П. Лайнбарджер подчеркивал информационную ценность графиков упоминания тех или иных тем в средствах массовой информации для разведывательно-аналитических органов [7.426, с.195–196]. Составленный автором график распределения количества сообщений

Совинформбюро о преступлениях против детей и детства на оккупированной территории СССР по месяцам в 1941–1944 гг. свидетельствует о прямой взаимосвязи увеличения частоты упоминаний о детях-жертвах с наступательными операциями Красной Армии и активностью партизанских отрядов (см. рис.2.2).

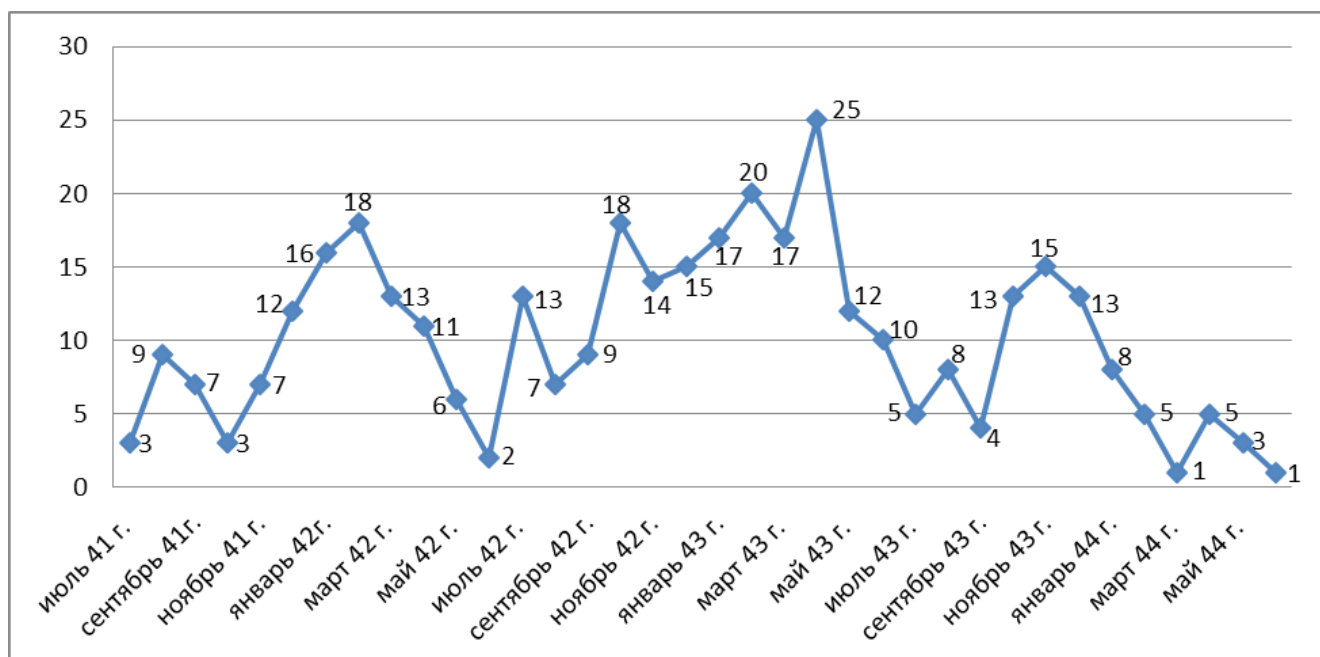

Рис.2.2. Распределение количества сообщений Совинформбюро о преступлениях против детей и детства на оккупированной территории СССР по месяцам, 1941–1944 гг. (ед.)¹.

Как показывает график, во время наступательных операций РККА в январе–марте 1942 г. в сообщениях активно размещается информация о гибели и страданиях детей от рук немецких преступников. Для этого периода характерно освещение последствий немецкой оккупации в Подмосковье, Ростове-на-Дону, на Керченском полуострове. Летом–осенью 1942 г. в период Сталинградской битвы количество сообщений в Совинформбюро о военных преступлениях против детей и детства имеет тенденцию к порядковому увеличению с 2 (июнь) до 18 (октябрь).

¹ График составлен автором по материалам: Сообщения Советского информбюро: в 8 кн. [2.79–2.86].

Наибольшее количество сообщений Совинформбюро приходится на ноябрь 1942 – апрель 1943 г. – т.е. на время проведения Красной Армией наступательных операций на Дону и Кубани, прорыва блокады Ленинграда, а также институционализации партизанского движения в оккупированных регионах СССР. Иную природу имеет рост информационного потока о преступлениях гитлеровцев против несовершеннолетних во время отвода немецких войск из Ржевско-Вяземского выступа – операция «Бюффель» сопровождалась крайней жестокостью по отношению к мирному населению [7.503, с.215–222]. Очередное увеличение количества сообщений Совинформбюро, освещающих военные преступления фашистов против детей и детства, отмечалось в октябре–декабре 1943 г. (13 сводок в октябре, 15 – в ноябре, 13 – в декабре). На этот период приходится успешное форсирование Красной Армией р. Днепр, освобождение Киева и части Правобережья.

Ужасы оккупационного режима, известные по пережитому собственными семьями и увиденные в освобожденных населенных пунктах, горе миллионов семей сыграли главную роль в нарастании ненависти к врагу и его дегуманизации, лежавшей в основе лозунга, многократно повторяемого И. Г. Эренбургом в его статьях: «Убей немца!» В. В. Вишневский, анализируя роль пропаганды в войне, писал в дневнике 26 марта 1945 г.: «Ненависть к врагу мы довели до максимума. Еще точнее: ненависть родилась из наблюдаемых фактов, от звериной жестокости фашистов» [4.152, с.794–795]. Характерные для очень многих писем строки адресовал своим родным командир взвода Я. С. Балджи из поселка Сартана родным 12 сентября 1943 г.: «Чем дальше удаляемся от вас, тем больше не хватает мне тебя, Раиса, и детей. Я очень скучаю за вами! И такая ненависть появляется к фашистам за эту вынужденную разлуку, такая злость на гитлеровских головорезов, что не дождусь боя. Я буду убивать их, чтобы счастливо жили вы и все добрые люди на земле» [2.57, с.151–152]. Вскоре после этого письма Я. С. Балджи погиб.

В формировании образа ребенка-жертвы официальной пропаганде удалось четко артикулировать и тем самым усилить, встроить в идеологическую концепцию возникшие на основе опыта народные настроения. Член Общероссийской профессиональной психотерапевтической лиги, психолог Донецкого медицинского колледжа Н. В. Минаева считает, что с психологической точки зрения удалось решить очень сложную задачу поддержания высокого уровня мотивированности к сопротивлению врагу. Данная задача подразумевала продуцирование такой стратегии индивидуального и коллективного поведения в условиях опасности, которая выражается в стремлении противостоять угрозе, а не избегать ее.

Военные реалии внесли в 1942 – середине 1944 гг. существенные изменения в освещение заботы о детях. Образ опекаемого ребенка был в военных условиях принципиально переосмыслен. Появилась категоризация в трактовке объекта социальной политики, поскольку разные группы детей и по региональному и по социальному признаку оказались в совершенно различных условиях, кроме того, в пропагандистском сопровождении нуждался, прежде всего, целый комплекс новых законодательных актов по обеспечению семей военнослужащих. Однако даже в этой области, которая с первых дней войны пользовалась повышенным вниманием государства, пропагандистский образ очень серьезно расходился с жизненным опытом советских людей. Это отчетливо проявилось в ситуации, когда 28 февраля 1943 г. в газете «Красная звезда» вышла передовая «Помощь семьям фронтовиков» [3.100], а в ответ на редакцию обрушился поток писем с жалобами и описанием реального положения дел [2.77, с.621–627]. Надо отдать должное, по каждому из писем была выяснена ситуация и, где возможно, меры помощи. Не случайно немецкая контрпропаганда фокусировалась на нищете и бедности семей военнослужащих [7.448].

Наиболее существенным по сравнению с мирным временем было пропагандистское переосмысление субъекта проявляемой заботы о детях – не вождь, не государственная власть, а общество выступает в этой роли. Дело в

том, что, по мнению современных исследователей, высшее руководство СССР в тяжелой ситуации начального этапа не оценило последствий военных поражений, массовой гибели людей, появления беженцев и т.д. в плане масштаба проблемы сиротства, бездомности, безнадзорности детей [7.506]. Подтверждает это и содержание докладной записки штаба тыла Красной Армии в ЦК КП(б) Грузии и в НКВД СССР 5 сентября 1942 г.: «В Тбилиси находится много беспризорных ребят – подростков в возрасте до 14–15 лет. По ночам их можно встретить спящими на каменных тротуарах, у подъездов домов... Оказалось, что все они – дети участников Великой Отечественной войны. Отцы – на фронте. Матери обычно погибли при бомбардировках. <...> Многие ребята непосредственно прошли длительный путь войны: в течение многих месяцев отходили на юг вместе с войсками...» [2.70, с.214]. Неспособность государства оперативно решать насущные проблемы детей была компенсирована механизмом общественной поддержки. Пропагандистское позиционирование в данном случае, при учете административной поддержки ЦК ВЛКСМ, совпало с сущностью происходивших процессов. Народ взял на себя заботу о детях, в первую очередь, о самых незащищенных – о сиротах. Было организовано несколько масштабных пропагандистских кампаний усыновления, находивших самый широкий отклик. В 1942 г. по инициативе «Комсомольской правды» был организован фонд помощи детям-сиротам. В шефской помощи активно участвовали и школьники. Пропаганда формировала нового героя – сознательного советского гражданина, берущего под свою опеку детей, лишившихся родителей [2.76, с.384–386]. Прославленной в советской прессе стала семья Шаахмеда Шамахмудова и Бахри Акрамовой из Ташкента, взявшая под опеку 15 эвакуированных в Ташкент детей, которые потеряли родителей. В дневнике К. И. Чуковского сохранилась запись периода эвакуации в Ташкенте в 1942 г.: «Утром в Наркомпросе у Владимировой. У нас целая очередь: берут на воспитание эвакодетей» [4.189, с.60].

В «Социалистическом Донбассе» в 1943–1944 гг. регулярно публиковались материалы об открытии детских домов. 27 ноября 1943 г. в репортаже сообщалось: «В селе Щукалка Стрелецкого района открылся детский дом для детей фронтовиков и погибших в годы фашистской оккупации. В доме будет размещено 12 детей». В статье «Детские дома для сирот» сообщалось об открытии в 1943 г. в освобожденных областях Украины 75 детских домов [3.119]. В репортаже В. Борисенко «Забота о детях» рассказывалось, что «комсомольцы и молодежь колхоза «Артемстрой» начали заботиться о детях-сиротах, родителей которых погубили фашисты. 100 килограмм муки, 13 пар обуви и 650 рублей комсомольцы передали для детского дома» [3.120]. Трогательная заметка в газете «Социалистический Донбасс» сообщала читателям, что лучшим в области является детский дом в Горловке, который носит имя Г. К. Жукова. В нем воспитывается 156 детей. Воспитанники написали письмо маршалу и получили от него собственноручно написанный ответ и продуктовую посылку [3.143].

Непосредственно на образ опекаемого ребенка повлияли коренные изменения в семейном законодательстве, ужесточение процедуры развода, Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня», ордена «Материнство» и медали «Медаль материнства» от 8 июля 1944 г. [2.76, с.377–378, 383].

Интересным культурным феноменом в контексте осмысления семьи в качестве главного субъекта образа опекаемого ребенка является огромная популярность, которую приобрел в годы войны жанр колыбельных. К. А. Богданов называет 31 колыбельную, написанную советскими поэтами и композиторами во время войны [7.337, с.88–89, 116–117], мы можем еще добавить к этому числу «Колискову» М. Ф. Рыльского и К. Ф. Данькевича [5.225, с.158] и «Дочурку» Николая Доризо и Розалии Гольдиной. Н. К.

Доризо вспоминал: «В 1942 году на фронте, не будучи еще ни отцом, ни поэтом, я написал стихотворение «Дочурка», к которому сочинила музыку Роза Гольдина. И буквально через несколько дней эта песня стала известна всему фронту!» [7.519]. В этом же ряду – организация поездок на фронт детских авторов. А. Л. Барто описала одну из таких встреч осенью 1943 г.: «Сегодня читала в окопе стихи бойцам. Думала, буду очень волноваться, но, увидев, как многие заранее улыбаются, успокоилась. Слушали тепло, смеялись и громко хлопали. Я понимала, что широкие солдатские улыбки относятся, прежде всего, к их детям, о которых они думают, слушая меня:

– Моя Надюшка по-своему читает, вместо «уронила» – «унырила в речку мячик...» Теперь, наверно, большая стала...» [4.146, с.362]. О тех же своих впечатлениях рассказывала Б. Е. Ефимову Рина Зеленая, выступавшая на фронте с миниатюрами в образе ребенка: «Рина рассказывала мне, что, выступая где-то в армейских частях, она с удивлением заметила, что, слушая ее забавные детские истории, фронтовики не смеялись, а откровенно вытирали слезы. Им вспоминались собственные, оставленные в тылу дети» [4.156, с.133].

Кадровый голод, вызванный призывом значительной части мужского взрослого населения в ряды вооруженных сил, необходимость увеличения темпов производства, так же, как и потребность в сплочении народных масс в борьбе с внешним врагом определили внимание к образу ребенка-труженика и отразились в советских агитационно-пропагандистских практиках. Если в 1941 г. принципиальным был переход к изображению производительного детского труда (а не трудового воспитания), то в 1942 – середине 1944 гг. происходит детальная разработка образа ребенка-труженика, основанная, прежде всего, на отражении характера и содержания трудовой деятельности несовершеннолетних. При этом по характеру труда различались профессиональная работа несовершеннолетних и совмещение учебной и иной общественно-полезной деятельности.

В лексическом сопровождении пропагандистского образа ребенка-труженика обращает внимание полное отсутствие термина «дети», чему можно дать ряд объяснений. В обыденном восприятии понятие «детство» определяется не только возрастом, но и степенью самостоятельности. Участие же в трудовой деятельности предполагает высокую ответственность, самостоятельную общественную роль. Кроме того, мы можем допустить и стремление избежать негативных коннотаций с идеологически насыщенным понятием «детский труд», который всегда разоблачался в марксистской критике как элемент капиталистической эксплуатации [7.340, стб.678]. Обвинения в использовании принудительного детского труда называлось в числе тягчайших преступлений фашизма [3.93].

Применительно к промышленным предприятиям речь шла не о подростках, работающих на производстве, а об учащихся ремесленных училищ, школ ФЗО, о рабочей молодежи. Типично в этом плане сообщение газеты «Труд» от 23 сентября 1943 г. о формировании бригад из учащихся для восстановления промышленности Донбасса [2.57, с.207–208]. В соответствии с постановлением СНК СССР от 30 апреля 1944 г. вечерние школы для работающих подростков были переименованы в школы рабочей молодежи. Официально это мотивировалось тем, что контингент учащихся включает не только подростков [2.89, с.142].

Наиболее распространенной формой газетных публикаций, посвященных работе несовершеннолетних на промышленных предприятиях, были фоторепортажи. Такие снимки сопровождались подробными подписями, а иногда и небольшими текстами, в которых сообщалось название предприятия (если оно не засекречено), имена героев снимка и их возраст. Особо подчеркивалось участие детей в производстве вооружений и боеприпасов для фронта: «Ленинград. Нина Николаева и Валя Волкова собирают автоматы на Сестрорецком инструментальном заводе имени С. П. Воскова» (1943 г.), «Пермь. 12-летний фрезеровщик» (1943 г.).

Более многопланово и содержательно образ ребенка-труженика был представлен в литературе и искусстве. Образ работающего подростка, к которому и взрослые показательно уважительно обращаются по имени-отчеству, закрепили в общественном сознании стихотворение «Данила Кузьмич» С. В. Михалкова, песня «Василий Васильевич» Н. В. Богословского и Б. С. Ласкина и др. У героя песни был реальный прототип. Василий Васильевич Гусев рассказал в интервью в 2005 г., как был эвакуирован в Челябинск вместе с другими рабочими Кировского завода в конце 1941 г. Работал токарем, затем возглавил комсомольско-молодежную бригаду, работавшую на сборке коробок передач для танков Т-34. Осенью 1942 г. по специальному заданию ГКО на Челябинский тракторный завод прибыла творческая бригада из Москвы в рамках большого информационного проекта, целью которого было запечатлеть один день жизни борющейся с фашизмом страны – один день войны. Делегация побывала и на производственном участке лучшей комсомольско-молодежной бригады, к 18-летнему бригадиру которой обращались по имени и отчеству. Никита Богословский и поэт Борис Ласкин написали песню, уменьшив возраст своего героя: «За горы за Уральские молва о нем идет, / А он себе работает и бровью не ведет. / Василию Васильичу всего пятнадцать лет. / Привет, Василь Васильевич, примите наш привет!» [5.247]. В. В. Гусев прожил долгую достойную жизнь, работал заместителем директора ЧТЗ, умер в 2016 г.

С декабря 1942 г. Управление трудовых резервов при СНК СССР развернуло издательскую деятельность с целью популяризации среди подростков профессионального образования. На этом основании А. Г. Фатеев объясняет активное обращение писателей к теме рабочей молодежи выгодными условиями издания, с чем вряд ли можно полностью согласиться [7.516]. Административное давление и материальное стимулирование, безусловно, важны, однако художественный уровень произведения определяется талантом и личными чувствами автора. Если стихотворение

С. В. Михалкова «Данила Кузьмич» не отличается особой оригинальностью, то А. Л. Барто сама пошла учиться (по совету П. П. Бажова), «чтобы глубже узнать интересы ремесленников и, главное, их психологию, приобрести вместе с ними специальность», и действительно получила 6 разряд токаря [4.147, с.346–347]. Итогом этого опыта стал сборник «Идет ученик», который увидел свет в 1944 г. В него вошло и полное самоиронии стихотворение «Мой ученик», в котором изображается сначала гордость маленького рабочего за то, что ему дают ученика, а потом разочарование, когда вместо сверстника он увидел «старуху с нашего двора» [5.199, с.].

Все, кто сталкивался с подростковыми бригадами на военных предприятиях, вспоминают об удивительном сочетании в юных рабочих детского облика и настоящей взрослой ответственности [4.178, с.411–412]. Значение работы несовершеннолетних на промышленных предприятиях в годы войны отражают такие данные: рабочих и служащих в возрасте до 18 лет в 1939 г. было занято 6% по отношению к общей численности рабочих и служащих промышленности СССР [7.354, с.112], а на заводах тяжелого машиностроения в 1942 г. удельный вес подростков в возрасте до 18 лет составлял в среднем 22,8%, к началу 1945 г. – 18,4% рабочих [7.390].

Художественный фильм Льва Кулешова и Александры Хохловой «Мы с Урала», снятый в 1943 г., рассказывает о буднях и юношеской влюбленности подростков, работающих после окончания ФЗУ на большом уральском военном заводе. Лента отразила и стремление многих подростков любой ценой попасть на фронт, за что получила замечание органов цензуры [3.316].

Главное внимание в периодической печати УССР уделялось труду школьников, совмещающих учебу с работой во внеурочное время. Лексически такой образ ребенка-труженика был представлен своего рода терминологическими рядами: ученики (школьники) – ребята – пионеры; молодежь – комсомольцы. Они предстают в публикациях как помощники государства и взрослых или равные взрослым, подтверждая самим своим

существованием и успехами в учебе и труде правильность и эффективность государственно-партийной деятельности в области воспитания советского человека. Такое позиционирование нередко присутствует в названиях заметок, репортажей: «Комсомольцы собирают металлический лом», «Пионеры собирают металлический лом» [3.114; 3.115]. Особый акцент делался на коллективном характере детской трудовой деятельности, что объясняется как объективно существующим характером организации работ, так и советскими идеологическими представлениями о ценности коллективизма. Примерам индивидуального труда отводилась вспомогательная роль. Изображения отдельных несовершеннолетних, задействованных в трудовой деятельности, получили распространение в газетных фотографиях. Героями же всех без исключения текстовых газетных материалов выступали коллективы, объединенные по принципу принадлежности к учебным заведениям (например, «учащиеся школы №65-117 г. Сталино») [3.124], пионерским организациям, населенным пунктам («школьники г. Сталино», «молодежь Киева»), регионам («пионеры Донбасса»).

В публикациях содержится подробная характеристика основных видов общественно-полезной деятельности, которую школьники выполняли в свободное время. Исходя из общественной значимости, основное внимание уделялось сельскохозяйственным работам. В соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей» было разрешено привлекать учащихся 6–10-х классов, студентов техникумов и вузов на работу в МТС, колхозы и совхозы [2.75, с.161]. Информационная кампания, сопровождавшая выполнение постановлений, строилась по схеме, сложившейся в 1930-е годы: почин школьников г. Ирбита, их коллективное письмо (под которым было собрано 8 140 подписей) к Всесоюзному старосте М. И. Калинину, его призыв, «чтобы ни один школьник не сидел дома без

дела, чтобы школьные отряды работали по-фронтовому, чтобы ни один колос не остался на полях», соцсоревнование школ, постоянно освещавшееся в прессе [2.63, с.74–76]. В период посевных компаний и сбора урожая в газетах значительно увеличивалось число публикаций, посвященных несовершеннолетним (см. приложение Б, табл.Б.1). Работа детей в сельском хозяйстве характеризуется эпитетами: «сложная», «трудная», «самоотверженная», иногда – «героическая». Настоятельно в описании труда несовершеннолетних подчеркивается его неразрывность с фронтом: «Работа, которую выполняют ребята, показывает противнику, что у нас сегодня в поле – как на фронте, что фронт и тыл у нас неотделим!» [3.113]. Отраженные в других источниках факты административного привлечения несовершеннолетних к труду в газетных материалах обычно замалчивались.

Труд детей и подростков из семей колхозников в прессе почти не освещался. Исключение составляют фотографии, в том числе и ставшие эмблематичными: «Школьники колхоза «Белорусский Труженик» собирают грибы для Красной Армии и населения города» (Л. Доренский, Ярославская область, июль 1942 г.); «Уход школьников за телятами на животноводческой ферме колхоза «Гигант» (Б. Колесников, Пензенская область, 1942 г.); «Колхозница колхоза «Заря» ученица 7-го класса Т. Пестова за вспашкой» (А. Скурихин, Кировская область, 1943 г.) [9.559].

Одной из самых масштабных была пропагандистская кампания по сбору средств на строительство боевой техники. В ней соединились директивные меры власти и народные стремления. Инициатором кампании считается Феропонт Петрович Головатый – колхозник-пасечник, который в декабре 1942 г. внес свои личные средства на строительство истребителя, а в 1943 г. – еще одного, хотя само явление всенародного сбора средств на строительство, например, самолетов, было известно уже с начала 1920-х годов. Организаторами движения по сбору средств на боевую технику обычно выступали партийно-государственные органы, советские общественные организации, в частности ЛКСМУ и пионерская организация.

Во время войны сложился своеобразный ритуал-алгоритм сбора средств, согласно которому сначала с инициативой о сборе средств выступали низовые организации или граждане. Когда деньги уже были собраны, организация или отдельные граждане обращались с письмом к И. В. Сталину, докладывая о собранных средствах, и выражали пожелания, на производство какой именно техники их направить. В ответ они получали личное письмо с благодарностью от самого вождя и приветом от Красной Армии. Новые боевые машины (обычно с соответствующими надписями-девизами) торжественно передавались представителям воинских частей, прибывающих на предприятие, или представители общественности отправлялись с почетной миссией на фронт. Впоследствии газеты печатали письма от бойцов с благодарностью за отличную технику [7.386].

Газета «Социалистический Донбасс» 11 февраля 1944 г. опубликовала письмо И. В. Сталину от учеников и учителей Харцызской средней школы №1, которые собрали 100 тыс. руб.: «Мы желаем приобрести самолет и просим назвать его Вашим именем. Просим передать наш самолет в летную часть, где служит наш земляк Герой Советского Союза Максименко В. И.» [3.128]. А в номере той же газеты от 12 мая 1944 г. появилось письмо от Верховного главнокомандующего учителям и ученикам Буденновского района г. Сталино с благодарностью за присланные средства [3.129].

Как значимый вид детской трудовой деятельности презентовался в прессе сбор металлолома на нужды фронта. Нередко завершением публикации служат призывы к участию в подобных кампаниях: «Ребята, школьники Донбасса, включайтесь в социалистическое соревнование по сбору металлолома!» В публикациях этой группы обязательным было подробное описание результатов проведенной детьми работы: «2067 руб. собрали школьники», «пионеры собрали 3,5 тонны металлического лома» [3.114]. Согласно докладной записке Ворошиловградского обкома ЛКСМУ «Об оказании помощи Красной Армии комсомольцами и молодежью области (между 6–19 июня) 1942 г.» молодежью Луганщины была собрана

значительная сумма в 8 млн. 618 тыс. рублей, «в том числе на постройку танковой колонны им. ВЛКСМ – 1 800 000 рублей, на постройку самолетов «Комсомолец Ворошиловграда» – 842 000 рублей, на постройку танка «Пионер Ворошиловграда» – 43 000 рублей» [2.67, с.163]. В номере «Социалистического Донбасса» от 1 марта 1944 г. указывалось, что «Комсомольцы, пионеры, школьники собрали 13 878 992 руб. в Фонд обороны», а также 779 291 руб. – детям фронтовиков и сиротам [3.132]. Участие детей в сборе средств на военную технику подчеркивали названия боевых машин: танк «Макеевский школьник», самолет «Горьковский пионер» и др.

Одним из самых знаменитых стал сюжет о сборе средств на постройку танка Т-60 «Малютка». 25 февраля 1943 г. «Омская правда» опубликовала письмо шестилетней Ады Занегиной, эвакуированной со своей матерью в деревню Усовка Марьяновского района Омской области: «Я Ада Занегина. Мне шесть лет. Пишу по-печатному. Гитлер выгнал меня из города Сычевка Смоленской области. Я хочу домой. Маленькая я, а знаю, что надо разбить Гитлера и тогда поедем домой. Мама отдала деньги на танк. Я собрала на куклу 122 рубля и 25 копеек. А теперь отдаю их на танк...» В отделении Госбанка СССР по Омской области открыли специальный счет, на который зачислялись собранные детьми средства. В результате в Фонд обороны было перечислено 160 886 рублей. В ходе войны танк «Малютка» воевал в составе 91-й отдельной танковой бригады. Примечательно, что его механиком-водителем была одна из девятнадцати женщин-танкистов РККА сержант Е. А. Петлюк [4.175].

В полной мере к А.П. Гайдару и его повести «Тимур и его команда» можно отнести слова А. В. Фатеева: «С началом Отечественной войны на борьбу с фашистскими захватчиками были мобилизованы не только писатели, но и литературные образы, созданные ими» [7.516]. Участие детей в шефской помощи семьям военнослужащих, госпиталям, отправка подарков фронтовикам позиционировались как прямое продолжение тимуровского

движения. В газетных материалах эта работа справедливо представлялась как наиболее творческая, самостоятельная, инициативная, особо подчеркивалась самоорганизация несовершеннолетних в определении ее форм, подготовке мероприятий: «Школьники создали тимуровскую команду» [3.121].

Такие материалы отличаются детальным описанием деятельности детей, стилистические приемы в тексте передают особую трогательность происходящего. В статье А. Хомченко «Подарки бойцам» (19 декабря 1943 г.) рассказывается, как пятиклассники г. Сталино «заботятся о своих маленьких друзьях – дошкольниках, детях фронтовиков. Они приходят к ним в гости, приносят книги с картинками, рассказывают сказки, а недавно школьники начали собирать средства на подарки фронтовикам – отцам и братьям своих подшефных» [3.124]. Нередко, для усиления эмоциональности, публикации сопровождались фотоматериалами. Например, на снимке, опубликованном в «Правде Украины», запечатлена сцена, на которой под диктовку раненных фронтовиков дети пишут письма их близким (Калинин, 1943 г.). На снимке С. Кропивницкого 14-летние девочки занимаются сортировкой почты (Ленинград, 29 мая 1943 г.).

Образ ребенка-труженика – единственный пропагандистский образ, целевой аудиторией которого, в первую очередь, были сами несовершеннолетние. Каждый сюжет обязательно включал факты, доказывающие весомость и важность для страны результатов трудовых усилий тех или иных детских коллективов. В целом ряде публикаций ставились конкретные задачи, очерчивались насущные виды деятельности, в которой дети могут (а значит – должны) принять участие. Нередко журналисты использовали лозунги, подчеркивающие неразрывность связи работы тыла и успехов Красной Армии на фронтах: «Все для фронта! Все для победы!» «В работе – как в бою!» Характерно завершение одной из статей, посвященных участию школьников в уборке урожая: «Убрать весь урожай, убрать без потерь – таков наш ответ врагам человечества – проклятым фашистам!» [3.112]. Школьники, молодежь (пионеры, комсомольцы)

работают «вместе со взрослыми», «как взрослые», «вместо взрослых»: «Мы работаем для фронта – / Шьем кисеты для бойцов» (А. Л. Барто, «Школьная мастерская», 1943 г.) [5.199, с.485]; «Нет, мы не дети малые, / не хнычем и не плачем, – / мы, сердцем возмужалые, / в труде кой-что да значим! <...> мы – младшие богатыри народа-великана!» (Н. Н. Асеев, «Утренняя заря на станке», 1943 г.) [5.196, с.63–64].

Образ ребенка, вносящего посильный вклад в Победу, апеллировал и ко взрослым. Эмоциональный эффект в отдельных случаях мог быть сильнее, чем описание самых страшных жестокостей гитлеровцев. Истребитель-ас А. И. Покрышкин во время своей агитационной поездки по Сибири в 1944 г. потрясенно осознает, что встреченная им в цеху военного завода плачущая маленькая девчушка притирает рукоятки бензокранов – детали, от которой прямо зависит жизнь летчиков. А плакала она потому, что первый раз не победила в соцсоревновании [4.178, с.411]. Борис Слуцкий передал и свои чувства, и чувства медсестер в доме отдыха ремесленных училищ, которые «идут неслышной поступью, / торжественно молчат», боясь разбудить «мальчишек в форме ношенной», спящих «за войну впервые, за детство в первый раз» [5.233, с.71].

М. Л. Матусовский в своих воспоминаниях приводит письмо красноармейца Т. Г. Ухова в редакцию газеты Северо-Западного фронта «За Родину» о том, как в его часть привезла подарки делегация из Перми. К каждому кисету оказалась привязана на нитке конфета «Карамель дюшес», и женщина-делегатка пояснила, что ребята из детского сада решили свое угощение передать бойцам. Она же предупредила, что одна девочка сразу успела засунуть конфету в рот, и так она громко ревела, что остальные разрешили ей конфету завернуть назад в фантик. Девочка здорова, и конфету можно спокойно есть. Боец пишет: «...я разворачиваю бумажку и вижу, что конфета, причитающаяся мне, траченная с одной стороны, и такая боль взяла за душу, и такая жалость за ту девчонку, что я, стоя в строю и держа равнение на грудь четвертого человека, не сдержался и заплакал <...> Плакал

я от обиды, что фашистские изверги довели нашу Родину до положения, когда я должен у ребенка отнимать, можно сказать, последнюю радость» (1942 г.) [4.167, с.177–178].

Газетные публикации и художественные произведения последовательно трактовали работу детей как неотъемлемую часть всеобщего гражданского порыва, всячески подчеркивали самостоятельность детей в принятии решений, восхвалялась сознательность и инициативность подрастающего поколения. Убедительность такой пропагандистской интерпретации усиливалась тем, что в материалах, освещающих труд детей, отсутствуют упоминания об административном аспекте организации их труда. Ребенок-труженик позиционировался как пример для своих сверстников и, разумеется, воздействовал на всю взрослую читательскую аудиторию.

С точки зрения пропаганды образ ребенка, сражающегося с фашизмом, являлся наиболее неоднозначным, фрагментированным среди других детских пропагандистских образов 1942–1944 гг. Это положение сложилось неслучайно и обусловлено комплексом причин. Во-первых, такой подход диктовался формальной необходимостью для СССР в условиях войны соблюдать международные конвенции. Так, в ходе совещаний в Совинформбюро внимание редакторов специально обращалось на недопустимость публикации материалов, идущих вразрез с международными договорами и конвенциями [2.77, с.426–427]. Во-вторых, явно сказывались соображения контрпропагандистского порядка. Советская сторона всячески отрицала обвинения противной стороны в мобилизации несовершеннолетних в РККА, в частности об этом говорилось 13 января 1943 г. в сообщении Совинформбюро: «Немецкое командование распространяет сообщение о том, что якобы «советские военнопленные, захваченные немецкими войсками, главным образом состоят из 15-летних мальчиков и стариков 60-ти лет и старше» [2.82, с.30]. В-третьих, существовали и психологические причины. Проиллюстрировать их можно, обратившись к фрагменту документальной

повести Евгения Долматовского «Мгновения жизни Раи Балаговой» [4.155, с.217–227]. Писатель, будучи корреспондентом газеты Юго-Западного фронта, 7 апреля 1942 г. опубликовал заметку о подвиге девочки, спасшей эшелон в сильный мороз, но ошибся в ее возрасте: «...подумал: может быть хорошо, что я назвал 7-й, а не 6-й класс. Ведь среди бойцов-читателей есть родители, они ужаснутся...» [4.155, с.219].

Служба детей в регулярных воинских подразделениях в 1941–1943 гг. в прессе практически не освещалась в силу цензурных запретов. Я. И. Захаров, занимавший в 1941–1945 гг. должность заместителя редактора газеты «Красный воин» 395-й Таманской (шахтерской) стрелковой дивизии, в воспоминаниях рассказал о невозможности писать в газете о боевых делах 16-летнего разведчика, награжденного орденом Красной Звезды и рядом медалей [4.158, с.157].

В то же время центральная идея Отечественной войны и, главное, реальное участие в сопротивлении фашизму несовершеннолетних заслуживали благодарного внимания и восхищения, требовали соответствующей агитации и прославления подвигов. В таком контексте сохранялась уже оформившаяся в 1941 г. практика информирования о подвиге, его типизации без дальнейшего пропагандистского сопровождения и развертывания. В статье Л. Черкашиной «Маша» («Социалистический Донбасс» 5 декабря 1943 г.) о кубанской девочке М. Лихоглядовой, попавшей в 15 лет на фронт и получившей ранение при освобождении г. Сталино, акцент показательно сделан на боевом пути юной связистки, а не ее возрасте [3.122].

Наиболее целостным пропагандистским образом сражающегося ребенка стал образ героя-жертвы. Обреченный на неизбежную смерть, попавший в руки врага ребенок проявляет высокие моральные качества, патриотизм. Яркий пример такого сюжета представлен в сообщении Совинформбюро от 4 сентября 1941 г. – подвиг уроженца Ворошиловградской области Коли Никифоренко. 13-летний мальчик

отказался указать оккупантам месторасположение партизанского отряда: «Мальчик ответил, что он ничего не знает. Гитлеровцы зверски избили ребенка, ломали ему пальцы и отрезали ухо. Не добившись от Коли Никифоренко ни единого слова, фашистские звери расстреляли его» [2.81, с.203]. Предсмертной пламенной патриотической речи подростка у двери автомобиля-душегубки В. Зузуева был посвящен номер Окон ТАСС (приложение Ж).

Участники партизанских отрядов, подпольных организаций в пропаганде позиционировались как «комсомольцы», «советская молодежь», «юноши и девушки», то есть очень молодые, но уже вполне взрослые люди. Если говорить о возрасте, то ставшему посмертно Героем Советского Союза партизану Александру Чекалину на момент казни в ноябре 1941 г. было 16 лет. Олег Кошевой – комиссар краснодонской «Молодой гвардии» – родился в 1926 г., то есть встретил войну подростком. Как комсомолец в годы войны позиционировался и партизан-подрывник В. Коробко, ставший героем фоторепортажей знаменитого корреспондента Якова Давидзона [7.377]. Одновременно в образах совершеннолетних комсомольцев обязательно присутствовали отсылы к их детству. М. А. Светлов посвятил строки Лизе Чайкиной: «Идет деревенская девочка / По зимней дороге одна» [5.230].

В образе юных подпольщиков выделялись два основных компонента: воспитательная роль ВЛКСМ, Коммунистической партии, государства, советской школы и личный выбор, самостоятельное сопротивление врагу. Такой трактовке соответствовали первые материалы о деятельности «Молодой гвардии». Взгляд А. А. Фадеева, который начал работу над романом по поручению ЦК ВЛКСМ, отличался от такой трактовки, но имел с ней много общего: «мальчишки и девчонки, оставшись одни, без всякой помощи сумели создать настоящую подпольную организацию. Они вели себя как настоящие революционеры. Это мы, наша действительность, воспитали

их такими. Когда я читал эти материалы, то словно вновь переживал свою юность» [4.333, с.236].

2.3. Генерализация образа военного детства на завершающем этапе Великой Отечественной войны

В середине 1944 г. на идеологическом уровне советского общественного сознания происходят коренные изменения в трактовке детских образов. Главным фактором изменений стало прекращение боевых действий на территории СССР и начало освобождения европейских стран: «Каждая фаза войны имеет свой особый аспект и по-своему отражается на жизни страны. По мере приближения к развязке – частности отпадают. События воспринимаются все более суммарно, оперативно, – отвлеченно обобщеннее» (В. В. Вишневский, 16 марта 1945 г.) [4.151, с.742]. Что касается внешнеполитических обстоятельств, то, как показал ряд современных исследований, советское руководство стремилось избежать осложнений в отношениях с освобождаемыми государствами [7.492, с.204–207]. Наиболее наглядное проявление такой позиции – статья Г. Ф. Александрова «Товарищ Эренбург упрощает», опубликованная в «Правде» 14 апреля 1945 г.

Целый комплекс причин изменения идеологических установок был связан с психологическими трудностями перехода от войны к миру. О том, что придется учитывать особенности такого перехода, неоднократно писал в дневнике В. В. Вишневский: «Пройдет война, выстроят новые дома, зацветут поля... А что будет с психикой людей, с выбитой из колеи жизнью? Я думаю: после войны надо искать цельности внутреннего мира...» [4.151, с.428] (9 ноября 1943 г.); «Мы, писатели, в 1941–1942 годах дали народу чудовищный заряд ненависти к врагу... Но мы передовики, и у нас уже есть предощущение гуманистическое» (22 июня 1944 г.) [4.151, с.586]; «На устройство дел миллионов и миллионов людей потребуется много внимания, заботы и времени. Поэтому переходный период будет по-своему труден.

Психологически – очень труден» (1–2 сентября 1944 г.) [4.151, с.635]. Гуманистические размышления писателя принципиально разошлись с жесткими административными методами, которыми осуществлялись пропагандистские изменения в 1944–1945 гг.

Обобщая, можно сказать, что при сохранении важности мобилизационной функции детских пропагандистских образов, приоритет приобретали идеологическая и рекреационная. Ведущей в таком контексте стала тенденция упрощения структуры и новая генерализация образа детства. Термин «генерализация», который, на наш взгляд, наиболее точно отражает сущность происходившей трансформации детских пропагандистских образов, предложили Г. Демосфенова, А. Нурок и Н. Шантыко для определения изменений в образном ряде советского политического плаката [7.379]. С приближением окончания войны все отчетливее становилась концентрация советской пропаганды на возвеличивании личности и заслуг И. В. Сталина, возглавляемых им Вооруженных Сил, партии и государства. С этим процессом никак не согласовывалась даже постановка вопроса о «цене победы».

В советской пропаганде с середины 1944 г. происходит отчетливое сокращение внимания, а позднее – и полный отказ от образа ребенка-жертвы. Последней сводкой, в которой присутствовала информация о жертвах среди детей, стало сообщение от 4 июня 1944 г. о заключенных концентрационного лагеря под Витебском. Акцент был сделан на их освобождении Красной Армией: «Голодные и измученные в фашистской неволе советские граждане – старики, женщины и дети – со слезами радости на глазах встретили воинов Красной Армии» [2.84, с.373].

В прессе материалы о преступлениях оккупантов против детей и детства продолжали размещаться, но их количество оставалось значительным лишь в крупных газетах. В 1944 г. в «Правде Украины» было опубликовано 14 таких материалов (20,6% от общего количества публикаций, посвященных несовершеннолетним), в «Социалистическом

Донбассе» – 16 (18,0%), в «Молоді України» – 23 (8,%), «Ворошиловградской правде» – всего 4 публикации (5,2%), а в газете «Знамя индустрии» таких публикаций не было (см. приложение Б, табл.Б.3). В газете «Социалистический Донбасс» в течение 1944 г. количество публикаций о преступлениях гитлеровцев против детей и детства сократилось с четырех в январе до двух в декабре, а в течение трех месяцев (феврале, августе и ноябре) таких материалов вообще не было (см. табл.2.5).

Таблица 2.5

Распределение количества публикаций, посвященных несовершеннолетним, в газете «Социалистический Донбасс» по основным темам, по месяцам 1944

г.³

	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь
Преступления против детей и детства	4	0	1	2	1	2	2	0	2	2	0	2
Социальная политика	6	2	1	6	5	4	3	5	4	5	2	8
Труд несовершеннолетних	3	2	2	4	1	1	1	1	0	3	1	0
Подвиги детей и подростков	0	0	0	0	0	2	0	0	0	0	0	0

Последней крупной информационной кампанией, одним из центральных образов которой был образ ребенка-жертвы, стало освещение ужасающих преступлений фашистов в лагере смерти Майданек. Публиковались материалы расследования польско-советской Чрезвычайной комиссии по расследованию немецко-фашистских злодеяний в Люблине. Сразу после освобождения в лагере побывали ведущие советские военные корреспонденты, подготовившие материалы для своих изданий. «Красная Звезда» напечатала 3 корреспонденции К. М. Симонова, очерк для Совинформбюро написал Б. Л. Горбатов. Одно из наиболее трагических, потрясших очевидцев впечатлений – склад обуви казненных [4.155, с.176].

3 Таблица составлена автором по материалам: Социалистический Донбасс. – 1944.

И. Г. Эренбург использовал этот образ в очерке «О том же»: «На Берлин идут не только дивизии и армии, на Берлин идут окаменевшие матери, безутешные вдовы, седые дети. На Берлин идут все овраги, яры и балки, все пустыри. На Берлин идут капуста Майданека и деревья Витебска, на которых немцы вешали несчастных. На Берлин идут сапоги, ботинки, тапочки задушенных, и туфельки двухлетнего мальчика тоже идут на Берлин». Этот очерк, написанный 10 января 1945 г., полон скрытой полемики с начавшимся замалчиванием трагических утрат советского народа (в том числе и с отказом от образа ребенка-жертвы) [5.244].

На этапе завершения Великой Отечественной войны образ ребенка-жертвы сохранялся в полном объеме только в контрпропагандистских материалах, предназначенных для распространения в странах антигитлеровской коалиции. Например, совсем в другой тональности, чем сообщение Совинформбюро о концлагере под Витебском от 4 июня 1944 г., выдержан очерк И. Г. Эренбурга «18 июля 1944 г.», написанный также для Совинформбюро, но для размещения в иностранных СМИ. В очерке описывается концентрационный лагерь в селе Большой Тростинец под Минском: «Желая скрыть следы преступлений, палачи в Большом Тростинце жгли трупы, вырывали закопанных и жгли. Убегая, они убили последнюю партию, сожгли и, спеша, недожгли. Я видел полуобугленные тела – голову девочки, женское тело и сотни, сотни трупов, сложенных, как дрова...» В плане работы Всесоюзного общества культурной связи (ВОКС) в Великобритании в 1944 г., направленной против «преувеличения английской пропагандой жертв, которые несет Англия в этой войне, приравнивая их к жертвам советского народа», предполагалось издать через «Soviet War News» («Советские военные новости») буклет «Дети и война». Данное издание должно было показать английской аудитории масштабы разрушений крупных советских городов и условия жизни детей, а также факты военных преступлений оккупантов против несовершеннолетних [1.4, л.7].

Жесткие цензурно-ограничительные методы, которыми в конце Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы, осуществлялось изъятие из информационного пространства материалов, содержащих яркие образы ребенка-жертвы, иллюстрируют следующие ситуации.

М. В. Исаковский – признанный советский поэт, автор текстов многих ставших классическими песен, написал в 1945 г. стихотворение «Прасковья» («Враги сожгли родную хату...»). Это произведение с пронзительным сюжетом – плач солдата по убитой фашистами семье – А. Т. Твардовский, обращаясь к своему старшему товарищу, оценил так: «...ты в двадцать строк вкладываешь столько, что мне в поэму не вложить!» [4.154, с.427]. Такой отзыв показателен, поскольку фабула стихотворения близка главе «О солдате-сироте» из поэмы «Василий Теркин». Стихотворение было опубликовано в 1946 г., музыку написал М. И. Блантер. Рассказ М. В. Исаковского о судьбе песни сохранился в передаче Евгения Долматовского: «В первый раз в зрелые годы я почувствовал крутое сопротивление песне. Редакторы – литературные и музыкальные – не имели оснований обвинить меня в чем-либо. Но они были убеждены и тщились убедить других, что Победа исключает трагические песни, будто война не принесла народу ужасного горя. Это был какой-то психоз, наваждение. Неплохие люди и, может быть, совсем малейшая часть их – карьеристы и трусы, держащиеся за свои должности и кресла, а вот, не сговариваясь, шарахались от песни. Был один – даже прослушал, заплакал, вытер слезы и сказал: «Мы не можем» [4.154, с.426–427]. Песня пришла к слушателям в 1960 г. в исполнении Марка Бернеса и стала для советских людей одним из символов Великой Отечественной войны.

Категорический запрет на публикацию по тем же причинам постиг и «Збірник фольклору Великої Вітчизняної війни». Решение о сборе военного фольклора было принято СНК УССР в 1941 г., но выполнить его тогда возможности не было. Сразу после освобождения Украины Институтом

народного творчества и искусств (сейчас – Института искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М. Ф. Рыльского) была организована серия экспедиций в разные регионы республики, кроме того, многие фольклористы работали самостоятельно. В Донбассе на протяжении всей войны записывала и систематизировала материалы народного творчества, в том числе детского, преподаватель Славянского педагогического института Н. Д. Тарасенко [7.384, с.165]. В собранных текстах главное место заняли художественно выразительные песни фашистской неволи, наполненные образами страданий, в том числе детских. Все они вошли в «Збірник фольклору Великої Вітчизняної війни», который стал результатом масштабной кропотливой работы. Были подписаны к печати гранки, предполагался тираж 20 тыс. экземпляров. Сохранились правки самого М. Ф. Рыльского в предисловии к сборнику: упоминания и оценки про оккупацию смягчались и сокращались, но книга все равно издана не была [1.40, л.8–9]. К счастью, подготовительные материалы, рукопись и гранки сохранились, вероятно, благодаря тому, что сотрудники института расположили их не в фонде фольклора периода Великой Отечественной войны, а в фондах «Фольклорно-этнографические материалы собирателей» и «Материалы экспедиций сотрудников» [1.37–1.47].

Специальным корреспондентом газеты «Правда» в 1946 г. на Нюрнбергском международном трибунале был В. В. Вишневский. Его отчеты о ходе процесса публиковались в «Правде» уже на следующий день после заседаний. 14–19 февраля 1946 г. заместитель главного обвинителя от СССР полковник Л. Н. Смирнов огласил результаты расследования зверств и злодеяний гитлеровцев на оккупированных территориях СССР, предъявил подлинные документы и вещественные доказательства. В ходе доклада был продемонстрирован фильм, в который вошли материалы съемок советских документалистов Р. Л. Кармена, В. В. Микоши, М. А. Трояновского и др.

Из представленного обвинительного материала в своем очерке о заседании «Говорят свидетели, говорят очевидцы» Всеволод Вишневский

сконцентрировал внимание на запредельно трагичных эпизодах гибели и страдания детей – почти треть общего объема и все конкретные примеры: «Мы слышим о том, как *немцы* во Львове, в первые же дни своего прихода туда, устроили выставку убитых ими людей. В центре была женщина с пригвожденным к ней ее младенцем» [5.203, с.301]; «...беспощадный и честный объектив показывает убитых матерей с детьми. Лежат с настывшими изумленно-испуганными глазенками 3-5-летние дети, – милые малышки. У одного как-то защитно или в мольбе поднята рука... Люди, за что?» [5.203, с.305]; «Двор Ростовской тюрьмы, где тысячи людей бродят среди тысячи трупов. Потрясающие сцены, когда матери находят своих убитых детей. Как по-человечески страшна и понятна сцена, когда мать осторожно стряхивает мусор, соломинки с воротника и головы сына» [5.203, с.304]. Очерк В. В. Вишневского «Говорят свидетели, говорят очевидцы» ни на следующий день, ни позже в «Правде» опубликован не был, и это при том, что писатель в то время входил в руководящие органы Союза писателей, занимал должность главного редактора журнала «Знамя». Впервые очерк был издан по рукописи в посмертном собрании сочинений писателя в 1960 г.

Во второй половине 1944–1945 гг. происходят принципиальные изменения в пропагандистской трактовке заботы о ребенке. Основное внимание, как и в довоенном образе советского детства, концентрируется на социальной политике государства во главе с И. В. Сталиным, при этом от образа опекаемого ребенка (1942–сер.1944 гг.) сохраняется включение в субъект заботы о детях всего общества и семьи. Военные тяготы и лишения детей (описание которых на предыдущем этапе входило в структуру образа ребенка-жертвы) упоминаются в контексте их преодоления совместными усилиями государства, партии, комсомола, общества под руководством И. В. Сталина.

В сборник «Спасибі великому Сталіну. Збірка листів І. В. Сталіну від українського народу з нагоди визволення України від німецько-фашистських загарбників», изданном в 1945 г., представители каждой из областей УССР

описывают жертвы и разрушения, причиненные боевыми действиями и немецко-фашистскими оккупантами, и обращаются к Вождю как освободителю Украины и спасителю детей. В песне «Победа», сочиненной, как особо подчеркивала записавшая ее Т. М. Джерелюк, самими пионерами средней женской школы №30 г. Сталино, звучал такой припев:

Мы идем, мы поем
Мы знамя Победы несем.
С улыбкою Сталин стоит,
На всех ребятишек глядит [1.46, с.108–108 об.].

В советской прессе в 1944 г. социальная политика прочно заняла ведущее место среди публикаций, посвященных несовершеннолетним (см. приложение Б, табл. Б.3). В газете «Правда Украины» публикации по социальной политике в отношении детей и детства составили 51,5% (35 публикаций), то есть более половины рассматриваемых материалов. Аналогичными являются показатели по газете «Социалистический Донбасс» – 56,2% (50 публикаций). Еще больше внимания данным темам было уделено в газете «Знамя индустрии», где из 51 публикации им было посвящено 29, то есть 56,9%. Несколько меньшие показатели в «Ворошиловградской правде», в ней количество публикаций по социальной политике советской власти составили 44,2% (34 публикации). Больше всего публикаций (111) разместила газета «Молодь України». Ту же тенденцию выявляют результаты контент-анализа лексики, использовавшейся в общественно-политических газетах УССР в 1944 г. для обозначения несовершеннолетних. Во всех рассмотренных газетах: школьники по частоте упоминаний занимают 2–3 места: «Правда Украины» – 25,8%, «Социалистический Донбасс» – 23%, «Ворошиловградская правда» – 23%, «Знамя индустрии» – 19,6%, «Молодь України» – 13,6% (см. приложение Б, табл. Б.3).

Стабильный интерес к освещению социальной политики государства в течение 1944 г. отражает распределение количества соответствующих

публикаций в газете «Социалистический Донбасс» по месяцам. В январе таких материалов было 6, а к декабрю их количество составило 8 (см. табл.2.2). Огромное внимание уделялось детским садам и яслям, системе учебных заведений, их восстановление в освобожденных районах интерпретировалось как залог будущего страны. Такая пропаганда преследовала и практическую цель: в тяжелейших материальных условиях сохранить, а в освобожденных районах – возобновить контингент школьников.

Не ослабевала информационная кампания по оказанию помощи детям красноармейцев, усыновлению детей-сирот и шефской помощи детским домам. В «Социалистическом Донбассе» регулярно публиковались соответствующие материалы. В статье «Организовать летний отдых для детей», опубликованной 27 мая 1944 г., подчеркивалось, что «благодарность красноармейцам – забота об их детях» и одним из проявлений такой благодарности является создание летних лагерей и обеспечение отдыхающих одеждой [3.130]. А. Окунев в статье «Наш святой долг» (28 мая 1944 г.) описывает опыт помощи сиротам, накопленный комсомольцами Мариуполя: организация рейдов по выявлению беспризорных детей, контроль за условиями жизни усыновленных [3.131]. Статья от 16 июня 1944 г. «У нас не будет сирот» обращалась к читателям с призывом последовать благородному примеру мариупольцев – брать на воспитание детей погибших фронтовиков. Трогательная заметка в газете «Социалистический Донбасс» сообщала читателям, что лучшим в области является детский дом в Горловке, который носит имя Г.К. Жукова. В нем воспитывается 156 детей. Воспитанники отправили письмо маршалу и получили от него собственноручно написанный ответ и продуктовую посылку [3.134].

Этот же принцип положен и в основу комедийного фильма «Близнецы», снятого на киностудии «Мосфильм» в 1945 г. режиссером Константином Юдиным. По сюжету фильма, его главная героиня электромонтер Люба Карасева, в исполнении Л. В. Целиковской, находит на

вокзале двух брошенных близнецов и решает усыновить их. Молодая обаятельная девушка, не имеющая опыта ухода за детьми, попадает в комические ситуации, сталкивается с трудностями, преодолеть которые ей помогают все окружающие [6.311].

Что касается образа ребенка-труженика на завершающем этапе Великой Отечественной войны, то в складывающемся обобщенном образе детства он занял одно из ключевых мест. На протяжении 1944 г. в «Правде Украины» трудовой деятельности детей было специально посвящено 7 публикаций (что составило соответственно 10,3% от общего количества публикаций, посвященных несовершеннолетним за год), в «Социалистическом Донбассе» – 21 публикация (23,6%), в «Ворошиловградской правде» – 36 публикаций (46,7%), в «Знамени индустрии» – 21 публикация (41,2%). В газете «Молодь України» почти треть материалов, в которых упоминаются несовершеннолетние в 1944 г.

Освещение характера труда несовершеннолетних в пропаганде в целом соответствует предыдущему ее периоду, принципиально новым стало прославление на высшем государственном уровне трудового вклада несовершеннолетних в Победу. 6 ноября 1944 г. в докладе на торжественном заседании Моссовета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями И. В. Сталин подчеркнул: «Наша социалистическая экономика укрепляется и растет, а хозяйство освобожденных областей, разграбленное и разрушенное немецкими захватчиками, успешно и быстро возрождается. Это является результатом героических усилий рабочих и колхозников, советской интеллигенции, женщин и молодежи нашей страны, вдохновляемых и направляемых великой большевистской партией» [2.88, с.285–286]. В приказе Верховного главнокомандующего И. В. Сталина от 1 мая 1945 г. отмечалось: «Навсегда войдут в историю беспримерные трудовые подвиги советских женщин и нашей славной молодежи, вынесшей на своих плечах основную тяжесть труда на фабриках и заводах, в колхозах и совхозах. Во имя чести и независимости Родины советские женщины, юноши

и девушки проявляют доблесть и героизм на фронте труда» [2.88, с.338–339]. Если И. В. Сталин все же придерживался устоявшейся иносказательной лексики, то прямым признанием героического труда детей и подростков в годы Великой Отечественной войны стало награждение газеты «Пионерская правда» орденом Трудового Красного знамени. Именно так трактовал это событие М. И. Калинин в своем поздравлении редакции [2.63, с.83].

Что касается образа сражающегося ребенка, то в 1944 г. тематика участия детей и подростков в сопротивлении врагу была представлена в прессе УССР следующим образом: в газете «Правда Украины» – 12 материалов, что составило 17,6% от общего количества публикаций, посвященных несовершеннолетним, «Социалистическом Донбассе» – 2 (2,2%), «Ворошиловградской правде» – 3 (3,9%), «Знамени индустрии» – 1 (1,9%), «Молоді України» – 10 (3,6%) (см. приложение Б, табл. Б.3). В данном случае количественная характеристика не отражает глубины изменений, связанных с образом сражающегося ребенка, поскольку формирование и презентация этого образа осуществлялись не только в средствах массовой информации, но и в публицистике, художественной литературе, кинематографе и др.

На пересмотре образа сражающегося ребенка в полной мере отразились общие изменения содержания и идеологической трактовки героизма в советской пропаганде. Произошел отказ от коннотаций жертвенности в подвигах – на первый план вышли сюжеты о героях-победителях. Если ранее речь шла о роли ВЛКСМ, ВКП(б), государства в становлении личности героя, воспитании патриотизма, готовности к самопожертвованию, то теперь подчеркивалась руководящая роль Коммунистической партии во всех видах борьбы с фашизмом.

Корректировались даже символические образы. Секретарь ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлов вспоминал, как художникам Кукрыниксам – авторам полотна «Таня» (1942 г.) [4.171, с.260], на котором была изображена казнь Зои Космодемьянской – «очень деликатно, в качестве предложения»

высказали мысль показать не момент физической смерти героини, а ее обращение к согражданам с призывом бороться с захватчиками. После этого художники начали работу над новым вариантом картины и завершили его в 1947 г. Героический аспект присущ и художественному фильму Лео Арнштама «Зоя», снятому в 1944 г. [6.314]. Роман А. А. Фадеева «Молодая гвардия», изданный в 1946 г., был подвергнут критике за недостаточное отражение роли партии в руководстве молодежным подпольем на оккупированной территории. Писатель подверг текст основательной переработке в соответствии с руководящими установками, новая редакция романа была издана в 1951 г.

В соответствии с новыми приоритетами освещались и подвиги детей. Яркий пример – спасение пионером Костей Кравчуком двух полковых знамен. Мальчик спрятал их в начале оккупации Киева и сумел сохранить до освобождения столицы УССР. Впервые заметка об этом героическом поступке была опубликована в газете «Молодь України» 8 декабря 1943 г. [3.142]. Спустя полгода, 9 июня 1944 г. в «Правде Украины» и в других республиканских изданиях вышел ряд развернутых материалов, посвященных подвигу К. Кравчука: статьи, рисунок героя на фоне спасенных знамен, указ о награждении пионера орденом Боевого Красного Знамени, стихотворение В. Н. Сосюры «Костя Кравчук» (см. приложение Е, рис.Е.2). В отчете Сталинского областного отдела народного образования за 1944–1945 учебный год среди проведенных воспитательных мероприятий были названы беседы и лекции пионервожатых «Подвиг пионера Кравчука» [1.8, л.72]. Подвиг по спасению знамени совершила и пионерка из Артемовска Нина Фарафонова. Во время отступления немцев девочка спасла флаг Белорусской ССР, который в качестве трофея хранил вражеский офицер. Публикация о подвиге в «Правде Украины» (25 июня 1944 г.) сопровождалась фотографией героини со спасенным знаменем в руках (см. приложение Е, рис.Е.3).

Принципиальное, специфическое для образа сражающегося ребенка, изменение было связано с выводом из «зоны умолчания» сведений об

участии несовершеннолетних в боевых действиях в составе партизанских отрядов и подразделений Вооруженных Сил СССР. Характерным признаком этого стала кампания по награждению детей-солдат. Среди награжденных – уроженец Ворошиловграда, шофер 515 передвижной авторемонтной базы красноармеец Е. И. Иванов (1931 г.р.), которому 8 июля 1945 г. был вручен орден Славы III степени. Согласно наградному листу, Е.И. Иванов состоял в рядах РККА с 1939 г., с декабря 1941 г. до 1944 г. принимал непосредственное участие в боевых действиях в составе подразделений полковой разведки различных частей РККА. После получения ранения и контузии он был переведен на службу в тыловых соединениях. За время своего пребывания на фронте юный разведчик ни разу не представлялся к наградам.

Заметную роль в оформлении образа военного детства в советском общественном сознании сыграли суворовские училища. В 1943 г. с инициативой организации училищ по типу кадетских корпусов выступил генерал-лейтенант А. А. Игнатьев – видный военный деятель и теоретик Российской империи, вскоре после Октябрьской революции перешедший на сторону советской власти. Обращаясь с соответствующим предложением к И. В. Сталину, он исходил из соображений военной целесообразности: «Специфика военного ремесла требует привитие к нему вкуса с детских лет, а недостаток дисциплинированности детей в домашней и школьной обстановке вызывает необходимость создать специальные военные средние школы для подготовки нравственно воспитанных и физически развитых будущих командиров Красной Армии» [2.53, с.241–242]. В Постановлении СНК СССР от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» акцент был сделан на социальных функциях: суворовские военные училища организовывались для детей воинов Красной Армии, партизан Отечественной войны, а также детей-сирот, чьи родители погибли от рук немецких оккупантов [2.65, с.463]. Редакционный совет Детского

государственного издательства (Детгиза), составляя в 1943 г. перспективный план работы на три года, предусмотрел, что «новым элементом литературы должно стать изображение суворовских училищ» [7.516].

Сводный полк суворовцев принял участие в историческом Параде Победы 24 июня 1945 г. В очерке М. С. Шагинян «Встреча на Красной площади», опубликованном в «Правде» на следующий день после парада, в описание сводной колонны суворовцев вложены сложные смыслы. Марширующие воплощают дисциплину, выучку, боеспособность Красной Армии как части государства: «Ни малейшего сдвига в рядах, ритм их точен до совершенства, ноги поднимаются, словно смычки в оркестре, единым взмахом, и красные лампасы на широких черных брюках – раз-два, раз-два – размашисто, стройно колышутся взад и вперед, почти ощутимо на слух, как мелодия». Учебу и военную подготовку вчерашним обычным мальчишкам обеспечило государство: «Ведь почти только вчера, на наших глазах открыты были суворовские училища и собраны дети в них, а уже эти дети стали плотью от плоти Красной Армии». В то же время такая выучка и дисциплина стали возможны только как результат пережитого во время войны – совершенная выправка воина, внутренняя дисциплина жеста «говорит не об одной только школьной выучке, но о долгом опыте войны, об испытании военных лет». По Красной площади в колоннах проходят дети войны, а на трибунах сияет «ясная улыбка советских детей» [3.79]. Образ суворовцев ярко воплощал – вместе с пафосной перспективой – объединение ключевых воплощений детских образов периода войны: образов ребенка-жертвы, сражающегося и опекаемого ребенка.

Решающую роль в формировании образа обобщенного военного детства на завершающем этапе Великой Отечественной войны сыграла художественная литература. В 1944 г. государством был осуществлен комплекс мер по поддержке детской литературы: увеличены тиражи,

повышены авторские гонорары, проведены творческие конкурсы, проведен День детской книги [7.516].

В 1944 г. увидела свет повесть Л. А. Кассиля «Дорогие мои мальчишки». Свою книгу автор посвятил памяти А. П. Гайдара, чьи черты легко увидеть в герое повести – погибшем на войне Арсении Петровиче Гае, придумавшем сказочную страну Синегорию для ребят родного волжского городка Затонска, где разворачиваются события. Главный герой повести – Капка Бутырев. Его мать погибла во время обстрела колонны беженцев, отец ушел на фронт, на попечении Капки остались младшие дети. Капка работает фрезеровщиком на судоремонтном заводе и одновременно учится в ремесленном училище. Сюжет строится вокруг переросшего в дружбу соперничества ремесленников и юнг из школы, переведенной на Волгу с острова Валаам. Во время неожиданного прорыва фашистов к Затонску все ребята вместе встают на защиту города и отбивают атаку. Повесть «Дорогие мои мальчишки» стала первой книгой, вобравшей в себя ключевые детские образы военного времени, однако их трактовка во многом восходила к 1930-м гг. Описание ситуативного участия подростков в боевых действиях соответствовало канону 1942 – сер. 1944 гг. Книга подверглась серьезным правкам в ходе «борьбы с космополитизмом», и пик популярности повести Льва Кассиля, как и второй (военной) части «Великого противостояния», пришелся на 1950–1960-е гг. [5.213, 7.479].

Знаковым произведением завершающего этапа Великой Отечественной войны стала повесть В. П. Катаева «Сын полка», в отличие от книг Л. А. Кассиля адресованная не только детской, а самой широкой аудитории [5.216]. Автор книги «Катаев. Погоня за вечной весной», изданной в биографической серии «Жизнь замечательных людей» (ЖЗЛ), С. А. Шаргунов считает, что наиболее вероятный прототип главного героя повести – Коля Мищенко [7.525, с.454]. О два года воевавшем с немцами мальчике-сироте Валентин Катаев написал в очерке о Калининском суворовском училище «Труба зовет», опубликованном в газете «Красная

звезда» 2 декабря 1943 г. [3.101]. Сын писателя также передал рассказы отца о неоднократных встречах с детьми на фронте [7.525, с.455]. О распространенности явления и степени внимания к нему в обществе свидетельствуют и письма, написанные в 1944 г. командиром опергруппы СМЕРШ будущей жене и размещенные их дочерью Татьяной Киселевой в сети Интернет: «За время наступательных боев, мною воспитаны два малыша, Вася 14-ти лет, теперь он дважды награжденный, передан мною командованию (оказался хорошим пулеметчиком), и Владимир этого же возраста, на днях передан в войсковую разведку»; «Тонюша, говоришь, зачем мне лишние хлопоты? Васильевичу еще 13 лет, я с ним позанимался три дня, передал его хозяйственникам. Ему по его размеру сшили мундир, шинель. Начпрод взял его тоже под свое наблюдение, и парень стал работать над собой, взял себя в руки, 50 раз в день встречается и 50 раз будет перед офицером отдавать воинскую честь, неплохо читает газеты» [4.163].

С. А. Шаргунов приводит воспоминания Павла Катаева о том, как писалась повесть «Сын полка»: «Отец читал маме эту повесть по мере написания, и мы с сестрой также при этом присутствовали. Очень хорошо помню папу во время работы... Он сидел, низко и как-то боком склонившись над столешницей, и быстро писал, заполняя страницу за страницей буквами, словами, фразами, соединяющимися в ровные строчки» [7.525, с.455–456].

Повесть «Сын полка» была впервые опубликована в начале 1945 года в журнале «Октябрь», имела огромный читательский успех. Главный герой произведения Ваня Солнцев органично объединил типические черты образов детей и детства периода Великой Отечественной войны: ребенка-жертвы (погибший на фронте отец, убитая немцами мать, умершие от голода сестра и бабушка), сражающегося (успешная разведка в немецком тылу, стрельба из пушки «по Германии») и опекаемого ребенка (забота со стороны разведчиков, отправка в суворовское училище), связь исторических поколений и покровительство И. В. Сталина (сон в финале повести). В 1946 г. Валентин Катаев стал лауреатом Сталинской премии II второй степени, в

том же году произведение было экранизировано (режиссер В. М. Пронин), позднее включено в школьную программу. Благодаря художественным достоинствам и информационно-пропагандистской поддержке название книги и имя ее главного героя приобрели символическое значение, персонифицировали образ военного детства.

В условиях победоносного завершения войны происходит генерализация и структурное упрощение (прежде всего – отказ от образа ребенка-жертвы) образа военного детства. Он носил синкретический характер, не имел четкой внутренней структуры, а включал несколько смысловых блоков (см. рис.2.3). В связи с форсированным возвращением доминирования образа И. В. Сталина акцент делался на социальной политике. Началось прославление героического труда детей и подростков и однозначное включение в образ сражающегося ребенка несовершеннолетних военнослужащих.

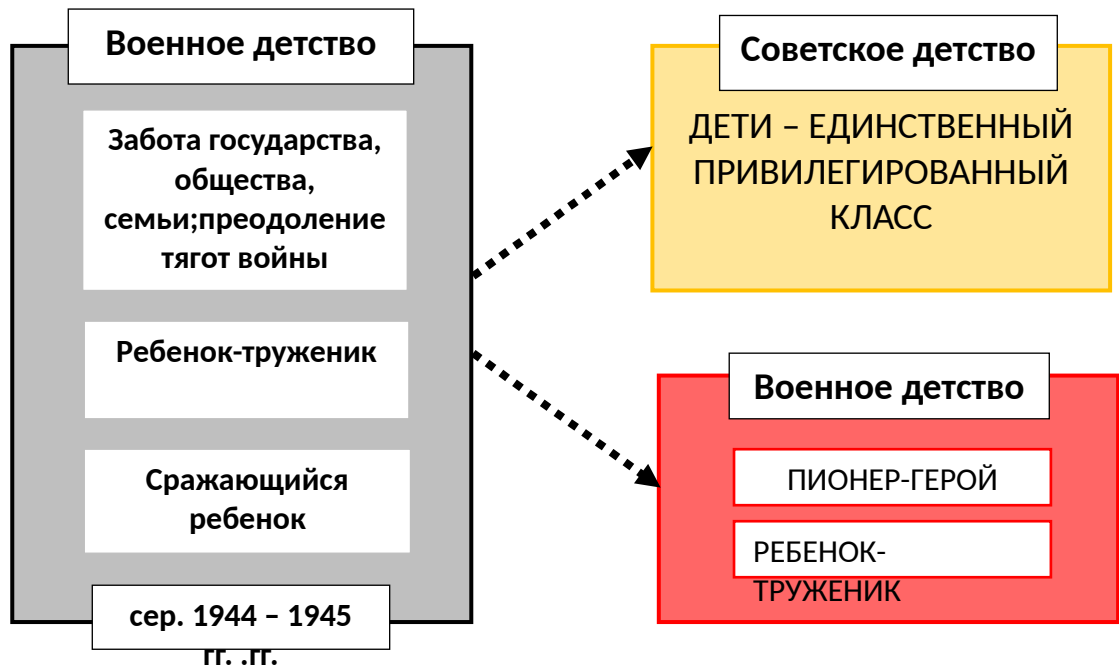

Рис.2.2. Генерализация и упрощение структуры образа детства на завершающем этапе Великой Отечественной войны, сер. 1944–1945 гг.

Образ военного детства, сложившийся на идеологическом уровне советского общественного сознания в середине 1944–1945 гг., содержал потенциал для развития на его основе послевоенных смысловых конструкций. Расширение субъекта заботы о детях и детстве, включение в него государства, общества, семьи и каждого сознательного гражданина заложило фундамент трактовки детства как «единственного привилегированного класса».

Акцент на трудовом и боевом вкладе детей в Победу стал базой ретроспективного образа военного детства с его возвеличиванием пионеров-героев и детей-тружеников – части общего идеологического образа Великой Отечественной войны. В рамках такого ретроспективного идеологического образа военного детства были пересмотрены многие канонические персоналии: беспричинная расправа над Витей Черевичным (Черевичкиным) сменилась версией о казни за помощь партизанам, признанные комсомольцами-героями во время войны В. Коробко, Л. Голиков и другие стали прославляться как пионеры-герои.

Таким образом, формирование образов детей и детства в советской пропаганде в годы Великой Отечественной войны, а также их воздействие на общественное сознание стало результатом сложных поисков, проб и ошибок в деятельности партийно-государственных структур (управления политической агитации ЦК ВКП(б), Совинформбюро, ГлавПУ РККА). Огромный творческий вклад советских писателей и публицистов, прямо участвовавших в пропагандистской работе. Важнейшим фактором успеха было существование обратной связи, учет общественных настроений и контроль результативности пропаганды.

Предвоенный образ счастливого советского выполнял прежде всего идеологическую и мировоззренческую функции, основывался на представлении о ребенке как объекте и воплощении заботы государства, как социализирующемся посредством воспитания гражданине и патриоте.

В трансформации структуры и содержания образа детей и детства в советской пропаганде в период Великой Отечественной войны выделяются три ключевых этапа: июнь – декабрь 1941 г., декабрь 1941 – сер. 1944 гг., сер. 1944 – весна 1945 гг.

Важной задачей, вставшей перед советским агитационно-пропагандистским аппаратом в первые дни войны, стало обеспечение мобилизации населения страны на войну с агрессором, при этом значительная роль отводилась именно сюжетам, посвященных детям и детству. Эту задачу начали решать путем адаптации довоенного образа советского детства, в результате чего начали складываться образы ребенка-жертвы, ребенка-труженика и сражающегося ребенка. Инерционная попытка сохранить единство образа детства при доминировании идеи социальной заботы государства явно не соответствовала новым задачам и ограничивала пропагандистскую эффективность новых образов.

Усложнение функций, усиление ответственности, поиск наиболее эффективных форм влияния на общественное сознание привели к принципиальной трансформации образа детства в период боевых действий на территории СССР, сложились обладающие значительной автономией образы ребенка-жертвы, опекаемого ребенка, ребенка-труженика, ребенка-героя.

В такой концепции доминирующую роль играл образ ребенка-жертвы. Помимо преобладания трансляции данного образа во всех средствах пропаганды необходимо отметить, что все остальные презентации несовершеннолетних в публичном пространстве несли в себе коннотации страданий и лишений. На протяжении 1941 – 1944 г. в освещении образа ребенка-жертвы главенствующими тенденциями стали: углубление персонализации – от безличных характеристик к указанию подробных сведений о пострадавшем от врага ребенке; стремление придать образу максимальную степень трагизма. Для образа ребенка-подопечного в 1941 – сер. 1944 гг. характерной стала трансформация от объекта государственной опеки к объекту общенародной заботы.

Презентация образа ребенка-труженика в советской военной пропаганде связана с акцентированным описанием коллективного и добровольного характера труда. В то же время необходимо подчеркнуть, что освещение работы несовершеннолетних в промышленности частично стало своеобразной «зоной умолчания» для главного транслятора образа – прессы, в то же время информационно-пропагандистское освещение данного аспекта военного детства в СССР в 1941–1945 гг. нашло свое широкое отражение в художественной литературе и публикуемых фотоматериалах.

В формировании образа ребенка-героя сложились идентичные тенденции, информационно-пропагандистские ресурсы широко освещали сюжеты индивидуального и добровольного сопротивления несовершеннолетних в оккупированных районах. Однако, по политическим и контрпропагандистским соображениям освещение участия детей и подростков в боевых действиях регулярных воинских подразделений СССР не получило широкого распространения.

Прекращение боевых действий на территории СССР, комплекс внешне- и внутривнутриполитических и психологических причин обусловили изъятие из информационного пространства Советского Союза образа ребенка-жертвы и исключение коннотаций страдания детей. На завершающем этапе войны ведущей тенденцией стала генерализация образа военного детства. В контексте с новой силой происходившего возвеличивания И. В. Сталина ведущую роль в советских информационных ресурсах стали играть сюжеты, связанные с социальной политикой.

На протяжении третьего этапа развития советской пропаганды в годы Великой Отечественной войны образы детей и детства прошли сложную трансформацию, завершившуюся в начале 1945 г. созданием синкретического образа, воплощенного в ярком художественном произведении В. П. Катаева «Сын полка», благодаря чему и название повести, и имя главного героя приобрели эмблематичное значение по отношению к образу в целом.

ГЛАВА 3

ОБРАЗ ВОЕННОГО ДЕТСТВА В СОЗНАНИИ ДЕТЕЙ ДОНБАССА (1941–1945 гг.)

Синхронный образ военного детства 1941–1945 гг. на обыденном уровне советского общественного сознания, представляя собой сложное и многомерное явление, дает эмоционально достоверные и незабываемые картины, которые являются неотъемлемой частью народного образа Великой Отечественной войны. Он включает в себя коллективный опыт поколения, которое только вступало в жизнь – и уже, наравне с взрослыми, стало участником драматических событий.

В современной историографии произошло знаменательное смещение интереса от государствоцентризма и макроистории к истории народа, истории человека, микроистории. Микроистория с ее интересом к историческим объектам небольшого масштаба ставит как методологическую проблему генерализацию собранных сведений, так и методики наблюдений, способа включения изучаемого объекта в более широкий социальный контекст. Не существует непреодолимых противоречий между «малой» и «большой» историями. Внимание к внутреннему миру «маленького человека», течению повседневности, бытовым деталям – как и к истории локального общества – открывает возможность выхода на масштабные исторические взаимосвязи и закономерности. Ж. Ревель указывает, что в микроистории нет разрыва между локальной и глобальной историей и тем более их противопоставления: «Обращение к опыту индивидуума, группы, территории как раз и позволяет уловить конкретный облик глобальной истории» [7.474, с.117–118]. Исследователь также отмечает, что микроисторический анализ позволяет наилучшим образом исследовать «сильный первоначальный опыт» как небольшой группы людей, так и конкретного человека с учетом всей сложности этого мира, его включенности в большое количество разнообразных контекстов [\[7.477,](#)

[с.121\]](#). Образ войны, который формировался в сознании ее участников, составляет и предпосылку, и результат работы исследователей, он обогащает наши представления о жизни народа, его тяготах и лишениях, показывает величие народного подвига.

Изучение проблемы синхронного образа детства в сознании детей военного поколения предполагает обращение к региональной специфике. С точки зрения изучаемой проблемы особый интерес представляют активная источниковедческая работа и комплексное исследование детства в Волгограде [7.481; 7.482], Ростове-на-Дону [7.324], Краснодаре, Ставрополе [7.415–7.419; 7.476; 7.505; 7.522], Воронеже [7.328] и др. В Донбассе осуществлялись публикации источников личного происхождения [4.171; 5.284; 7.461] и интервью детей войны [5.253; 5.262; 5.266], комплексных же исследований синхронного образа военных реалий в детском сознании не проводилось. Цель главы – проанализировать факторы формирования и особенности образа военных реалий в сознании детей Донбасса, выделив особенности подросткового возраста.

3.1. Факторы формирования обыденного образа военного детства в сознании населения Сталинской и Ворошиловградской областей в 1941–1945 гг.

Реконструкция синхронного образа военного детства с необходимостью предполагает воссоздание на конкретно-историческом материале ключевых особенностей жизненной среды военной поры в разные ее периоды. Среда, в которой находится и развивается ребенок, является не просто фоном или обстановкой, а играет роль источника важнейших впечатлений, которые формируют ключевые элементы мировоззрения. Основными факторами, определяющими как положение ребенка и подростка в обществе, представления взрослых о феномене детства, так и непосредственно восприятие мира несовершеннолетними, всегда выступает

уникальная совокупность социально-экономических, культурных, традиционных особенностей региона, своеобразие его исторического развития и непосредственного семейного окружения.

Фундаментальное значение в формировании образа Великой Отечественной войны у детей и подростков Донбасса имели особенности развития региона в предвоенные годы. Становление нового строя в СССР в период 1920-х–1930-х гг. кардинальным образом изменило традиционные представления о феномене детства в общественном сознании, а также место самого ребенка в жизни страны. В силу того, что процесс модернизации наибольших успехов достиг в таких индустриально развитых и урбанизированных регионах СССР, как Донбасс, эти изменения статуса детства в регионе носили наиболее выразительный характер.

Население Донбасса по данным Центрального статистического Управления Госплана СССР на 1 января 1939 г. составило около 3,1 млн. чел. в Сталинской области и 1,84 млн. чел. в Ворошиловградской области. Регион был одним из наиболее урбанизированных в СССР, городское население Сталинской области составляло 2,4 млн. чел. (около 78%), Ворошиловградской – 1,2 млн. чел. (около 56 %) [2.55, с.25].

Особенности урбанизации Донбасса в предвоенное время, вызванные экстенсивным ростом промышленности, отразились на формировании относительно самобытного культурного пространства региона, впитавшего в себя черты сельских традиций и городского ритма жизни с характерным для него советско-пролетарским смысловым наполнением. Старые города в процессе роста поглощали пригородные села и рабочие поселки, новые же возникали путем слияния рабочих поселков. Данные переписи 1937 г. продемонстрировали кратное увеличения численности населения крупнейших городов Донбасса по сравнению с переписью 1926 г. Так, в Сталино в 1937 г. проживало 245,3 тыс. человек (105,7 тыс. в 1926 г.), в Мариуполе – 192,1 тыс. (63,3 тыс. в 1926 г.), население Ворошиловграда возросло в указанный период на 100 тыс. человек и достигло 170,5 тыс.,

более чем втрое увеличилось число проживающих в Макеевке (160,2 тыс. человек). Взрывной характер имел рост численности населения Краматорска (с 12,3 до 93,6 тыс. чел.), Константиновки (с 27,4 до 91,4 тыс. чел.), Горловки (с 19,7 до 85,8 тыс. чел.) [2.55, с.66]. Жители городов в первом или втором поколении сохраняли тесные связи с малой родиной, в то же время значительное количество сельских жителей также было вовлечено в систему работы в промышленности. Упорядоченный рабочий график вносил революционные изменения в традиционный уклад жизни крестьянина – на смену сельскому сезонному циклу постепенно приходил более напряженный городской ритм. Подобные особенности социально-культурного развития региона позволяет оценивать культуру Донбасса как сельско-городскую [8.556].

Важной особенностью Донбасса 1930-х гг. являлся полиэтнический состав населения. Согласно переписи 1939 г. 63,3% (1,166 млн. чел.) населения Ворошиловградской области составляли украинцы, из которых около 700 тыс. проживали в городах, 474 тыс. – в сельской местности. Что касается русской части населения области, составлявшей 32,5% (598 тыс. чел.), то большая его часть являлась горожанами (461 тыс. чел.), в сельской местности проживало 136 тыс. русских. Остальные национальные группы населения области, представленные греками, евреями, немцами, белорусами, татарами, поляками и другими составляли менее 5% от общего количества населения и, за исключением немцев, в своем большинстве проживали в городах [2.55, с.68].

Население Сталинской области, по данным упомянутой переписи, на 59,3% представлено украинцами (1,83 млн. чел.), из которых 1,34 млн. человек проживало в городах, а почти 0,5 миллиона – в сельской местности. Вторую по численности этническую группу (31,1%) проживавшего в области населения составили русские – 970 тыс. человек, в своем абсолютном большинстве являвшихся горожанами (90%). Представители иных национальностей, в отличие от Ворошиловградской области, составляли

более значительную часть населения: греки – 3,1 %, евреи – 2,1%, немцы – 1,5%, белорусы – 1% [2.55, с.70]. На основе проведенного анализа языковых предпочтений и празднично-обрядовой сферы жизни населения О. Б. Пенькова обращает внимание на важную особенность Донбасса, для которого характерно преобладание русского языка и, в то же время – украинской традиционности [8.556].

В рамках борьбы со снижением рождаемости в довоенном СССР широкое распространение получает развитие сети дошкольных учреждений. В 1940 г. в Сталинской области работало 831 дошкольное учреждение, в которых находилась 41 тыс. детей. А. М. Антонов отмечает, что одной из ключевых причин снижения рождаемости стало исчезновение потребности в многодетности из-за кардинальных изменений характера занятости взрослых [7.499, с.19; 7.500].

Помимо социально-экономических процессов ключевым фактором трансформации общества в СССР стало развитие массового образования, сформировавшего на момент начала Великой Отечественной войны целое поколение людей, которое отличалось от предшественников советским мироощущением и миропониманием. Важную роль сыграла система воспитательной работы в учебных заведениях, вовлеченность ребенка в сложную многоступенчатую структуру политических организаций: октябрята, пионерское движение, комсомол. По данным переписи 1939 г. грамотными являлись 85,2% населения (старше 9 лет) Ворошиловградской области, 88,1% – Сталинской области. Данный показатель был выше среднего по СССР – 81,2%, но ниже, чем в УССР – 90,4% [2.57, с.201; 2.69, с.154, 171].

Наглядно представить себе бытовой уклад жизни в предвоенное время, изменения в социальной среде, существовавшие трудности и проблемы позволяет обращение к такому визуальному источнику, как семейные фотографии [7.450]. Сьюзен Сонтаг заостряла внимание на целом спектре интерпретаций фотографии. Фотография – отражение социальной

действительности, результат встречи фотографа с событием, но и съемка сама по себе событие. Фотография является важнейшим инструментом памяти. Только с появлением фотографии люди получили возможность точно знать, как они выглядели в детстве [7.502, с.59, 65]. Информативный потенциал фотографий возрастает в случае их систематизации в семейном альбоме [7.352; 7.421; 7.422]. Фотографии из альбома Нинель Анатольевны Сергеевой, хранящиеся в домашнем архиве семьи Носковых-Сергеевых, отражают неповторимые реалии конца 30-х – первой половины 40-х годов XX века, у нас на глазах разворачивается семейная и личная история в контексте глобальных исторических событий.

Нинель Анатольевна Сергеева родилась 13 апреля 1936 года в г. Сталино в семье Сергеевых – Нины Ивановны и Анатолия Ивановича, младшая сестра Ольга родилась в 1939 году. Н. И. Сергеева (в девичестве Калишевич) происходила из семьи почтового служащего, эвакуированной в начале Первой мировой войны в Артемовск (тогда Бахмут) с территории современной Белоруссии; в институт поступить не смогла из-за социальных ограничений, закончила техникум. Анатолий Иванович родом из русской крестьянской семьи из Ярославской губернии, получил незаконченное среднее образование. Полное имя дочери «Нинель» (в обратном написании «Ленин») в семье использовалось редко, все обычно называли девочку просто Неля. Отец всю войну был на фронте, а семья немецкую оккупацию пережила в Артемовске, в Сталино вернулись только в 1957 г. В альбоме расположены в хронологической последовательности семейные фотографии 1937–1998 гг. Ранние снимки выполнены профессиональными фотографами, первое любительское фото датировано 1961 г.

Следует учитывать, что в 1930-е годы искусство фотографии в СССР еще воспринималось как диковинка. Соответствующее оборудование и реактивы не были массово доступными [7.478]. Фотографии семьи Сергеевых свидетельствуют, что ни у них, ни у кого из знакомых фотоаппарата не было. Одновременно фотографирование в городских ателье

стало доступным для массового потребителя как по цене услуг, так и благодаря распространенности сети фотостудий. Эту услугу могла себе позволить семья мелких советских служащих – Анатолий Иванович и Нина Ивановна Сергеевы работали в областном управлении народнохозяйственного учета.

Поход в фотоателье, как правило, был приурочен к памятным семейным датам, и к фотографированию тщательно готовились. Начинают альбом два фото, сделанные 2 мая 1937 г. Эти фотографии важны потому, что открывают детскую галерею в семейном альбоме и закладывают основу визуализации личной биографической истории и истории семьи. На одной из них сфотографирована маленькая Неля в полный рост, на другой – вся семья (приложение И, рис.И.1, И.2). Дата съемки свидетельствует, что событие было посвящено дню рождения дочери. Фотографировались в специализированном детском фотоателье, которое находилось на ул. Артема, в центре города, о чем можно узнать по штампу на обороте снимков. Фотография несет отпечаток многих стереотипов – представлений своего времени о модном, правильном и т.д. Фотография фиксирует человеческую фактуру эпохи – выражение лиц, осанку, поворот головы. На снимках, о которых идет речь, поражает необычайная серьезность лиц, даже маленьких детей. Расположение персонажей в кадре было прерогативой фотографа. В центре снимка размещен ребенок, ради которого и устраивались все фотографические хлопоты – ухоженная, хорошо одетая девочка.

П. В. Романов и Е. Р. Ярская-Смирнова подчеркивают, что фотографии как культурный текст содержат внутренний нарратив о социальной структуре, отношениях и ценностях своей эпохи [7.480]. В наибольшей степени это относится к групповым снимкам. Интересным историческим источником является фотография пациентов 5-го отделения детского санатория в городе Славянске (1940 г.) (приложение И, рис.И.3). Для детей, даже сегодня, фотографирование является незаурядным и радостным событием. В довоенные годы необычность этого события проявлялась и

переживалась гораздо острее. Вероятно, фотография сделана в конце смены, когда дети вполне освоились на месте и сблизились с взрослыми. Учитывая возраст детей, можно предположить, что они в своем большинстве впервые находятся в санаторном учреждении.

Перед фотообъективом очень ярко проявляются характеры детей – большинство пытается выглядеть серьезно и воспринимает процесс фотографирования как нечто ответственное. Значительная часть детей чувствует себя свободно, но некоторые растеряны, что указывает на первый опыт группового фотографирования. Группа в центре среднего ряда – явно лидеры-хулиганы. Привлекает внимание ситуация в правом верхнем углу снимка – одна из сотрудниц подбадривает и, видимо, успокаивает ребенка. Еще одно проявление заботы: Нелю Сергееву, младшую в группе, другая работница держит на руках.

Спокойное, незмоциональное поведение персонала санатория говорит о том, что для них фотографирование стало привычной обыденностью. Можно предположить, что фотографирование воспринимается как своеобразный «отчетный ритуал», который имел целью показать родителям, что «все в порядке», «дети накормлены», «здоровы», «мы заботимся о них». Фотография демонстрирует характерную для 1930-х гг. одежду детей, в которой отчетливо видна бедность подавляющей части народа. Большинство детей одеты в перешитые взрослые шинели и пальто, либо «на вырост», либо уже маловатые, зачастую недостаточно теплые для зимнего сезона.

Фотография санаторной группы Нели Сергеевой связана с очень важной страницей истории советского здравоохранения. В 1928 г. в СССР был организован антиревматический комитет, который вошел в Международную лигу борьбы с ревматизмом. Уровень заболеваемости ревматизмом в Украинской ССР был выше общесоюзных показателей. В республике была создана противовоспалительная комиссия, разработана и воплощена в жизнь система лечебно-профилактической помощи больным детям, которая состояла из трех основных этапов: госпитализация с острой

атакой, диспансерное амбулаторное наблюдение, реабилитация в условиях курорта. В 1939 г. в Сталино было открыто детское ревматологическое отделение, а в Славянске – детский противоревматический санаторий [7.497, с.131]. В личностном смысле фотография зафиксировала важный биографический факт, ведь сама Нинель Анатольевна практически ничего не помнила о своем пребывании в санатории, что можно легко объяснить возрастом (3 года): «Жили в Донецке, знаю, что какое-то время жили в подвале, поэтому заболела ревматизмом, и на почве ревматизма была ангина и порок сердца, рассказывали, что меня возили в детский санаторий в Славянске» [5.283].

В плане отражения характерных черт советской культуры кануна Великой Отечественной войны наиболее интересна фотография, сделанная в мае 1941 г. в детском саду города Сталино (приложение И, рис.И.4). Фотография фиксирует группу воспитанников детского сада 4–6 лет вместе с воспитательницей. Композиция и освещение свидетельствуют, что снимок сделан профессионалом. Общим фоном служит макет Спасской башни московского Кремля – символического центра Родины. Одежда детей (солдатские гимнастерки, буденовки на мальчиках, белые платок и повязка с красным крестом на маленькой Нинель Анатольевне), многочисленное игрушечное оружие наполняет композицию предчувствием войны. Похожие фото можно встретить в прессе того времени. Например, в газете «Социалистический Донбасс» 27 марта 1939 года был опубликован снимок с подписью: «В детском саду Госбанка (Сталино). Светлана Петренко – участница детской военной игры».

Фото ярко отражает военно-патриотическую направленность советского воспитания, которое было насыщено символами героики, готовности к обороне и войне. Дети уже в дошкольном возрасте хорошо усваивали воспитательный посыл о том, что они должны расти защитниками Родины, быть готовыми к подвигам, расти достойной сменой своим родителям и дедам. Дата фотографирования дает основания предположить,

что снимок был приурочен к 1 Мая, празднование которого в предвоенные годы было милитаризовано. Помимо игрушечного оружия в кадре присутствуют модели трамваев и корабля, которые символизируют преуспевающее и развивающееся государство. Следует сказать, что в 1930-х гг. детским игрушкам в Советском Союзе уделяется особое внимание со стороны власти. По уровню производства детских игрушек СССР в 1938 г. опередил Великобританию и занял третью позицию в общемировом рейтинге. Был создан Всесоюзный научно-исследовательский институт игрушки, выпускался профильный журнал «Игрушка». В одном из его номеров прямо указывалось, что детская игрушка – это «мощное оружие коммунистического воспитания наших детей, чувствительный идеологический инструмент, воздействующий на детей», производство ее должно находиться «под неослабным политико-идеологическим и педагогическим контролем» [7.373, с.175–176].

Быстрый индустриальный рост Донбасса, урбанизация и расширение влияния городского уклада, рост населения, изменение социальной структуры, выявленные на фотоматериалах (благодаря свойственной рассматриваемой эпохе ритуализации фотографирования) внимание семьи и государства к ребенку, сочетание бытовой скромности, даже бедности с крупными государственными социальными программами, раннее включение советских детей в систему идеолого-пропагандистского воздействия закладывали формат восприятия и интерпретации противостояния с нацистской Германией

В событиях Великой Отечественной войны, непосредственно разворачивавшихся в Донбассе, можно выделить ряд особенностей, которые прямо определяли основные элементы и структуру образа военного детства на обыденном уровне общественного сознания в целом и в сознании самих детей.

Первым значительным событием, изменившим привычную повседневность несовершеннолетних после 22 июня 1941 г., стала

мобилизация в вооруженные силы родных, близких и соседей. Уже в первые недели войны в Красную Армию влилось 236,5 тыс. жителей Сталинской области [2,57, с.7], более 200 тыс. – в ополчение [1.29]. В Сталинской и Ворошиловградской областях в кратчайшие сроки были сформированы 383-я, 393-я и 395-я стрелковые дивизии, за которым закрепилось название «шахтерские». Из 27 опрошенных автором очевидцев Великой Отечественной войны, встретивших ее в несовершеннолетнем возрасте в Донбассе, 22 указали, что члены их семей – отцы и старшие братья – в первые дни войны оказались в рядах вооруженных сил [5.284]. В 1941–1942 гг. в строительстве оборонительных сооружений участвовали тысячи жителей региона, в том числе массово – ученики старших классов, студенты [1.30; 1.31].

Отличительной особенностью начального этапа войны в Донбассе стала масштабная эвакуация промышленных предприятий и учреждений, осуществленная в кратчайшие сроки. В восточные регионы СССР было вывезено оборудование Сталинского металлургического завода, «Азовстали», Новокраматорского машиностроительного, Константиновского химического заводов и многих других. Всего было эвакуировано 34 завода из Сталинской области и 150 предприятий из Ворошиловградской [7.349; с.680]. Вместе с заводами и учреждениями в порядке централизованной эвакуации уезжали сотрудники и члены их семей. Частично эвакуировались учебные заведения, детские дома. Из самого Сталино на восток отправилось более 80 тысяч человек [7.507, с.32]. В отчете об эвакуации населения Ворошиловградской области вглубь СССР за октябрь 1941 г. указывалось, что из отправленных в Узбекскую ССР 1800 человек (450 семей) свыше 1000 составили дети [2.67, с.112–113].

Нередко эвакуация носила хаотичный характер. Например, опрошенные автором очевидцы указывают, что семьи преподавательского состава Донецкого индустриального института не были включены в списки подлежащих эвакуации лиц [5.264; 5.282]. Игорь Дмитриевич Дриль

рассказал, что несколько преподавателей, с началом войны – офицеров инженерных войск РККА, во время краткого отпуска в Сталино, обнаружили, что их семьи не внесены в списки для эвакуации. Они смогли добиться выделения для них вагона и отправки на Северный Кавказ, в г. Алагир [5.264]. Более организованно прошел второй этап эвакуации в г. Прокопьевск (Кузбасс). После победы под Москвой стала возможна демобилизация части преподавательского состава и возобновление работы института в эвакуации в 1942 г. Учебный год начался 16 февраля 1942 г., на 1 курс было набрано 238 чел., на 3 и 4 курсы вернулась часть студентов, к 15 марта 1942 г. контингент составлял 336 студентов [2.57, с.121].

Для Донбасса характерна длительность и ожесточенность как оборонительных, так и наступательных боев. А. К. Медет и В. А. Аденьюк подсчитали, что боевые действия на территории Сталинской области продолжались в общей сложности 502 суток [7.443, с.59], а с учетом Ворошиловградской области эта цифра приближается к 550. В конце октября 1941 г. войска Южного и Юго-Западного фронтов РККА были вынуждены оставить юго-западную часть региона и занять оборонительные рубежи на реках Северский Донец и Миус. Многие города Донбасса, в частности в августе 1941 г. – Сталино, подвергались ударам немецкой авиации.

В результате неудачного для Красной Армии наступления в районе Барвенковского выступа, а также совпавшего по времени с ним начала немецкого наступления на Кавказ и Сталинград, в июле 1942 г. территория Донбасса оказалась полностью оккупированной. Е. М. Мелетинский, тогда военный переводчик, выходявший из окружения через Станицу Луганскую, писал о настроениях населения: «Отступление продолжалось. Ужасные картины разворачивались, когда мы проходили через населенные пункты. Многие жители увязывались за нами, умоляя взять с собой (как?!), плакали и даже проклинали. Мы обгоняли обозы беженцев, которые были обречены остаться у немцев. Население донбасских поселков в основном

сочувствовало не только России, но и советской власти (в отличие от казачьих станиц)» [4.169, с.462].

Установившийся оккупационный режим отличала крайняя жестокость. Территория Донбасса в силу близости к фронту была включена в подчинение военной администрации. Исследования историков доказывают, что такая система управления была для населения более тяжелой, чем все иные на территории УССР [7.508, с.141]. Управление осуществлялось полевыми и местными комендатурами, находившимися в подчинении командиров дивизий, корпусов, командующих тыловыми подразделениями группы армий «Юг», а после ее разделения в 1942 г. – групп армий «А» и «Б» [7.397, с.219–220]. Границы зон ответственности комендатур менялись, а комендатуры переводились по мере изменения места дислокации частей и соединений. Для регулирования общественной жизни, претворения в жизнь приказов и предписаний оккупационных властей создавались органы местного самоуправления – городские и районные, сельские управы. Кроме этого на территории Донбасса действовали: СД, гестапо, айнзацгруппы, подразделения тайной полевой полиции (ГФП), особые отделы абвера, охранный полиция, полевая жандармерия, охранные дивизии [7.397, с.149–154].

Ключевым фактором, определяющим условия жизни советских граждан оккупированного Донбасса, становятся личностные качества и персональная позиция немецких офицеров, ответственных за подконтрольные им территории. По распоряжению немецкой комендатуры г. Новый Донбасс Снежнянского района каждому жителю, начиная с 10-летнего возраста было предписано под угрозой расстрела носить повязку с установленным регистрационным номером [7.507, с.111]. В то же время в ряде сел Константиновского района, по воспоминаниям очевидцев, немецкие солдаты вообще появлялись редко, и местные жители были предоставлены сами себе. К. Т. Чередниченко и ее младшая сестра В. Т. Варакута указывают

на то, что немецкие военнослужащие в их родном поселке Красный Кирпич появились лишь один раз – осенью 1941 г. [5.303; 5.251].

Высокая концентрация войск оккупантов стала важным элементом повседневной жизни населения Донбасса, в частности детей и подростков. Особенностью оккупации Донбасса стало присутствие военнослужащих стран-сателлитов Германии: 3-й и 4-й полевых армий Королевства Румынии, 8-й итальянской армии, 2-й венгерской армии, а также сформированного из хорватов 369-го пехотного полка 100-й легкой пехотной дивизии вермахта [7.397, с.63–64].

И. С. Тарнавский и П. В. Добров в монографии, посвященной истории оккупации Донбасса, показали, что в рамках т.н. «нового порядка» региону отводилась роль источника ресурсов для Германии и вермахта. Немецким руководством планировалось освобождение территории Донбасса от большей части местного населения при одновременном его заселении немецкими колонистами. Согласно приказу А. Розенберга все население старше 12 лет после окончания 4-летней школы должно работать на Германию. В оккупированном Донбассе была введена обязательная регистрация. Над мирным населением, в том числе и подростками, нависала угроза привлечения на тяжелые ремонтные и фортификационные работы, угона в Германию [7.507, с.94]. Рассказ об угрозе угона и способах избежать учета на бирже – один из главных сюжетов самостоятельных письменных работах по русскому языку на тему «Что я пережил в дни оккупации», написанных ученицами средней школы №3 г. Ворошиловграда в ноябре 1943 г. (прятались, убегали из города, симулировали болезни) [1.33].

Жизнь детей на оккупированной территории подвергалась каждодневной прямой опасности. Самым страшным проявлением оккупационного режима стали массовые казни и убийства. На территории Донбасса преследованием еврейского населения занимались подразделения айнзатцгруппы D (зондеркоманда 10а) и айнзатцгруппы С (зондеркоманда 4b и айнзатцкоманда 6) [7.507, с.124].

Первым зафиксированным случаем массовых убийств евреев в Донбассе стала гибель 8 тыс. человек в Мариуполе 20–21 октября 1941 года [1.22, л.52; 1.26, л.177; 7.392]. Среди документов, собранных И. Г. Эренбургом и В. С. Гроссманом, был ряд материалов о преступлениях нацистов в Донбассе – дневник случайно уцелевшей во время расстрелов в Мариуполе студентки Сарры Глейх: «Нас гнали к траншеям, которые были вырыты для обороны города <...> Владя спрашивал: «Мы будем купаться? Зачем мы разделись? Идем, мама, домой, здесь нехорошо» <...> Когда я пришла в себя, были уже сумерки <...> Было много заживо погребенных. Кричали маленькие дети, которых матери несли на руках, а стреляли нам в спину, и малыши падали невредимые, а на них валились трупы...» [4.191, с.430]. Отдельные выдержки из дневника И. Г. Эренбург процитировал в статье «Июнь...», написанной в 1944 г. к годовщине начала войны и напечатанной во многих газетах [3.140]. В Артемовске 3 тыс. человек были замурованы в туннеле карьера алебастрового завода (сейчас – завод шампанских вин) [2.78, с.12]. И. С. Тарнавский приводит данные об общей численности потерь на территории Сталинской области – более 15 тыс. [7.508, с.380].

В ходе массовых казней расстреливались целые семьи советских граждан вместе с детьми. В акте комиссии по расследованию массового расстрела советских граждан в г. Ворошиловграде от 13 апреля 1943 г. указывалось, что за время оккупации было убито более 8 тыс. жителей областного центра, большинство – в районе Острой Могилы: «При осмотре трупов медицинскими экспертами были обнаружены ранения различных частей тела, лица, головы, глаз, разбитые черепа. Некоторые трупы имели несколько ранений. Трупы детей носили следы переломов рук, ног, выколотых глаз и прочих повреждений, указывающих на акты предварительного издевательства» [2.68, с.135]. В Краматорске в глиняно-меловом карьере в трех ямах было обнаружено 812 трупов, из них – 22 трупа детей, убитых выстрелами в упор [1.20, л.14]. В Сталино жителей дома

профессуры согнали в сарай, завалили вход в него, облили горючим веществом и подожгли. Случайно удалось спастись лишь двум девочкам [2.78, с.13].

Местом массовых казней в Донбассе стали шурфы шахт. Как сказала ученица 5 класса средней школы №30 г. Сталино 14-летняя Раиса Биланова в 1947 г. приехавшим из Киева этнографам, «шахты забрасывали людьми» [1.46, л.83]. Десятки тысяч человек (точное количество установить не удалось) погибло в [шурфе](#) шахты № 4-4 бис г. Сталино (сейчас – Калининский р-н г. Донецка), их памяти которых посвящен мемориал [7.507, с.131]. В Акте обследования шурфа шахты «Узловая» и обнаружения следов преступлений оккупантов в Горловском районе от 15 октября 1943 г. указывалось: «Установлено по размеру ствола шахты ее заполнения трупами на 118 м глуб[ины] сечения. По свидетельству жителей установлено, что люди привозились автомашинами из районов: Артемовск, Горловка, Енакиево, Железная, Дзержинка и др. р-ов, которые привозились живыми, расстреливались и были случаи бросались живыми в ствол. Таким образом, в стволе шахты количество трупов около 14 000 человек, среди них женщины и дети» [1.17, л.19].

Не все преступления удалось расследовать. Так, в ходе изучения «Дела по авиабазе американских ВВС, производивших челночные операции и базировавшихся на аэродромах СССР Полтава–Миргород–Пирятин» в Отраслевом государственном архиве Службы безопасности Украины автором были обнаружены материалы агентурной разработки шофера П. Г. Селезнева, которого заподозрили в сотрудничестве с оккупационными властями города Сталино. В частности, 15 июля 1944 г. в спецдонесении был зафиксирован его рассказ: «Я знаю, как однажды машина была полностью нагружена детьми и отвезена на Смолянку, где они живьем были сброшены в шахту» [1.36, л.239]. Следственные действия были прерваны по неизвестным причинам.

Один из наиболее страшных эпизодов оккупации региона связан с детским домом хутора Крипаки Ворошиловградской области. 14 июля 1942 г. немецкие солдаты выселили из помещений учреждения в подвал и на улицу 80 детей-инвалидов, из которых 18 были прикованными к постели, забрали все запасы еды и урожай приусадебного хозяйства. 50 детей умерли от голода, а четверо были расстреляны [2.67, с.129–130]. По указанию коменданта города Макеевки в детском приюте «Призрение» умертвили по одним данным 300, по другим – 500 детей, которых использовали в качестве принудительных доноров [7.388, с.132; 7.536]. В 2005 году по инициативе руководителя Макеевской городской организации Украинского союза узников-жертв нацизма Л. С. Симоновой на предполагаемом месте захоронения детей был открыт памятник, на котором увековечены 120 имен, которые удалось установить [7.524].

Население испытывало страшные лишения, прежде всего – нехватку продовольствия, особенно в городах. Распространена была практика натурального обмена: горожане выменивали личные вещи на продукты питания [5.295; 5.298]. Люди шли по селам, пытаясь выменять вещи. Такую картину воссоздал со слов очевидцев Б. Горбатов в повести «Непокоренные»: «Тачки, тачки, тачки – насколько хватало глаз, одни тачки да спины, согбенные над ними. Спины и тачки – больше ничего не было, словно то была дорога каторжников. Скрипя и дребезжа, катились тачки по камням и тащили за собой людей, измученных, потных, черных от пыли. Казалось, это не люди идут, а сами тачки с прикованными к ним человеческими руками» [5.205, с.91].

К периоду оккупации в альбоме Н. А. Сергеевой относится детский групповой снимок (приложение И, рис.И.5). Фотография на обороте подписывалась трижды, в разное время и разными людьми (приложение И, рис.И.6). Наиболее подробная подпись сделана после войны: «Июнь 1943 г. Артемовск, 8-й участок совхоза, дет. ясли». Можно предположить, что фотографирование было пропагандистской акцией оккупационной

администрации в условиях фронтовых поражений вермахта. Карандашом написана фамилия «Сергеева» – кто-то из воспитателей распределял фотографии, сестрам достался один снимок на двоих. И, наконец, мать Нели Анатольевны – Нина Ивановна уже шариковой ручкой, для потомков, написала имена дочерей с обратной стороны их изображений [1.52].

Фотография сделана в жаркий солнечный день. Почти все дети сфотографированы в белье, что дает возможность для определенных наблюдений и выводов о состоянии их здоровья. Консультативную помощь автору предоставил заведующий отделением интенсивной терапии для детей клинической больницы №1 г. Донецка доцент А. В. Киреев. Он обратил внимание на напряженность детей. Если обычно на фото детские лица выразительны, отражают многообразие чувств, реакций, характеров, то здесь, наоборот, мы видим эмоциональную глухоту. В целом же здоровым на снимке не выглядит ни один ребенок, все они очень коротко подстрижены или обриты, что указывает на распространение педикулеза. В телосложении большинства детей четко прослеживаются последствия перенесенного рахита, вызванного неполноценным питанием (приложение И, рис.И.5). Информацию о тяжелых последствиях голода для детского организма содержат и материалы интервью. Как правило, это короткие, эмоциональные высказывания об отеках, вызванных недоеданием: «от голода опухли ноги», «пухли от голодухи», «сестра пухлая, и у меня ноги» [2.74; 2.92; 2.99].

Несмотря на смертельный риск, захватчикам оказывалось сопротивление. В период оккупации в Донбассе в силу географических условий (слабая лесистость) партизанское движение действовало лишь в отдельных районах, а вот подпольные организации, в которых значительная роль принадлежала молодежи, активно боролись во многих городах и поселках. Подлинным символом сопротивления стала созданная комсомольцами г. Краснодона «Молодая гвардия».

Освобождение Донбасса, занявшее в целом 8 месяцев, связано с проведением Красной Армией двух наступательных операций –

Ворошиловградской (операция «Скачок») и Донбасской. Освобождение Ворошиловграда 14 февраля 1943 г. стало результатом успешного контрнаступления войск Юго-Западного фронта после провала наступления вермахта, направленного на деблокирование окруженной под Сталинградом группировки [7.397, с.169–170]. Несмотря на успешное начало операции, попытки Красной Армии с ходу освободить Западный Донбасс не увенчались успехом, что привело к 8-месячной стабилизации фронта по р. Миус [7.397, с.172]. Изменение ситуации на фронте вследствие поражения немецких войск на Курской дуге создали предпосылки для успешного наступления войск Южного и Юго-Западного фронтов в августе – сентябре 1943 г. 5 сентября были освобождены Артемовск и Горловка, 8 сентября – Сталино, 10 сентября – Мариуполь.

После освобождения мужчины призывного возраста, включая 17–18-летних юношей, были мобилизованы в РККА и пополнили ряды частей и соединений Юго-Западного и Южного фронтов, понесших тяжелые потери в августе–сентябре 1943 г. [7.397, с.306–309]. Для встретивших войну в несовершеннолетнем возрасте воинская служба в ретроспективном образе войны затмила воспоминания о детстве и жизни в условиях оккупации. Яркий пример – автобиографический нарратив В. Г. Козореза (1926 г. рождения), в котором принципиально выделяется краткий, беллетризованный рассказ о времени оккупации – и детальное описание фронтовой жизни и боевых эпизодов [5.271]. Свидетельства жителя г. Донецка В. Г. Козореза заслуживают особого доверия с учетом его яркой боевой биографии: был десантником на борту танка, в ходе боев на территории Германии, охраняя танк, «огнем своего автомата уничтожил 12 вражеских солдат», за что был награжден медалью «За отвагу». Кавалером ордена Славы III степени он стал после того, как в одной из атак провел танки через минное поле, затем сумел в разведке добыть особо ценные сведения [9.563]. А. Т. Твардовский писал о солдате с подобной судьбой, что это был мальчишка, «успевший за войну побывать под немцами, подрасти до

призывного возраста, призваться, обучиться и уже наслужиться...» [5.237, с.104].

Б. Л. Горбатов осенью 1943 г. в очерке «Год спустя» писал: «Кладбище городов и заводов. Лагерь уничтожения человеческого труда» [5.206, с.179]. Мерам по восстановлению угольной промышленности Донбасса были посвящены специальные постановления Государственного комитета обороны от 22 февраля и 26 октября 1943 г. Возвращались эвакуированные промышленные коллективы, привлекались трудовые ресурсы всего СССР, в том числе учащиеся. ЦК ВЛКСМ направил в Донбасс 40 тыс. юношей и девушек [7.524, с.53]. На шахты в годы первой послевоенной пятилетки через систему оргнабора ежегодно поступало от 20 до 50 тыс. человек. Наиболее многочисленные группы юношей и девушек прибывали из Винницкой, Киевской, Полтавской и Сумской областей УССР, а также из Воронежской, Курской, Орловской, Пензенской, Ярославской областей РСФСР [2.57, с.232]. В силу этих обстоятельств происходило тесное общение детей и подростков – носителей различного военного опыта.

В освобожденном Донбассе сложилась критическая ситуация, вызванная системным уничтожением жилого фонда, социальной инфраструктуры отступающими частями вермахта [7.533]. Представить испытания и трудности, которые пришлось преодолевать и взрослым, и детям в ходе восстановления, оценить масштаб сделанного позволяют Постановление Сталинского областного совета депутатов трудящихся «О восстановлении работы школ Сталинской области в 1943–44 учебном году», отчет Сталинского областного отдела народного образования (облоно) за 1944–1945 учебный год [1.7, л.33–36]. Был проведен учет детей школьного возраста, и в первых классах учеба началась уже в 1943 г. К восстановлению и капитальному ремонту, в котором нуждались более половины учебных заведений, привлекались родители, учительский состав, а также ученики старших классов. Ученикам, которые не могли посещать школу из-за отсутствия одежды и обуви (до 10% в 1944–1945 учебном году), оказывалась

помощь со стороны хозяйственников и торговых организаций [1.11, л.166–167]. При школах было организовано общественное питание в первую очередь для детей, родители которых были бойцами действующей армии или партизанами, а также для остро нуждающихся детей. Летом 1944 г. в рамках оздоровительной кампании проходили регулярные взвешивания детей в детских домах, на лето в школах вводился режим пионерских лагерей, а для детей дошкольного возраста – организовывались летние дошкольные площадки [1.5, л.48; 1.10, л.154–162; 1.13, с.81–82]. Учитывались дети со слабым зрением, слухом и задержкой умственного развития и направлялись в специализированные учебные заведения. Предусматривалось освобождение от экзамена по украинскому языку для переехавших из других республик, обеспечивались особые условия для учебы польских детей. Проводилась широкая воспитательная работа – выпуск стенгазет, переписка с бойцами, спортивные мероприятия [1.7, л.65–71; 1.9, л.67–69].

Среди факторов, влияющих на формирование картины мира в детском сознании, крупный российский психолог В. С. Мухина выделяет прежде всего зависимость «от социального окружения: семьи или взрослых, заменивших семью; национальных традиций ближайшего окружения» [7.448, с.301]. В межвоенный период в Советском Союзе и сам институт семьи, и личностные семейные отношения претерпели ряд серьезнейших испытаний: радикальный слом «старого порядка», включая институт церковного брака в свете отделения церкви от государства, пропаганда свободных отношений, внутрисемейные разрывы в условиях гражданской войны, дополненные позже коллективизацией, испытания для родственных отношений в атмосфере страха и доноительства с нарастанием массовых репрессий и т.д. В 1930-е гг. при сохранении приоритета общественных интересов происходит переход к сохранению и укреплению семьи и семейных ценностей, вызванный комплексом причин: необходимость решения демографических проблем в условиях ускоренной модернизации, усиление

власти Сталина и нарастание патернализма в социальной и общественно-политической жизни, идеологии и т.д.

Е. Ф. Кринко, И. Г. Тажидинова, Т. П. Хлынина на широком историческом материале убедительно показали, что во внутрисемейных взаимоотношениях в период Великой Отечественной войны наблюдались противоречивые – и разрушительные, и консолидирующие – тенденции [7.417, с.131]. К негативным последствиям для семьи вели гибель миллионов человек, длительная разлука, разорванные семьи, массовое сиротство, лишения, необходимость выживать любой ценой [7.417, с.131–132].

В Донбассе в силу ускоренной мобилизации, часто хаотичной эвакуации, длительной (для разных районов – от 6 месяцев до почти 2 лет) оккупации семьи не просто были разлучены, но и лишены какой-либо информации о судьбе родных. К моменту освобождения Красной Армией территории Донецкого бассейна численность населения региона составляла 48,8% от довоенной [7.443, с.58]. В Ворошиловградской области после освобождения было создано 19 детдомов на 1200 мест, в Сталинской области в октябре 1943 г. в детских домах воспитывалось 2000, на начало 1945 г. – 4 350 детей [8.558].

Я. И. Захаров, в годы войны заместитель редактора газеты 395-й стрелковой (шахтерской) дивизии, рассказывает о таком случае. Помощник начальника штаба 726-го стрелкового полка, уроженец г. Ровеньки капитан Ф. А. Семенко знал лишь, что его семья (дочь, жена и мать) успели эвакуироваться, предположительно, в Казахстан. Точной информации у него, как и у многих других, не было. В период боевых действий на Кавказе в 1942 г. офицер отправил письмо в «Казахстанскую правду» с просьбой помочь найти семью. В ответ на публикацию письма пришло около 50 тыс. откликов. Чтобы разобрать письма и ответить на них, начальник политотдела дивизии отдал приказ привлечь к этой работе почтальонов всех полков и подразделений. Семья была найдена, а дружеская переписка с людьми,

участвовавшими в поиске, продолжалась до конца войны, эти письма помещались в дивизионной газете «Советский патриот» [4.152, с.137–138].

Анатолий Иванович Сергеев, воюя в составе Южного фронта, после освобождения Сталино сумел попасть в город, но застал только пустую квартиру (сам дом уцелел). Он пребывал в полном неведении о судьбе семьи еще несколько месяцев, пока дошли письма к родственникам в Артемовск и обратно.

Всеволод Вишневский, размышляя о моральных последствиях войны, отмечал в дневнике 4 января 1944 г.: «Сейчас война вызвала огромные миграции, перемены и пр., коснувшиеся самых интимных сторон нашего бытия. Порваны многие связи, другие поддерживаются искусственно, третьи возникли вновь и чем-то отличаются от прежних. Семейный быт явно поколеблен, даже в самых устойчивых семьях» [4.151, с.704]. В 1943 г., в Советском Союзе было зафиксировано 89 тыс. разводов, в 1944 г. – 69 тыс., причем эти цифры не учитывали оккупированных районов [1.1, л.128]. Исследователи отмечают, что если до войны среди разводящихся преобладали прожившие в браке 1–2 года, то теперь – 5–9 лет, то есть сокращалась средняя продолжительность семейной жизни [7.419, с.93]. Законодательное усложнение процедуры развода сократило их количество до 6,5 тыс. в 1945 г. [1.1, л.131]. Имели место случаи добровольного отказа родителей от собственных детей в силу личностных или бытовых проблем. Так, из 264 воспитанников Ивановпольского специального детского дома №2 в 1944 г. 12 являлись «отказниками» [1.12, л.182; 1.14, л.21].

Семейные трагедии становятся одним из сюжетов песенного фольклора, что уже является показателем распространенности явления. Один из подобных текстов был записан в ходе этнографической экспедиции в 1947 г. со слов ученицы 5 класса школы №30 г. Сталино 13-летней Аллы Пруцких. Сюжет сентиментального романа «Ошибка в жизни» – это драматическая история лейтенанта РККА, потерявшем обе ноги в ходе боев за Сталинград, который пишет жене письмо и просит скрыть от дочери случившееся и

устроить жизнь самостоятельно. Он получает два ответа – от изменившей ему жены и «каракули» дочки с горячей просьбой вернуться и обещанием дочери взять все заботы на себя. Происходит встреча отца и дочери, уезжают они вместе:

– Так поедem со мною, дочурка,
где я буду, ты будешь со мной.
Если ты же о маме жалеешь...
– Нет, нет, папа, я только с тобой.

Пролетают сады, горы, реки,
Поезд словно, как птица летит,
А в том поезде радость и горе,
Лейтенант с своей дочкой сидит [1.46, л.115–116].

Военное время демонстрирует действие известной социальной закономерности – в кризисный разломный период актуализируются традиционные социальные структуры и институты, выходят на поверхность архетипы коллективной ментальности. Так и военные реалии, ставшие для советского общества потрясением, стали своеобразным катализатором возврата к элементам традиционного уклада семьи [7.399, с.253–255]. Актуализация исторического, социального, народного опыта в условиях войны стала защитным инструментом, влияющим на поступки индивида или группы в новой и непонятой реальности. Е. Ф. Кринко, И. Г. Тажидинова, Т. П. Хлынина подчеркивают, что экстремальные условия войны многократно усилили тягу к сплочению в рамках семьи, возросла взаимная поддержка, произошло преодоление разрыва между поколениями, родственная взаимопомощь во всех ее разнообразных проявлениях стала одним из основных ресурсов выживания и победы над врагом [7.419, с.117]. Эти выводы широко подтверждают материалы устной истории.

А. Д. Рывкинд рассказал, как они с матерью смогли добраться из Сталино в Таганрог, где его дед помог оформить поддельные документы для внука [5.294]. Когда в сентябре 1941 г. стала очевидной неизбежность

отступления Красной Армии из Сталино, Н. И. Сергеева вместе с дочерьми переехала в пригородный поселок Артемовска, где в частном доме жила семья ее отца [5.283], к родным в Харцызск переехала семья А. А. Клычковой [5.270]. Ж. В. Армен, жившая в годы войны в Артемовске, рассказала о том, что весной 1943 г. провела два месяца у своей тетки, работавшей на сахарном заводе в Ясиноватой, потому что «продукты у них были хорошие: белая мука, сахар» [5.246]. Дочь мобилизованного в РККА коммуниста О. М. Волгина все время оккупации жила с матерью у бабушки и дедушки в другом районе города из-за угрозы доноса со стороны соседей [5.255].

Когда матери на несколько дней отправлялись в села обменивать вещи на продукты, дети оставались под присмотром бабушек и дедушек. О. М. Волгина вспоминает: «И мама на саночках, меня оставляла одну с бабушкой, а сама ездила в Марьинку, в близлежащие села, менять одежду на какую-то крупу, муку, соль, что-нибудь привезет. И этим мы как-то питались. Помню, одно время даже соли не было. У меня обморок случился, мамы как раз не было. Потом меня тетя, крестная, забрала к себе» [5.255].

Нередко ради своих близких люди шли на смертельный риск. Мария Федоровна Максюта (Мирониченко) (1931 г. рождения) из Артемовского района рассказывала: «Батька як голову колгоспу, комуніста розстріляли, хату спалили. Нас, семеро дітей і матір вигнали на вулицю, на сніг. Зібрали односельців і сказали, якщо хтось нас прийматиме, то розстріляють усіх... Мамина двоюрідна сестра не злякалася і сховала до себе» [5.266, с.239].

В тяжелейших условиях принудительных работ в Германии советские граждане предпринимали все возможное для сохранения связей с родными и близкими. В оказавшейся среди трофейных документов докладной на имя начальника полиции безопасности и СД Э. Кальтенбруннера от 15 апреля 1943 г. указывалось: «Русские проявляют большую заботу о своих родных, и у них там существуют упорядоченные семейные отношения. При любом удобном случае они общаются между собой. Существуют тесные связи между родителями, детьми, их бабушками и дедушками» [2.72, с.186–188].

А. А. Лиханов считает, что масштаб поиска родственников через радиопередачу «Найти человека» А. Л. Барто в 1965–1973 гг. служит высшим доказательством крепости и значимости семьи: «Война разрушала не только жизни, она не только убивала людей. Зловещая ее сила была направлена и на разрушение семьи. Но вот, вышло: «Десятилетия прошли, а люди не забывают своих близких. И не только сыновей, дочерей, родителей, ищут и глухонемую старую тетку, и племянника, с детства прикованного к постели. Ищут, не страшась обременительных забот» [4.146; 7.438].

Трудно переоценить в условиях войны психологическую роль фотографий родных и близких. В мире потерь и лишений, общей неустроенности и неопределенности фотография семьи (особенно детей) поддерживали живое чувство присутствия и привязанности, любовь к близким – хотя они могли находиться за сотни и тысячи километров (хранение изображения = сбережение изображаемого) [7.502, с.56–57]. Фотография помогала заочному общению, с ней разговаривали, ее одушевляли – для бойца она часто выполняла роль своеобразного оберега (наряду с рукописными текстами молитв и стихотворений, предметами, взятыми из дому и т.д.).

Показательно то место, которое в воспоминаниях, переписке занимают сюжеты, связанные с бережно хранимыми фотографиями детей. Об этом пишут и великий поэт А. Т. Твардовский, и фронтовой корреспондент С. А. Савельев, и множество самых обычных людей. Рассказ жителя г. Енакиево В. Т. Горбачева о своем старшем брате показывает, что не только для фронтовиков, но и для самих детей с такими фотографиями связаны сложные личностные смыслы: «В общей сложности он прослужил семь лет, пять из них в кармане у Павла была моя фотография, запечатлевшая меня двухлетнего. Вышло так, что вместе с братом я прошел всю войну и блокаду Ленинграда» [4.153].

В свою очередь, дорогими становились фотографии, присланные с фронта. Получение таких снимков всегда становилось запоминающимся

(особенно для детей) событием. А. В. Приставкин в автобиографическом рассказе «Фотографии» из цикла «Трудное детство» описывает, как в детском доме «раз в месяц я приводил сестренку в нашу холодную спальню, сажал на кровать и доставал конвертик с фотографиями», чтобы она не забывала родных [5.229, с.53].

Судя по альбому Нинель Анатольевны Сергеевой, ее отец первую армейскую фотографию присылал семье в Артемовск в октябре 1944 г., подписав несколькими строками из стихотворения К. М. Симонова: «Жди меня...» Фотография Н. И. Сергеевой с обеими дочерьми датирована январем 1945 г. Фотографировались дома, к съемке готовились, девочкам повязали праздничные банты. Небольшой размер снимка (6×9 см) дает основание предположить, что фото собирались отправить письмом отцу, который до сентября 1945 г. находился в составе советской группы войск в Чехословакии (приложение И., рис.И.7, И.8).

Главную роль в сохранении семейных контактов при длительной разлуке с родными играла переписка. Историки отмечают, что такая переписка, ностальгия о доме стали стержневыми элементами жизни военнослужащих [7.419, с.121]. А. Л. Барто описала сцену в детском саду в г. Свердловске, очевидцем которой она стала. Дети играли, рисовали, выступали под музыку, но как только во двор вошел почтальон, «все бросились к нему, оборвав песню на полуслове» [4.147, с.349]. В той части корреспонденции фронтовиков, которая касалась детей, выделяется два основных мотива: забота о материальном положении и стремление сохранить духовную связь с детьми, принять участие в их воспитании. Солдаты либо часть письма (как правило, завершающую) адресовали детям, либо писали отдельные письма, в которых интересовались успехами в учебе, давали советы, посылали рисунки, вырезки из газет, открытки. Нежностью и любовью к дочери пронизано неотправленное (и поэтому попавшее в архив) письмо 723-го стрелкового полка 395-й стрелковой дивизии (шахтерской)

Егора Загоруйко: «Дочка, мой цветочек, / Мы врагов побьем. / Дочка, мы построим / Еще лучший дом» [4.178, с.83].

Два ведущих мотива ярко видны в переписке с женой и тремя детьми уроженца Константиновки, помощника начштаба 616-го стрелкового полка 194-й стрелковой дивизии капитана Константина Петровича Васюшкина. В годовщину расставания с семьей – это произошло 18 августа 1941 г. – он обязательно писал письма: «Милые детки! Как живете, птенчики? Помогаете ли маме? Получена ли песенка о щуке-рыбе? Когда вы пришлете следующее письмо? Скоро-скоро папка ваш приедет, вы только растите побыстрее» (18 августа 1942 г.) [4.177, с.14]; «Ни на какие расходы себе не оставляю. Только на партвзносы. Если за два-три месяца собирается некоторая экономия, то я тебе ее высылаю. Потерпи, после моего приезда будет легче» (18 августа 1944 г.) [4.177, с.21]. Письмо от 23 августа 1944 г. заканчивалось припиской: «А за ребятами я крепко-таки соскучился. Очень часто вспоминаю их, снятся в самых разнообразных видах...» [4.177, с.22]. 27 августа 1944 г. К. П. Васюшкин, кавалер ордена Отечественной войны II степени и медали «За отвагу» погиб при переходе границы СССР, о чем его жене сообщили в письме однополчане [4.177, с.22–23]. Письма погибших воинов сохранялись как семейные реликвии, они превращались в основу мемориального образа близкого человека, становились образцом и опорой в дальнейшей жизни.

Анализ социально-экономических, военно-исторических и социально-психологических факторов формирования образа военного детства на обыденном уровне общественного сознания в целом и в сознании самих детей Донбасса дает основания для вывода, что решающее влияние имели: социально-экономическая ситуация в Донбассе, сложившаяся в 1930-е гг.; особая трагичность хода военных событий в регионе в 1941–1945 гг.; тяжелые испытания для семьи, которые обусловили актуализацию спасительных традиционных ценностей, солидарности.

3.2. Образы событий и состояний в структуре образа военных реалий в сознании детей Донбасса

Образ реальности представляет собой сложный и изменчивый феномен. С одной стороны, сознание отражает реалии окружающего мира, запечатлевает и осмысливает наиболее значимые события. С другой стороны, сознание активно конструирует элементы этой реальности в зависимости от личного и социального опыта, особенностей воспитания, языка и т.д.

К основным свойствам образов реалий в общественном сознании относят: определенность, целостность, конкретность, лаконизм, обобщенность и др. Под целостностью образа понимается наличие связей между его составляющими, которые позволяют по одним из них восстанавливать остальные – отсутствующие, фрагментарные или искаженные. В силу конкретности множество признаков обычно трудноотделимы друг от друга. Лаконизм выражается в отказе от несущественных и неинформативных признаков [7.362].

Событийная ткань образа войны связана с личной судьбой детей. Из 52 опрошенных автором детей войны 38 пережили оккупацию, 9 оказались в эвакуации, 5 были вывезены в Германию [5.284; 5.253]. При всей неповторимости образов событий, ряд из них переходит с индивидуального на общественный уровень. А. Мегилл [7.442], Р. Козеллек [7.408], Г. Гринченко [7.371] на материалах устной истории показали, что военным событиям присущи общие структуры, которые служат основой формирования схожих черт сознания.

Наряду с образами событий синхронный образ включает в себя образы длящихся процессов – психологических, а также психосоматических состояний. Образы состояний формируются под влиянием условий, содержания деятельности и одновременно внутренних ощущений и самооценки, консолидируют внутренние ощущения и субъективный опыт.

Для детей, в силу меньшего жизненного опыта, образы состояний имеют более значимое, чем для взрослых, значение.

Зафиксированные в различных источниках, образы событий и состояний позволяют проследить главные закономерности формирования и функционирования образа военного детства в сознании несовершеннолетних и на этой основе – основные черты военного поколения советских детей.

Особое место занимают образы событий, знаменующие границы качественно различных периодов времени, которые соотносятся с окружающими событиями как индуцирующие и в горизонте событий носят предельный характер, от них ведется отсчет исторической хронологии [7.457, с.140]. К категории таких абсолютных событий относятся начало Великой Отечественной войны и День Победы.

В комплексе представлений о Великой Отечественной войне существует устойчивое, полное глубокого эмоционального содержания положение: «22 июня 1941 г. жизнь всей страны и каждого человека распалась на «до» и «после» начала войны». Обстоятельства, в которых люди осознавали этот факт, стали одними из ключевых в образе войны в общественном сознании, в художественных и публицистических произведениях, личных воспоминаниях.

Для взрослого населения доминировало осознание факта начала войны в сам момент получения соответствующего известия. Хотя все жили ожиданием близкого начала войны, известие о ней для большинства мирных граждан было шокирующим и ошеломляющим. Стержнем символического образа стало официальное правительственное сообщение о нападении германских войск на Советский Союз, с которым выступил по радио народный комиссар иностранных дел СССР В. М. Молотов, завершивший выступление словами: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами» [7.397, с.19]. Индивидуальные образы в основном касаются того, сам ли человек услышал сообщение или услышал о начале войны от других. Существенные отличия касались образа уже начавшейся войны – от

ожидания легкой победы, «войны малой кровью на чужой территории» [1.35, л.73; 4.166, с.19] до тяжелого, длительного и кровопролитного столкновения [4.154, с.323, 347].

Результаты, полученные в ходе исследований детского восприятия начала войны, выявляют иные акценты. Хочется отметить, что образы именно таких рубежных событий обусловлены как принципиально важными возрастными особенностями детской психологии, так и индивидуальными характеристиками восприятия, памяти и внимания.

Объявление войны по радио или известие, полученное от родителей, учителей, соседей, и обстоятельства, при которых это произошло, помнят лишь отдельные интервьюируемые 1925–1936 гг. рождения. Свидетельства часто включают эйдетические образы отдельных деталей мирной обстановки, затем утраченной (на прочном сохранении в детской памяти таких конкретных образов была построена поисковая методика А. Л. Барто). Обобщение, как правило, основано на включении в образ эмоциональной реакции (прежде всего потрясения и страха) – как своей, так и взрослых: «...это было на дне рожденья (22 июня), когда прибежал председатель, ему по телефону сказали, радио у нас не было, он вбежал, говорит «война», праздновать закончили, все взрослые ходили куда-то...» (Е. М. Шелест) [5.307]; «Это же было воскресенье, мы гуляли, и когда по радио объявили – «Война!», стало страшно... И главное – совсем неожиданно для нас» (М. Н. Иванов) [5.267]; «Когда началась война, я как раз закончила 7-й класс, мы сдали экзамены и 22-го уже объявили войну, тогда мы – дети – все плакали, это было страшное потрясение» (М. И. Грибанникова) [5.258]; «Отец пришел домой мрачный и объявил: война» (М. Г. Гребенюк) [5.257].

Следует отметить, что часто образ начала войны, основанный на сообщении, у детей включал непонимание того, что же именно произошло, слово «война» для них либо не несло определенного содержания, либо было связано с игровыми сюжетами, увиденными в кинофильмах, прочитанными в

книгах. Нам хочется привести очень выразительные в этом плане рассказы А. А. Клычковой и Н. Г. Кочетковой.

Ангелина Александровна Клычкова так запомнила 22 июня 1941 г. в Сталино: «Лежала я с девочкой одной возле путей на лужайке. Мама в 6 часов утра поднялась и сказала, что по радио передают, что в 4 часа утра война какая-то началась. Я никак не могла понять, что за война началась. А папы не было дома. Я услышала, что война, ну и ладно. И лежим с подружкой. Я как вскрикну, у меня по плечу пробежала ящерица, маленькая ящерица, и – под платице. Я кричу, что у меня что-то ползает. А девочка – подружка постарше была – говорит, что война началась, может, что-то стрельнуло. Прибежала тетя Оля на крики, и вытащила эту ящерицу. Тетя потом сказала, что давайте пойдем и послушаем радио, говорят, что на нас напали немцы. Какие немцы? Мы и не понимали, кто такие немцы и что она говорит» [5.270].

Надежда Георгиевна Кочеткова жила в Мариуполе, 22 июня 1941 г. она проходила физиопроцедуры в водолечебнице: «Прошла процедуры, вышла я в холл водолечебницы, и меня поразило такое явление: я смотрю, а все люди плачут, медсестры плачут, врачи плачут, люди, которые вышли с процедур, плачут. А я сижу и думаю, как ребенок: «Как это горе может быть сразу у всех?» Сестричка рядом шла, а я у нее спрашиваю: «Почему вы все плачете?» А она меня обняла: «Деточка, война началась». И у меня восприятие, может быть, смешное этого события, но в это время шел фильм «Чапаев», и я говорю: «Это как Чапаев мы будем на лошадях воевать?» А она засмеялась, погладила по голове и пошла. И тогда я подошла к окну (в водолечебнице большие окна) и была удивлена: вся площадь (водолечебница рядом с заводом), вся улица, сколько охватит глаз, полна людей. Это были сотни людей. Но тишина была гробовая, женщины плакали» [5.274].

Осознание войны происходило с началом ощутимых для детей изменений в жизни. Как сказала Раиса Васильевна Однораленко (1936 г. рождения), жившая в начале войны в Артемовском районе, «понимание

страшной беды приходило постепенно» [5.266, с.272]. Новыми реалиями стали расставания с близкими людьми, прежде всего мобилизация отцов, старших братьев в армию: «Я не могу сказать, это было 21 или 22, или 23 июня, потому что я была в лагере пионерском. Меня приехали забрать, когда началась война. Не только меня забрали, но и всех детей родители забрали из лагеря. Я тогда мало понимала, что такое война, пока не коснулось нашей семьи, пришлось расставаться с папой. Тогда я уже поняла, что такое война» (О. М. Волгина) [5.255]; «Особенно запомнился день, когда отцу принесли повестку явиться в сельсовет, а оттуда в районный военкомат» (А. В. Кучеренко, 1931 г. рождения, пос. Луганское) [5.266, с.231].

К числу тяжелых испытаний можно отнести эвакуацию, означавшую расставание с родным городом, близкими, друзьями, длительный, во многом мучительный путь на восток. В большинстве воспоминаний эвакуированных детей образ тяжелой дороги является олицетворением образа начала войны. Однако индивидуальные образы могут быть уникальными. Владимир Андреевич Носков (1932–2003 гг.), утративший зрение в эвакуации в Прокопьевске в 1942 г. в результате несчастного случая, напротив, из всего долгого пути на поезде, опасной переправы через Каспийское море запомнил не невзгоды и тяготы, а чудесное зрелище заснеженных гор Кавказа и штормовую бурю на Каспии, ставшие для него главными впечатлениями войны [5.224].

В детском сознании отчетливо проявляется особый, отличный от понятийного, механизм обобщения, который в рамках синергетической парадигмы описывается как эффект ассимиляции: наиболее яркий образ выступает в роли генерализующего заместителя, вбирает в себя черты целого ряда образов. Что касается начала Великой Отечественной войны, и даже войны в целом, такую символическую нагрузку в сознании детей безусловно приобрел образ авиационных ударов по населенным пунктам – «бомбежек», как они обозначались в разговорной речи.

Например, в воспоминаниях А. Г. Чакова полностью слились объявление войны и бомбардировки с. Новобешево Старобешевского района Сталинской области, где он жил, при том, что разрыв между этими событиями составлял несколько месяцев: «Я помню, что в тот день мы с пацанами гуляли на улице. И вдруг выбегает мама и говорит: «На нашу землю немцы напали». И уже на следующее утро город бомбили, одна бомба взорвалась недалеко от нашего дома (мы жили в частном доме). Но, слава Богу, до нас не дошло» [5.301]. А в воспоминаниях Л. Г. Богно оказались совмещенными разновременные события: бомбардировка г. Сталино перед оккупацией и пожар морфологического корпуса Сталинского медицинского института, разгромленного нацистами уже перед отступлением из города (сентябрь 1943 г.): «Улетели немцы, люди выходят, перекрестились, что все остались живы. Сколько было налетов, столько раз и бегали, и прятались в погреб. Это я очень хорошо помню, как мы в подвале сидели. Потом, как-то мы сидели на улице и слышим: «Мединститут горит». И все люди с улицы побежали на угол, там, где бульвар Шевченко и смотрели, как пламенем горит мединститут» [2.78, с.6; 5.248]. Представляется, неточности в данном случае являются тем, что А. Ассман определяет как «истинность» ложных воспоминаний: фактологические искажения усиливают образ [7.330, с.290].

Именно воздушные налеты немецкой авиации сразу в корне изменили весь привычный уклад жизни. Г. М. Васюшкина писала в 1941 г. мужу на фронт о сыне: «Боже, как я и дети счастливы, что ценой больших усилий и лишений мы вырвались из Константиновки – из того ада! Если бы ты знал, как Вадим боялся бомбежки!» [4.177, с.12]. А. Т. Твардовский в письме жене от 12 октября 1941 г., находясь где-то недалеко от Харькова, описал «детешек, укрывающихся в окопчиках» и то, как «один, совсем маленький Микола, всякий раз бежал под лавку с подушкой – укрывал голову». Эта сцена произвела на поэта такое впечатление, что он посвятил малышу стихотворение о советском летчике-защитнике «Когда ты летишь», которое включал впоследствии во все свои поэтические сборники и собрания

сочинений [4.184, с.39, 350]. Нейрофизиолог М. М. Кольцова, которая в 1941–1942 гг. в блокадном Ленинграде работала в детской больнице, подвергавшейся бомбовым ударам (в том числе с прямыми попаданиями), комментировала состояние детей следующим образом: «Положение ребятишек было особенно тяжелым: они должны были выносить все то, что выносили мы, взрослые; но часто они не понимали, что же такое происходит? И это усугубляло их страх» [4.162].

В 1942 г. в Ташкенте Л. К. Чуковская записала рассказ 10-летних братьев-близнецов Дмитриенко. Они описали бомбардировку и авиаобстрел железнодорожной станции Дебальцево, на которой находился их состав: «На другой день мы стояли на станции Дебальцево. И вдруг загудели самолеты. И как застрочат, как застрочат – аж душа прямо в ушах звенит! Пули в колесах защелкали <...> Воспитательки велели нам лежать смирно, а мы, которые на верхних нарах, ноги вытянем, упрям в потолок, досочку подыдем и глядим. Ничего не видать, воздух, но глядим. А пули по колесам – щелк! щелк! со звоном» (1942 г.) [5.305].

Авиационные удары по населенным пунктам соответствовали одновременно двум условиям, которые, как доказал в своих исследованиях Л. Нитхаммер, обеспечивают прочное запоминание событий. В памяти надолго сохраняются, во-первых, ситуации, к которым человек не был готов, которые имели большое эмоциональное значение, и, во-вторых, повторявшиеся действия и впечатления [7.452, с.23–24; 7.453, с.122–130]. Сравнение описания детьми своего состояния во время бомбардировок и воспоминаний спустя многие десятилетия доказывает релевантность образов «бомбежек».

Сюжеты о «бомбежках» в интервью относятся к числу наиболее эмоциональных: «Помню, как мы пошли гулять, по улице Челюскинцев там, где сейчас «Белый лебедь», дальше была степь, как говорится, «Русское поле», тогда налетели немцы, старший брат испугался и убежал домой, а я с матерью на земле лежали» (И. Д. Дриль, Сталино) [5.264]; «До меня тогда не

доходило, а поняла, когда уже бомбили. У нас здоровые бои были. В наш дом попала бомба, дом разнесло, жили в землянке» (В. Ф. Гуменюк, Ивановполье) [5.261]; «Помню, что бомбили, а я стояла в очереди за содой (возле вокзала продавали), бомба упала рядом и меня волной отбросило прямо в лужу, – промочила сапоги, осень тогда была, так, что сохли они недели две...» (Л. А. Силаева, Константиновка) [5.297]; «Помню окна зашторивались, гудели самолеты. Это был ужас, главная мечта – чтобы они замолчали, раздражал этот гул» (Н. А. Сергеева, Артемовск) [5.283]; «Воздушная тревога воеет, у меня до сих пор в ушах этот вой и вой когда летят бомбы» (Е. В. Старшина, Сталино) [5.298].

Дети сравнительно быстро обретали опыт – начинали разбираться в оружии, боевых машинах, различать советскую и вражескую технику даже по звуку. 14-тилетний подросток из Мариуполя В. Ильяшенко в рассказе, записанном Л. К. Чуковской в 1942 г. в Ташкенте, описывая пережитую им атаку немецких самолетов, демонстрирует такие знания: «И вдруг мы слышим: летит не наш самолет. Гул у вражеских самолетов страшный, ревущий, завывающий, не такой, как у наших, – у наших гул легкий. Мы, конечно, испугались, но не очень испугались, потому что у нас все, даже маленькие ребята, уже привыкли к бомбежке и к другим событиям. Самолет спустился пониже и начал строчить по нашим подводам – хряс! хряс! – пули некоторые шли гостряком, а другие рикошетом: покрутится, покрутится и в землю», но зато «он в нас не попал, а скоро прилетели наши истребители, и немецкий самолет начал тикать, как дикий тигренок» [5.305].

Что касается последнего сравнения, то для детей характерно именно эмоционально-образное восприятие, персонификация событий и их участников, в частности немецких самолетов, наносивших удары. Клавдия Тимофеевна Чередниченко, жившая в пригороде Константиновки вспоминает: «Перед тем, как пришли немцы, город бомбили, нам с поселка было видно, как они группами в 35–50 самолетов налетали, нас не бомбили, мы их «коршунами» или «черными воронами» называли» [5.303].

Примечательно, что тот же образ мы встречаем в тексте «Песни о танкисте» (на мотив «Раскинулось море широко...»), записанном Н. Д. Тарасенко на хуторе Красном Сталинской области сразу после войны: «Над городом коршуном взвился фашист, / Разруху и смерть всюду сеет» [1.39, л.12]. А. А. Фадеев 15 августа 1944 г. занес в дневник описание сцены, свидетелем которой стал. На выставке трофейного немецкого оружия мальчишка, пришедший в компании с другими, обращался к самолетам: «Какой из этих стервятников принимал участие в налете на мой дом? Я вас спрашиваю?» [4.185, с.472]. На рисунке 1941 г., сохраненном М. М. Кольцовой и опубликованном в мемуарах, мальчик Игорь нарисовал самолет с огромными свастиками на крыльях, из которого пилот, страшно оскалась, длинными руками выбрасывает бомбы [4.162].

В сознании детей Донбасса, находившихся в городах, с образом разрушений, нанесенных авиаударами, тесно связан и образ погромов и мародерства в условиях безвластия, наступившего после того, как части РККА уже отступили, а оккупационная власть установлена не была. Вот как выглядели в глазах ребенка эти события в Мариуполе: «Очень страшное впечатление, когда началось мародерство, как все грабили магазины и все. Все грабили, несли, потому что понимали, что ожидается голод, это город, не село» (Н. Г. Кочеткова) [5.274] и в Сталино: «А мы дети, тогда были без присмотра, за нами родители не смотрели. И я видела, из Семеновки прибежала, пошла по улице Артема, что тут творилось, это просто ужас. Все дома на улице Театральной горели, были в огне, их потом восстановили. И люди тащили все что можно. Страшно, конечно, было. Был один такой день, потом все стихло» (О. М. Волгина) [5.255].

Можно отметить некоторые параллели в восприятии бомбардировок населенных пунктов между советскими и британскими детьми. Анна Фрейд в книге «Дети и война» анализирует опыт реабилитации детей, эвакуированных из подвергавшихся авиаударам районов Великобритании, и делает вывод о решающем влиянии на поведение ребенка окружающих

взрослых. Психолог отметила распространенность описания детьми не столько самого события, сколько собственных ощущений. Причины бомбардировок, как пишет А. Фрейд, дети объясняли наказанием за «плохое поведение», инициаторами которого являются «Бог» или иные сверхъестественные силы. В восприятии же советских детей, в том числе и из религиозных семей, налеты немецкой авиации однозначно были связаны с действиями врага [7.533, с.175–179].

Свидетельством того, что образ авиационных ударов стал в народной памяти символом, войны как таковой является его актуализация в современных условиях. В отличие от Великой Отечественной, в современных условиях в Донбассе война носит иной характер. Важным фактором формирования и трансформации ее образа в общественном сознании явилась постепенность возникновения и обострения гражданского конфликта. Эскалации насилия разворачивались на протяжении значительного временного промежутка, насыщенного разнообразными, в том числе эмблематичными, событиями.

Анализ интервью, проведенных автором в 2015 г., позволяет сделать вывод, что ключевым элементом образа современной войны в Донбассе являются артиллерийские обстрелы городов – «бомбежки» или «бомбардировки». Собственно, нелогичное на первый взгляд, прочно лексически зафиксированное определение артиллерийских обстрелов городов как «бомбежек» или «бомбардировок» является прямым обращением к образу авиаударам люфтваффе и причиненных ими разрушений. Для людей, чье детство пришлось на годы Великой Отечественной войны, непреложным является часто утверждение: «Только фашисты могут обстреливать мирные города». Их оценки, освященные личным жизненным опытом, приобретают большую авторитетность и становятся важным фактором формирования общественного сознания жителей Донбасса, в частности соответствующего образа украинский вооруженных формирований.

В. Т. Горбачев, размышляя в мемуарах об особенностях взросления своих сверстников, писал, что дети, родившиеся примерно в 1938–1942 гг., пришли к осознанию своего места в мире уже во время войны, в их личный опыт практически не входило мирное время, оно выпало из памяти, было вытеснено войной [4.153]. В условиях войны формировался даже словарный запас, закреплялось значение слов и связанных с ними ассоциаций. М. М. Кольцова в ноябре 1941 г. записала слова, наиболее часто употреблявшиеся детьми: атака, блокада, бомба, враги, потери, смерть. В 1951 г. опрос был повторен среди нового поколения детей, значение слов указывалось совсем другое. Для детей военного поколения значение слов, усвоенных в раннем возрасте, будет сохраняться в качестве основного. Д. В. Винницкий вспоминает, что, по словам его родителей, «война» было первым словом, которое он научился произносить [5.254]. М. Матусовский описал в своих воспоминаниях, как в 1943 г. мальчик в освобожденном Красной Армией городе с удивлением говорил: «Мам, а эти дяди говорят по-нашему». Переживший оккупацию ребенок представлял себе только войска захватчиков [4.167, с.176]. А. Л. Барто приводит рассказ воспитательницы детского сада, которая рассказывала малышам о затмении солнца. Пятилетняя девочка в ответ поинтересовалась: «А кто его будет затемнять? Мы или немцы?» [4.147, с.349].

Событием, которое подвело черту под ставшими привычными реалиями войны, явилась Победа. В отличие от взрослых, у детей образы Победы разнятся очень существенно, это великое событие осознавалось сложнее.

У детей, переживших оккупацию, образ Победы непосредственно соотносился с освобождением родного населенного пункта советскими войсками. В. Т. Горбачев с абсолютной однозначностью свидетельствует: «Я не помню Дня Победы. Для меня он состоялся 3 сентября 1943 года, мне тогда было четыре года и девять месяцев. Я стал живым свидетелем, как колонны советских воинов, уставших, вымученных, но выстроенных в

прямоугольники и квадраты, проходили строем по енакиевской улице Ленина (тогда она еще называлась «Межевая») с юга на север» [4.153]. О. А. Сергеева помнит свое удивление 9 мая 1945 г., когда радостная мама забрала ее раньше времени из садика в Артемовске: «Какая победа? Ведь уже давно победили!» [5.296].

Эмоциональное ядро образа освобождения – встреча с бойцами Красной Армии – «нашими». Само событие чаще всего обозначается: «Наши пришли». Яков Прокопьевич Ткач рассказывает, что его семья жила на окраине Артемовска, поэтому он раньше других услышал артиллерийскую канонаду, потом минометы, пулеметы, автоматы, но эти звуки мальчика не удивляли, главное было в другом: «Вначале я думал, что ослышался, а потом все громче и громче, и слышу по деревне «Ура». И мы, конечно, повыскакивали, хотя это было раннее утро» [5.299]. Раиса Васильевна Буханченко с семьей жила в центре Сталино: «В сентябре 1943 года немцы отступали, начали жечь город. Они ездили на мотоциклах и стреляли из огнеметов, многие шли на [улицу] Челюскинцев – переждать. Жгли они большие дома, маленькие они не трогали, наш дом остался целым. Видели, как со стороны Макеевки наши шли, сначала маленькие точки, потом больше, больше. Танки были. Мы с мамой ночью уже шли домой, увидели, что много лежало на земле наших солдат, мама сказала: «Неужели все убиты?». Оказалось – они настолько устали, что рухнули прямо там» [5.277].

Многие вспоминают замешательство, которое вызвали погоны на форме красноармейцев. Новые знаки различия для личного состава РККА были введены Указами Президиума Верховного Совета СССР от 6 января 1943 г., когда освобождение Донбасса еще не началось. Брат члена «Молодой гвардии» Нины Минаевой В. П. Минаев рассказал, как при появлении в городе первых советских частей (по-видимому, взвода разведчиков), люди вначале высыпали навстречу, но, увидев погоны, испугались и заподозрили немецкую провокацию, дело усложняли странные мохнатые лошади (как

выяснилось, монгольские). Когда во всем разобрались, «поняли, что это наши, начали целоваться» [5.268].

Образ Красной Армией, принесшей долгожданное освобождение, представлен яркими картинками советской военной техники. Множество текстов песен о боевых машинах были сообщены фольклористам детьми. Огромную популярность имели варианты песни «Коногон», переделанной с учетом военных реалий (наиболее распространенный сюжет – «Песня про танкиста»). Н. Д. Тарасенко в 1949 г. в с. Ульяновка Сталинской обл. записала частушки, главной героиней которых была «Катюша»:

Мы с «Катюшей» вдвоем
Две подруги с норовом.
Немца били, немца бьем
Хорошо и здорово.

Навострили немцы уши,
Их повсюду славно бьют.
Фрицам русские Катюши
Жить спокойно не дают.

Пой, Катюша, веселее,
Чтобы слышало село,
Чтобы немца-лиходея
За Румынию смело [1.39, л.58].

Виктор Владимирович Чумак вспоминает: «Вышел на улицу, смотрю «Катюша», танки 20 штук. Все кричат: «Наши, наши!» [5.306]. О. М. Волгина рассказывает: «Радости не было пределов, когда стали кричать: «Наши танки идут. Наши». И мы, дети, выбегали» [5.255].

Абсолютное большинство опрошенных хорошо помнят День Победы 9 мая 1945 г. Особенностью детского восприятия этого дня является отражение, в первую очередь, эмоциональной реакции взрослых, создававшей общую атмосферу праздника: «У сельсовета была тарелка

[радио]. Народу собралось, все толкаются поближе к тарелке, довольны, что так и было» (В. В. Чумак) [5.306]; «До моего сознания это сильно не дошло, но помню, что все плакали и радовались. Я еще тогда не понимала, чему радуются и плачут. У меня тогда обуви не было, а было сыровато, я по проталинке прошла, кругом лужи, и стала, и не двигалась» (Ж. В. Армен) [5.246]; «Я тогда болела, тут крики: «Победа», нашли где-то краску, развесили плакаты. Цыгане приехали. Все кричат «Победа!» (Е. Н. Радченко) [5.291].

Наглядно представить основные компоненты образа Дня Победы в детском сознании позволяет рассказ ученицы средней школы №30 г. Сталино 14-летней Эллы Богохвал, записанный Т. М. Джерелюк в октябре 1947 г. (приложение К). В рассказе четко выделяются две части. Первая – личная, бытовая. Наиболее характерное, что выделяется в описании происходящего – стремление людей поделиться радостью: к Элле среди ночи прибегает с известием соседка, Элла и ее подруга сразу начинают убирать в доме, моют полы, окна, застилают стол красивой скатертью, чтобы пришедшая с ночной смены мама Эллы сразу ощутила праздник. Элла и ее подруга Алла возбужденно радуются, соседка Наталья Ивановна и мама Эллы – радуются и плачут. И стиль, и описанные обстоятельства не оставляют сомнения в искренности девочки, а вот завершает рассказ формульный финал: «И теперь этот день, день девятого мая 1945 года, остался в нашей памяти как печать, которую нельзя стереть. И мы, советские люди, вспоминаем его каждый год новыми победами в социалистическом труде, в учебе, в подъеме сельского хозяйства. Это незабываемый день. День победы!» Таким образом, в данном тексте объединены индивидуальный и интериоризированный ребенком официальный образ Победы.

Значительные особенности имеет образ Победы в сознании детей, эвакуированных с семьями в восточные регионы СССР. Он включает и известие об освобождении родного населенного пункта, и возвращение домой (до или после 9 мая 1945 г.). Образ Победы у детей-остарбайтеров

драматичен и более вариативен, он зависел от очень многих жизненных обстоятельств: характер военных действий на территории Европы, различные зоны оккупации, лагеря для интернированных, дорога домой. Такие образы требуют специального изучения. Военное детство не только было полно трагическими судьбоносными событиями, но и принципиально отличалось от мирных времен трудной повседневной жизнью. Независимо от личной судьбы, связанной с тем, где оказались дети, главным признаком военной жизни для них было постоянное чувство голода. Д. Гранин обращал внимание, насколько труднее, чем взрослые, переносили голод дети, что объясняется, помимо физиологических причин, несформированностью волевой сферы личности, неумением переключать внимание [5.208]. Г. Г. Гринченко по итогам исследований воспоминаний оstarбайтеров сделала вывод, что голод стал ключевой смысловой единицей образа войны [7.371]. Следует специально подчеркнуть, что частью образа данного состояния, помимо соматической и эмоциональной составляющих, являются личностные смыслы детей, повлиявшие на формирование личности, системы ценностей, стратегии поведения в дальнейшем. В интервью рассказы, так или иначе связанные с продуктами и системой питания – самые развернутые и детализированные.

Дети рано проникались пониманием необходимости обеспечения питания как основы жизнедеятельности, умением ценить пищевые продукты (особенно когда в семье были дети более младшего возраста). Практически все интервьюированные помнят и подробно рассказывают, как и чем они питались. Набор продуктов, позволявший выжить примерно одинаков: картофель, кукуруза, пшеница, макуха, свекла, крапива, лебеда, щавель, ягоды и др. Немного богаче рацион был в селе, совсем скудным – в городе. В Мариуполе, приазовских селах ловили рыбу: «У нас есть море, а это наш спаситель» (Н. Г. Кочеткова) [5.274].

Продукты в интервью не просто называются, а подробно описываются их внешние и вкусовые характеристики, даже запах. Е. В. Старшина детально

описывает качество хлеба в освобожденном от оккупантов Сталино: «По карточкам нам выдавали 500 г хлеба, но это был не хлеб, его хлебом назвать нельзя – ничего нет, а только 500 г этого хлеба и все, что-то глийкое, как глина и какие-то устюки торчат, и на 500 г такой кусочек, что-то насобирают, сбаландерят и такое дают» [5.298]. С детства не забываются рецепты блюд, которые считались деликатесом – например, кукурузные лепешки, лепешки «из лободы».

Представления о вкусном и невкусном претерпели существенные изменения в сравнении с мирным временем: «И как-то мы уже легли спать, и вдруг моя сестра говорит маме, что у Вали сегодня день рождения, ты бы нам блинчиков испекла из мыслычки. Мыслычка – это такая трава, которая выбрасывает колос, и эти колосья собирали и в ступке молотили и пекли блинчики» (В. Т. Варакута) [5.303]; «У бабушки было старое деревянное корыто, в котором она, еще до войны, месила тесто на хлеб. По дну оно треснуло и бабушка, еще в мирное время, замазала трещину тестом. А теперь до того изголодались, что бабушка выковыряла это тесто, нарвала молодой лебеды и с ней испекла нам пышки. Они были вкуснее, чем сейчас пирожные» (Л. Т. Кузнецова) [5.253, с.26].

Тем более не забываются настоящие, качественные продукты, которые доставались детям сверх редко: «Я помню как-то пожилая женщина из жалости ко мне, положила в карман яйцо и немного хлеба. Еще сосед по нашему дому, работающий в пекарне иногда угощал меня булочкой» (Ж. В. Армен) [5.246]. Запоминались и обидные случаи утраты вожделенного лакомства: «Меня соседка конфетой угостила, я держала ее в руках, она у меня растаяла, я хотела с мамой поделиться» (А. И. Роздобудько) [5.293].

В воспоминаниях детей-остарбайтеров описание предельно скудного питания, как правило, соседствует с рассказом о тяжести работы (в данном случае материалы интервью автора расходятся с наблюдениями Г. Г. Гринченко [7.370]): «Кормили нас один раз в сутки, давали миску

баланды (наверное, пол-литра), она была сделана то ли из шпината, то ли из брюквы, часто с червями. Давали 200 грамм хлеба, там, наверное, были опилки и кружку чая. Заставляли работать 12 часов, с 6 утра и до 6 вечера, работали в две смены» (М. И. Грибанникова) [5.258]. Тяжелый голод – главная тема песен угнанных в Германию. Несколько иные акценты в «Невольничьей песне мариупольцев», составленной в 1943 г. в г. Эссене и записанной в 1945 г. в лагере репатриантов – образ обильной вкусной еды объединяется с образом малой родины и мирной жизни:

Мы в Мариуполе родились,
Мы в Мариуполе жили,
Мы в Мариуполе учились,
А нас у Эссен завезли.

День и ночь мы вспоминаем,
Как в Украине жилось –
Хлеб без карточек давали,
Молоко рекой лилось...

Мы в Мариуполе имели
Сала, масла и вина.
Сахар, хлеб был и конфеты
И кусками ветчина» [1.37, с.12].

С Германией связаны страшная нищета и лишения: «Соль – на карточки дается, / На шесть месяцев – носки, / Про костюм – не вспоминайте. / Вот в Германии пайки!» [1.38, с.13].

Сложностью сюжетов, их неожиданными поворотами выделяются рассказы о счастливом обретении продуктов. Они по целому ряду признаков, на наш взгляд могут быть отнесены к фольклорному жанру народных рассказов [8.555, с.10]. В записанных нами интервью присутствует целый ряд таких рассказов – с экспозицией, неожиданными поворотами сюжетов,

положительными и отрицательными героями, финалом. В качестве примера приведем рассказ Т. Ф. Король: «Была у нас кошка, и она стащила у немцев со стола колбасу. Никого в комнате не было. Она стащила эту колбасу и выскочила на улицу. И в этот момент заходит немец во двор. Он увидел, вытащил пистолет и выстрелил в нее, но ранил ее в ногу, и она убежала. Колбасу она не бросила, побежала на куда-то огород, спряталась. И там сидела, пока он ушел. Когда никого не было она возвращается и приносит колбасу. Она ее не съела. Представляете? С окровавленной ногой, но с колбасой. Мама перебинтовала ногу ей. Взяла эту колбасу. Мы, конечно, голодные были. Выделила кошке кусочек колбасы и накормила ее. И вдруг снова идут немцы. Она спрятала ее в плательный шкаф. И мы очень переживали, что она вдруг начнет мяукать. А немцы пришли и рассказывают, что кошка стянула колбасу. Мама говорит, что не знает, где кошка. А она молча сидела, пока немцы не ушли в другую комнату. Потом мама кошку прятала, я уж не помню как, но мы ее выходили» [5.273].

Убедительные доказательства консервации сформировавшегося в военном детстве образа продуктов питания и, одновременно, страха недоедания содержат материалы вторичных интервью с детьми детей войны о характере, привычках своих родителей [5.277; 5.279; 5.290]. Все респонденты свидетельствуют о бережном, даже благоговейном отношении родителей к продуктам, особенно хлебу. Хлеб в доме никогда не выбрасывался, даже при его изобилии и крайне низкой цене по сравнению с доходами в 1970–1980-е гг. Если хлеб черствел, из него делали сухари. М. И. Малышева рассказывает, что ее мама собирала в горсть и отправляла в рот крошки со стола [5.279]. Эти свидетельства дополняют слова А. В. Ткаченко: «Буквально несколько лет назад после ужина моя жена внезапно произнесла: «Ну вот, наконец, твоя война закончилась». Оказывается, я впервые в жизни не доел кусок хлеба» [5.300]. Всем интервьюируемым в детстве их родители показали наиболее вкусные (сладкие) растения, доступные в окрестностях жилья: паслен, черемуха,

цветы акации и др. И. В. Потапова рассказала, как при ощутимых признаках кризиса в конце 1980-х гг. ее мама системно занялась созданием запасов продуктов длительного хранения, и они сыграли существенную роль в условиях систематических невыплат зарплат и гиперинфляции 1990-х гг. [5.290].

В условиях войны дети по-иному смотрели на взрослых, проникаясь к ним уважением и благодарностью за каждодневную жертвенность и самоотверженность. В воспоминаниях городских детей младшего возраста, переживших оккупацию, о первых месяцах войны характерно указание определяющей роли старших в вопросах обеспечения всем жизненно необходимым, прежде всего, пищевыми продуктами. Чаще всего упоминается обмен вещей на продукты – либо на рынках, либо в селах [1.33; 1.34]. Дети хорошо себе представляли трудность поиска работы и тяжесть труда, которым заняты матери, бабушки, ухищрения, на которые они вынуждены идти ради детей: «Мама работала, чем-то кормить надо было. В войну мама работала в больнице санитаркой, рабочей на кухне. И приносила нам объедки. Вот так мы и жили» (Л. Г. Богно) [5.248]; «Одно время было настолько ужасно, что есть было нечего, тогда маму устроили на хлебозавод, выносить оттуда ничего нельзя было. Мы бегали под окна завода и нам скидывали из них хлеб. Было страшно, но есть хотелось больше чем страшно» (Р. В. Буханченко) [5.277]; «Огорода не было. Мы жутко голодали. Немцы раздавали сочувствующим им огороды, которые нанимали для работы на земле людей. Мама некоторое время (летом) туда ходила работать и зарабатывала минимум. <...> Затем немцы погнали работать ее на овощную базу, где она стояла по колено в воде. И так мы перебивались четыре года» Ж. В. Армен [5.246]; «У нас при немцах была корова. Немцы не взяли эту корову, потому что дед грамотный был, он достал справку, что она туберкулезная» (Я. П. Ткач) [5.299].

Дети рано выросли по мере того, как осознавали свой собственный долг перед семьей, коллективом, необходимость посильного вклада в общий

труд, в повседневные заботы. Значительно более детальные описания пищевых практик в детских воспоминаниях связаны с коллективным трудом в рамках семьи. Для сел и городских пригородов – это работа на огороде, причем в рассказах чаще освещается не сам процесс работы, а урожай: «Да, жратвы не было. Картошка была своя, хлеб был, и то он дорогой был. Выживали, как могли, травы собирали: конский щавель, крапива на борщ» (В. В. Чумак) [5.306], «Помню, всем селом собирали колхозную морковь и зерно» (Е. М. Рывкинд) [5.294], «У нас был большой огород, на котором сажали кукурузу, картошку, арбузы, пшеницу» (К. Т. Чередниченко) [5.303], «Помню, траву собирали, бурьяны ели, кукурузу садили, картошка была» (А. П. Корниенко) [5.272].

В повседневные обязанности городских детей Донбасса зачастую входило получение продуктов по карточкам. Поход «для обмена карточек» в воспоминаниях отражался в качестве ответственного мероприятия, от которого зависела жизнь всей семьи: «Карточки были. Очередь огромнейшая. Бабушка говорила: «Ты маленькая и можешь у взрослых под ногами прошмыгнуть». Я и так между ногами, потолкаешься потихоньку и проходила до самого прилавка. И хлеб так приносила. И тоже пока несешь хлеб, думаешь, как бы не съесть, его надо на всех разделить» (Л. Г. Богно). Воспоминания о потере «карточек» даже спустя десятилетия являются травматичными, актуализируют чувство вины: «Да, помню. И помню, как один раз потеряла эти карточки на хлеб на месяц. Это была такая трагедия. Я не помню, как это случилось. Мама так плакала и говорила, как же мы выживем. Я себя чувствовала очень виноватой» (Т. Ф. Король) [5.273].

Трудная жизнь приучала ценить товарищество и взаимовыручку, и одновременно ориентировала верить в собственные силы, развивала инициативность, предприимчивость. Самостоятельный поиск пищи, несмотря на его второстепенную роль в семейном хозяйстве, для детей был наполнен особым смыслом, ведь именно здесь проявлялась их смекалка, накапливался опыт самостоятельных действий, умение соотнести цель и

результат, нести ответственность и т.д. Рассказчики четко отделяют самостоятельные действия от своего участия в общей деятельности (объективно гораздо более значимого): «ловили кошек, жарили их, а так в основном картошку и кукурузу выращивали, у нас огород 3 сотки был» (В. И. Бубело) [5.250]; «Кальмиус был небольшой, в размере 5 метров ширины. Мы там детьми рыбу ловили, хотели ловить, но чаще всего ее не было, а были лягушки» (О. М. Волгина) [5.255]; фрукты, ягоды собирались зелеными – нужно было успеть их собрать, обогнать других (Н. А. Сергеева) [5.283].

Воровать у оккупантов не считалось зазорным. Яков Прокопьевич Ткач в свои 84 года с гордостью рассказывал автору историю кражи банки меда у «казаков» (казачьи части в составе вермахта): «И вот в этот период, где стояли казаки, я с одним соседом... под забором прорыли себе лаз. Казак привозил себе продукты на бричке, а в летней кухне у него была конюшня. Пока он заводил лошадей, мы что-нибудь оттуда вытаскивали, кому что когда достанется, то ли буханку хлеба, то ли еще что-нибудь. Однажды я выхватил, это потом узнал, банку искусственного меда. А она весила 5 или больше килограмм». Все могло закончиться трагично, мальчик был пойман, избит, но его спас начавшийся конфликт между казаком и немецким солдатом [5.299].

Важным аспектом образа военного детства было осознание того факта, что персонифицированной причиной всех невзгод – и голода прежде всего – является враг, оккупант. Следует отметить, что образ врага в сознании детей Донбасса представляет сложную смысловую структуру, включающую как обобщающие представления, так и образы конкретных военнослужащих. Для жителей сельской местности преимущественно характерен образ немецкого солдата, сформированный на основе эпизодических контактов и памяти о собственных эмоциях и физическом состоянии в это время. Дети, жившие в городах, в непосредственной близости с врагом, различали офицеров, солдат второго эшелона (поваров, конюхов, др.), отдельных военнослужащих.

В рассказе 14-летней ученицы средней школы №30 г. Сталино Раисы Билановой об оккупации города, записанном в октябре 1947 г., среди основных обвинений, выдвигаемых немецко-фашистским захватчикам прозвучало: «Заставляли народ голодовать» [1.45, л.83]. В очень грамотном тексте в данном случае мы встречаем единственный отход от литературного русского языка, что, на наш взгляд, говорит об использовании бытовавшей в народе формулы.

В письменных работах учеников школ г. Ворошиловграда «Что я пережил в дни оккупации» (октябрь 1943 г.) все дети описывали мародерство со стороны фашистов, забой ими кур, угон скота. Как написала Мария Авершина, «требовали яйца у тех, у кого даже не было кур» [1.33, л.19]. В частушках, записанных от 7-тнего Володи Андреева в Сталино в 1946 г. пелось:

На закате в тети Кати
Ходит немец с котелком:
«Дайте курки, дайте яйца,
Дайте каши с молоком» [1.40, л.1об.].

В современных интервью рассказчики используют практически те же выражения, что и ворошиловградские школьники, что и автор частушек: «Помню, как первые мотоциклисты приехали, сразу в дом зашли, спросили, где курятник, и две курицы забрали, берут, отрывают им голову и в сумку здоровую кладут, сначала одну, потом другую» (М. Г. Гребенюк) [5.257].

Образ врага был вариативен, его содержание менялось с течением времени и по мере накопления впечатлений, прежде всего, опыта непосредственного общения. Первый контакт с немецкими военными для многих детей и подростков связан, как правило, с двумя четко проявляемыми состояниями: либо любопытство (в большинстве – у мальчиков), либо страх (в большинстве – у девочек). Первоначальный образ вражеских солдат содержит детальное описание примечательных элементов униформы, снаряжения, военной техники,

гужевого транспорта и т.д. Типичным для реакции, в которой преобладало любопытство, можно считать рассказ Виктора Владимировича Чумака о приходе частей вермахта в с. Ивановполье: «Потом все говорят: «немцы, немцы», они сначала проехали на мотоциклах с колясками, они были в смешных шапках, по-немецки разговаривают. Потом танки, машины пошли, километров на 5 колонна, по краям – пешие» [5.306]. Упоминания о мотоциклах – почти обязательный атрибут впечатлений от нашествия. Из 26 интервью детей военного поколения из Донбасса, собранных в сборнике «Великая Отечественная война глазами детей», мотоциклисты упоминаются в шестнадцати [5.253].

Другой тип реакции – страх – широко отражен в письменных работах учениц ворошиловградских школ, написанных в 1943 г.: «Пришли немцы в город. Мы очень сильно боялись. Если пойдем на двор, то спешили домой, чтобы не забрали нас». В 1943 г. ученица 4 класса СШ №8 г. Ворошиловграда Ира Бутенко писала: «До прихода немцев мы жили весело и спокойно. Мы ждали немцев с ужасом. А по приходу немцев мы боялись выходить на улицу. Немец нам не давал хлеба. Мы при немцах даже и хлеба не видели. Ели пышки с макухой. Немцев мы боялись» (Н. Афанасьева, 4 класс) [1.34, л.10]. Закономерно большое влияние оказывала реакция близких людей: «Как сейчас помню: стоим с мамой на крыльце, она плачет» (А. П. Лисиков, 1928 г. рождения с. Красное) [5.266, с.235].

Различались образы солдат армий стран-сателлитов Германии. Что касается отражения военнослужащих Италии, то все из опрошенных детей и подростков, оказавшихся в оккупации, отмечали их более толерантное, чем у других захватчиков, отношение. Детям запомнилась их яркая форма [5.246; 5.261; 5.297]. Образ румынских войск в детском восприятии основан на его бытовой неустроенности, неопрятности внешнего вида, повальном мародерстве. Примечательно, что во многих воспоминаниях немецких солдат противопоставляют румынским [5.267].

Образы отдельных военнослужащих вермахта находятся на противоположных эмоциональных полюсах. Резко отрицательный полюс – когда от оккупантов исходила прямая угроза жизни и здоровью. Это образ состояния страха из-за постоянной угрозы быть угнанным в Германию, подвергнуться наказанию за нарушение установленных правил, др. А. Д. Рывкинд, вместе со своей матерью переехавший из Сталино в Таганрог (чтобы скрыть национальность), подробно описал страх, связанный с жившим по соседству солдатом – «немцем из Прибалтики»: «Нас сестрой старались не выпускать на улицу» [5.294]. Наказание, и достаточно жестокое, могло наступить без особой причины, в любой момент. Например, 12-летний тогда И. И. Кравченко из с. Семигорье (Артемовский р-н, Сталинская обл.) «однажды за подобранный окурок получил дубинкой по голове от немецкого коменданта. Соседи на руках отнесли в конюшню» [5.266, с.231]. Положительно окрашены эпизоды, в которых солдаты подкармливали детей, в них даже на временной дистанции сквозит удивление, рассказчик останавливается на них именно как на исключении из общего правила.

Еще в довоенное время все средства пропаганды укореняли в сознании (в детском – в том числе) мысль, что фашисты – враги человечества и с ними нужно вести беспощадную борьбу не на жизнь, а на смерть. Война и непосредственный опыт только укрепляли эту установку. Оккупант воспринимался как враг, как объект борьбы. Дети старались не оставаться в стороне от всенародной борьбы с захватчиками, стараясь делать все возможное для того, чтоб помочь взрослым в борьбе, помочь стране. Учитель Песчанской 10-летней школы в Ворошиловградской области В. Иващенко вспоминал о первых месяцах войны: «...месячное задание по сбору бутылок детвора перевыполнила втрое за несколько дней. Особенно отличились дошкольники. Они сдавали даже те бутылки, которые нужны были в хозяйстве» [4.161, с.12].

Образ врага в детском фольклоре отражает и ненависть, и презрение к фашистам и их вождям, пусть и в пренебрежительно-сатирических тонах.

Ответ на детскую загадку: «Бачок кованный, хвост ворованный», подразумевал немецкую танкетку с ворованным добром [1.38]. Частушки, собранные и записанные со слов детей в ходе этнографической экспедиции в 1946 г., наглядно иллюстрируют детские и подростковые представления о враге:

Пишет Ганс сестрице Марте
Мы Москву захватим в марте,
Отвечает Марта так:
«Был дурак и есть дурак».
Немцы мертвые лежат,
Снегом запорошены,
А живые убежат,
И винтовки бросили [1.44, л.5].

Образ отступающих немецких военнослужащих нередко представлен в сатирическом виде и в интервью, проведенных автором. Показательны впечатления В. А. Кабанца: «Действительно, как в кино, как они бежали – в подштанниках, голые, босые... Один в камыши прыгнул и утонул, я за колодцем спрятался, а один меня чуть не подстрелил» [5.269].

По сведениям Ворошиловградского обкома КП(б)У во время занятий были неоднократные случаи, когда учащиеся из рогаток стреляли в портреты Гитлера, среди учащихся распространялись куплеты:

Ох ты, Гитлер, твердый лоб,
Закажи себе ты гроб.
Если гроба не закажешь,
То живым ты в землю ляжешь... [2.68 с. 204].

Клара Филипповна Шаталина рассказала, что немцы, заняв Артемовск, к зданию театра согнали жителей: «Мы, детвора... сидели на деревьях. Что говорили немцы и их прихлебатели мы не слушали: свистели, шумели, пока немецкий солдат не пустил очередь из автомата» [5.266, с.136].

Наиболее массовой формой сопротивления можно считать отказ посещать школы. Подобные факты зафиксированы в агентурных донесениях НКВД СССР: «В ряде населенных пунктов немецкие власти открытые школы и пытались ввести преподавание по фашистской программе, но учащиеся отказывались посещать школы, вследствие чего происходили массовые срывы занятий» [2.70, с.325]. О том же после освобождения родных мест рассказывали и сами дети: «...школы мало привлекали учеников, потому что списки учеников были на бирже, и за малейшую провинность администрация школы угрожала отправкой в Германию...» (Евсеева Виктория, ученица 10 класса СШ №3 г. Ворошиловграда, 1943 г.) [1.33, л.221]. Как убедительно показал в своем исследовании С. Константинов, население фактически бойкотировало оккупационную школьную систему – отношение к ней колебалось в диапазоне от безразличного до негативного [7.440, с.717].

Анна Митрофановна Кравченко вспоминает о настроениях в ее родном селе Семигорье (Артемовский р-н, Сталинская обл.) в октябре 1941 г.: «Дети, особенно мальчики, в то время мечтали о фронте. Хотели мстить». То, что это не пустые слова, а отражение действительных настроений, подтверждаются реальными поступками. Например, Василий Дацун из г. Новозакономическое (сейчас г. Димитров) в 1943 г. ушел на фронт в 14 лет с войсками 23-го танкового корпуса, стал связистом, был награжден орденом Красной Звезды. Получив образование, он стал учителем, работал в Макеевке. 12 сентября 1943 г. он писал родителям: «Я сейчас участвую в боях за нашу Родину. Вокруг рвутся снаряды, свистят пули, но мне не страшно, я уже привык к этому. Привет посылаю в Донбасс, всему краю родному» [4.177; с.150–151].

Ярким свидетельством борьбы с захватчиками и отражением богатого внутреннего мира юного участника сопротивления агрессору является альбом рисунков ученика средней школы №68 г. Сталино Ивана Кекуха, члена Авдотьино-Буденновской подпольной организации (приложение Л).

Альбом И. Кекуха включает 28 рисунков, выполненных карандашом и акварелью: портреты, в том числе и автопортрет, пейзажи, жанровые работы, книжные иллюстрации. Работы не имеют названий, они обозначены условно автором диссертации. Наиболее интересный с точки зрения понимания настроений и дальнейшего жизненного пути Ивана рисунок – это аллегорический сюжет, выполненный 28 сентября 1941 г. Сталино еще свободно, но серьезность ситуации и нависшая угроза очевидны. На рисунке мы видим аллегорическое изображение смертельной схватки. Юноша в рубашке символического красного цвета противостоит атакующей хищной птице (вероятно, аллюзия на зловещий символ Третьего рейха), отбрасывающей на землю большую черную тень (приложение К, рис.К.1).

Немецкая армия вошла в Сталино 21 октября 1941 г, а 29 октября И. Кекух изображает беженцев, спасающихся из охваченного огнем поселка. Вероятно, рисунок сделан на основе личных впечатлений (приложение К, рис.К.2).

В альбоме сразу обращает на себя внимание выразительный мужской портрет. Портретируемый изображен в профиль в состоянии задумчивости и сосредоточенности. Юный художник хорошо передал ум и волевые качества человека. Сравнение рисунка с имеющейся фотографией С. Г. Матекина дает все основания предположить, что перед нами портрет именно этого человека – создателя и первого руководителя Авдотьино-Буденновской патриотической группы (приложение К, рис.К.3). Савва Григорьевич работал заведующим учебной частью школы №68, в которой учился Иван. С началом войны Матекин ушел на фронт, 25 июня 1941 г. газета «Социалистический Донбасс» опубликовала его письмо детям: «Непреодолимое мое желание сделать вас полезными для страны, могущими оправдать свою жизнь» [7.523, с.24]. По официальной версии, он, попав в окружение, вернулся в город, где вновь устроился работать в школу. Быстрота, четкость, продуманность действий по созданию подполья, профессиональная конспирация, установление связей со штабом Южного фронта, с одной стороны, говорят о

Матекине как о прекрасном организаторе, пользующимся доверием окружающих, а с другой – заставляют усомниться в случайности его возвращения в Сталино.

Ядро созданной в ноябре 1941 г. организации составили учителя, сотрудники и ученики школы №68. В Справке Сталинского обкома ЛКСМУ от 25 июля 1944 г. о деятельности подпольной комсомольской организации в поселках Авдотьино и Буденновка указывается, что Иван Кекух присоединился к группе в конце 1941 г. [2.57, с.126]. Облик юного подпольщика запечатлел автопортрет, датированный 1 марта 1942 г. (приложение К., рис.К.4). Юный художник изображает повседневность оккупированного города, превращенного в руины, общее угнетенное состояние земляков (приложение К, рис.К.5–К.8).

Авдотьино-Буденновская организация развернула активную деятельность: выпуск листовок, диверсии, включая подрыв трех эшелонов, моста, мастерских по ремонту военной техники, похищение оружия, ликвидация немецких солдат и офицеров [2.57, с.124–127].

К числу наиболее успешных относится операция, в которой принял участие Иван Кекух. В апреле 1942 г. он вместе с Николаем Градовым, Иваном Григорюком и другими пробрались на продовольственный склад в Буденновке, облили все продукты керосином. Из многих бочек при помощи шланга выкачали бензин, а бочки долили водой [2.57, с.128]. В альбоме И. Кекуха на трагическом рисунке, датированном 16 апреля 1942 г., мы видим погибшего юношу, сжимающего в руке бутылку с зажигательной смесью. Вероятно, мы видим одного из участников подполья, подвиг которого остался неизвестен.

Руководитель организации С. Г. Матекин был арестован в августе и после двух месяцев пребывания в гестапо казнен 7 октября 1942 г. Ему удалось передать жене несколько записок, в одной из которых писал: «Я умираю спокойно и стойко. Когда найдешь нужным, объясни все детям – за что и как...» [4.152]. В дальнейшем работа организации продолжалась,

однако в 1943 г. немцам удалось арестовать актив группы. Комсомольцы подверглись пыткам и были расстреляны. В 1943 г. был арестован и расстрелян Иван Кекух, но обстоятельства гибели юного подпольщика пока неизвестны. В наши дни школа №68 г. Сталино – ныне Донецкая школа I–III ступени №139 носит имя С. Г. Матекина, при ней создан Музей боевой славы «Никто не забыт, ничто не забыто». В Буденновском районе г. Донецка установлен памятник руководителям организации «Непокоренные», мемориал на месте казни участников группы [2.57, с.124–131].

Подводя итоги, можно заключить, что сложное взаимодействие образов событий и образов состояний определило структуру и содержание синхронного образа военных реалий в сознании детей Донбасса в 1941–1945 гг. Важную роль также играли возрастные особенности, которые влияли на характер соотношения указанных элементов.

3.3. Образ военного детства в жизненной истории донецкого подростка (на материалах личного дневника Э. Подольской)

В основе многих исследовательских работ по военной истории лежат источники личного происхождения. Два трагических документа стали одними из самых пронзительных символов Второй мировой и Великой Отечественной войн. Это детские дневники Тани Савичевой, не пережившей последствий блокады Ленинграда и умершей в июле 1944 г., и Анны Франк, 25 месяцев прятавшейся вместе с семьей от фашистов в тайном убежище в Амстердаме и умершей в Освенциме весной 1945 г. В целом же дневники военного времени – памятники достаточно редкие, ведь возможность вести их в военных условиях имели немногие (в действующей армии они вообще были запрещены), а написанные детьми – просто уникальны. Одним из таких раритетов является дневник Энгелины Петровны Подольской (в замужестве Червяченко) (1929–1998 гг.), который она вела в годы Великой Отечественной войны. Дневник сохранился в домашнем архиве семьи ее

дочери – главного хранителя Донецкого республиканского краеведческого музея Марины Викторовны Горбовой, которая и передала его для публикации (приложение К, рис. К.2).

Рассматриваемый дневник представляет собой ученическую тетрадь в линию объемом 32 страницы. Записи сделаны чернилами, а наиболее важные с точки зрения автора – обведены красным карандашом и записаны прописными буквами [4.172]. Сохранившаяся часть дневника содержит записи с июля 1943 г. до марта 1946 г. (с перерывами от недели до года) в г. Архангельске (1943 г.), на ст. Паша (1944 г.), в г. Рыбинске (1945 г.) и затем г. Сталино (1946 г.). Возобновляя записи, девочка, как правило, возвращалась к наиболее важным и ярким событиям, происшедшим в ее жизни со времени предыдущей записи. На протяжении трех лет можно проследить даже изменение почерка: сначала – крупные округлые буквы, тщательно выведенные рукой прилежной ученицы, в конце почерк становится мельче, сказывалась и необходимость экономии места – часто на одной линейке теснятся до 5 убористых строк. Следует отметить содержательность текста и довольно высокий уровень грамотности юного автора дневника. При цитировании сохраняется авторская орфография и пунктуация.

Полнота анализа дневника как исторического источника и адекватность интерпретации в значительной степени зависит от понимания личности автора, учета особенностей его биографии. В данном случае биографическое исследование базируется на устных источниках (свидетельствах членов семьи Э. П. Подольской-Червяченко, близких друзей и коллег), а также документах из семейного архива Червяченко-Горбовых.

Э. П. Подольская родилась в г. Сталино и получила имя Энгельсины в честь Ф. Энгельса. В паспорт же она попросила вписать сокращенный вариант имени – Энгелина, близкие и друзья с детства называли ее Эной (коллеги – Эной Петровной). Весь ее трудовой стаж связан был с Донецкой областной научной библиотекой им. Н. К. Крупской. Здесь Эна Петровна

прошла путь от библиотекаря читального зала до заведующей отделом абонементов, всегда привлекая читателей знанием дела и любовью к книге, отзывчивостью и общительностью.

Мать Эны – Мария Николаевна Подольская (1904–1982 гг.) – врач, выпускница Сталинского медицинского института, в июле 1941-го была мобилизована и до декабря 1945 г. проходила службу в эвакогоспитале №3433 – сначала старшим ординатором, затем начальником медицинского отделения. О душевных и профессиональных качествах Марии Николаевны дает представление пронзительное письмо красноармейца Кузнецова. Письмо сохранилось в семейном архиве, написано оно на двух небольших блокнотных листах, к одному из которых приклеена фотография маленькой девочки. Именно лечащему врачу боец доверяет свое горе и приносит клятву: «Товарищ Подольская! Поздравляю Вас с международным днем 8-го Марта и от всей души желаю Вам успехов в Вашей доброте. А я после выздоровления работая в тылу или воюя на фронте, буду мстить заклятым фрицам за гибель моего семейства и в том числе за гибель моей любимой дочки Кати во время налета фашистской авиации на г. Сталинград. Ей было всего лишь 5-ть лет. С приветом. Гвардии красноармеец Кузнецов» (приложение М, рис.М.1).

В период Великой Отечественной войны советской медициной была разработана система этапного лечения раненых и больных с сортировкой и последующей эвакуацией по назначению. В прежних войнах руководствовались принципом эвакуации любой ценой, вывозили раненых в тыл без лечения, так что зачастую пострадавшие либо выздоравливали, либо умирали в пути. В соответствии же с новыми правилами помощь раненым начинала оказываться на поле боя санинструктором, затем они концентрировались на эвакуационном пункте. Квалифицированная медицинская помощь оказывалась в медико-санитарных батальонах (медсанбатах или просто санбатах) и передвижных полевых госпиталях (ППГ). Тяжелораненых и инфекционных больных направляли в госпитали для оказания специализированной медицинской помощи. Созданная в самом

начале войны, система специализированных эвакогоспиталей в 1942 г. приобрела законченный вид: появились специализированные эвакогоспитали (нейрохирургические, челюстно-лицевые, для лечения ранений органов грудной и брюшной полостей, глазные, ушные и др.) и сортировочные госпитали. Общий итог деятельности эвакогоспиталей таков: 57,6% раненых возвращены в строй, 4,4% отправлены в отпуск, 36,5% – уволены в запас и демобилизованы, 1,5% умерли [7.446]. В целом же благодаря героическому труду военных медиков 72,3% раненых и 90,6% больных возвращались в строй. Историки военной медицины подсчитали, что число возвращенных в строй за все годы войны составило примерно 17 млн. человек (для сравнения в 1945 г. Советская Армия насчитывала 6,7 млн. чел.) [7.384, с.164].

В Сталино летом 1941 г. на базе лечебных учреждений и медицинского института было сформировано 16 эвакогоспиталей, все они были направлены в места новой дислокации в первой половине октября 1941 г. [9.564]. Когда выяснилось, что М. Н. Подольской не с кем оставить дочь, командование разрешило взять девочку с собой. Эвакогоспиталь №3433 с 10 октября 1941 г. размещался в г. Анжеро-Судженск Кемеровской области. В этом городе Эна окончила 5-й класс. Здесь в годы войны находилось 11 госпиталей (на 7 тыс. коек), под которые были переоборудованы все школьные и административные здания [7.459, с.47].

В мае 1942 г. госпиталь был отправлен в г. Архангельск в распоряжение Карельского фронта [7.441]. Эна учится в 6–7 классах, а в свободное от школы время работает в госпитальной библиотеке. Примерно в это время была сделана сохранившаяся в семейном альбоме фотография (приложение М., рис.М.2). После прорыва блокады Ленинграда эвакогоспиталь был направлен в распоряжение Волховского, а затем Ленинградского фронта, получив адрес воинской части 70918. С марта 1944 г. по апрель 1945 г. он находился на станции Паша Ленинградской области, выполняя функции сортировочного эвакогоспиталя [9.564]. С этого времени Эна была зачислена в состав вольнонаемного персонала на

должность курьера штаба. В этом качестве она работала вплоть до расформирования госпиталя, выполняя кроме основных обязанностей различные поручения командования: работала в санпропускнике на первичной обработке раненых, стерилизовала перевязочные материалы и инструменты, дежурила возле тяжелораненых [7.459, с.47–48].

С 5 апреля по 20 мая 1945 г. госпиталь находился в резерве в г. Рыбинск Ярославской области и уже после Победы был отправлен на Дальний Восток [9.56]. Во время войны с Японией и после ее окончания он находился на станции Камень-Рыболов Приморского края. В г. Сталино мать и дочь вернулись в январе 1946 г. В итоге за годы войны эвакогоспиталь №3433 фактически дважды пересек всю территорию СССР. Марии Николаевне и Энгелине Петровне была объявлена благодарность Верховного Главнокомандующего (приложение М, рис. М.3, М.4), Э. П. Подольская была награждена медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне», «За победу над Японией», орденом Отечественной войны II степени (1985 г.), юбилейными медалями.

Следует отметить, что история Э. П. Подольской не являлась уникальной, профессиональная корпоративность медиков часто позволяла сохранять семейные связи в условиях войны. Рядом с военными медиками нередко пребывали их дети. Вместе с родителями прошел войну сын главного хирурга также сформированного в Сталино эвакогоспиталя №3443 С. А. Верхратского – старшего ассистента клиники факультетской хирургии Сталинского медицинского института. Впоследствии, с 1946 гг. и до выхода на пенсию в 1971 г., С. А. Верхратский заведовал кафедрой госпитальной хирургии Ивано-Франковского (бывшего Станиславского) медицинского института, став одним из наиболее авторитетных советских историков медицины [7.351].

Актриса Э. А. Быстрицкая была дочерью военного врача-инфекциониста, с 13 лет она на протяжении всей Великой Отечественной войны работала в лаборатории, а затем медсестрой в эвакогоспитале №3261

[4.167, с.234–235]. В 1943–1944 гг. госпиталь дислоцировался в Сталино с 22 сентября 1943 г. по 1 июня 1944 г. [9.564], именно к этому времени относятся воспоминания Э. А. Быстрицкой: «Фронтowej госпиталь оставил множество отметин в моей душе. Но самое пронзительное воспоминание о войне связано у меня не с медицинской службой. Однажды наш эшелон остановился на станции вблизи города Сталино (это нынешний Донецк). Мне уже лет 15 тогда было... И вот я вижу: черная, обугленная степь, а по ней ветер несет белые треугольники солдатских писем... Перед нашим прибытием фашисты разбомбили эшелон с почтой, и из разбитых вагонов ветер пачками, сотнями, тысячами выдувал в степь весточки с фронта. Я не могу передать своего состояния при виде этой картины. Мы с мамой к тому времени давно не получали писем от отца, и я понимала, как этих писем ждут родные наших бойцов. В госпитале я видела смерть, увечья и тяжелейшие страдания людей, но до сих пор у меня перед глазами стоит именно эта картина войны: тысячи бумажных треугольничков, гонимых порывами ветра по обожженной донецкой степи...» [4.171].

Специфика дневника как жанра личной хроники, включающей элементы рефлексии, состоит в том, что автор дневника непрерывно осуществляет селекцию сюжетов и впечатлений, заслуживающих отражения в дневнике. Такая селекция никогда не бывает случайной. Показателен как отбор автором обстоятельств, событий, лиц, так и периодическое обращение (и частота этих обращений) к собственному «Я», к миру внутренних переживаний, радостей или разочарований. Детские дневники в этом отношении особенно ценны (помимо своей редкости) именно в силу эмоциональной непосредственности и цельности, незамысловатости словесной формы, избегающей оттенков и полутонов. Это увеличивает ценность дневников как источника для воссоздания синхронного образа военного детства во всей его полноте и своеобразии. Для Эны Подольской дневник персонифицируется, наделяется чертами собеседника и товарища, которому можно довериться. Вот характерные формулы общения с другом-

дневником: «Прости, дорогой дневник, что так долго не писала: иной раз времени нет, иной раз нечего писать, а иной просто лень. Но сегодняшний день надо обязательно записать»; «Никак не могу исполнить своего обещания – писать в дневник хоть через день» [4.172, с.66]. Все это – яркое свидетельство внутренней потребности девушки в откровенности с собой, увлечения литературой, склонности к художественному творчеству.

Показателен сам факт обращения юной Эны к дневниковым записям. Очевидно, она, начиная вести дневник, хорошо осознавала масштаб и значимость времени, в котором ей довелось жить, и событий войны, которые воплощались для нее повседневной картиной ран, страданий и смертей сотен и тысяч бойцов, прошедших через рядовой эвакогоспиталь. Девочка воспринимала ведение дневника как свой личный долг – перед собой и современниками, хотя дневник не предназначался для посторонних глаз, ни тем более для публикации. Содержание дневника безоговорочно свидетельствует, что в те годы главным стержнем всей духовной жизни девушки выступает война. Все, что происходит на фронте, является предметом пристального внимания, исполненного личными переживаниями. Эна часто пересказывает сообщения Совинформбюро о боевых действиях, нередко уделяя им больше внимания, чем событиям собственной жизни, посвящает им всю дневную запись: «На фронтах затишье» и «На фронте ничего не слышно» [4.172, с.69–71]. Важность такой информации подчеркивается ее расположением в начале текста. Эна максимально близко пересказывает сообщение Совинформбюро: «Наши войска после долгих, тяжелых боев овладели первой СТОЛИЦЕЙ УКРАИНЫ городом КИЕВОМ» [4.172, с.75–76]. Девушка выделяет красным карандашом записи о взятии нашими войсками городов, в частности Киева, Смоленска, Рославля и др. Подобное выделение встречается кроме данного контекста только в трагической вести о смерти дедушки.

Начало освобождения УССР вызывает особо эмоциональные комментарии, пик которых приходится на освобождение Сталино – родного

города для всего медперсонала госпиталя. 8 сентября 1943 г. Эна фиксирует точное время важного радиосообщения – 7 часов 20 минут: «...город Сталино – мой родной милый город. О, какая была у меня радость, и что творилось в госпитале: все плакали, целовались, поздравляли друг друга. Ну наконец мой родной город освободили!» [4.172, с. 66].

Записи 1943 г. демонстрируют абсолютную уверенность Эны в победе, даже попытки вычислить день, когда она наступит. Ярким является эпизод, где девушка вместе с подругой Идой «измеряли масштаб по карте – до границы от Чернигова (он тоже наш) осталось 850 км». Подобный сюжет встречается в других интервью с детьми войны. Елизавета Александровна Зайцева (1938–2012 гг.) вспоминала: «Праздник был, когда побеждали наши войска, когда продвигались... В городах, даже в поселках были карты, на которых отмечали флажками освобожденные города» [5.265]. Александр Васильевич Ткаченко (1938 г. рождения) рассказывал, что его первое в жизни осмысленное воспоминание – это отец, который закрепляет на карте красный флажок, чем вызывает настоящий взрыв радости присутствующих. Впоследствии он узнал, что обозначенным городом был Сталинград [5.300].

Иные, более осторожные и тревожные настроения при такой же погруженности в военные события присущи М. Е. Галах-Мураевой, таганрогской девушке, воспитанной в семье партийной и научной интеллигенции, пережившей оккупацию, гибель родителей. Ее дневник опубликовали и проанализировали В. А. Агеева и А. А. Волвенко: «12 ноября 1943 г. <...> Но вот... передают последние известия. Взят крупный промышленный центр Украины – Житомир. Радостное чувство охватывает меня. Почти каждый день Красная Армия берет все новые и новые города, приближаясь к границе. Я знаю, что далеко еще не конец, враг хитер и коварен. Но все-таки это приближает конец и поэтому радует меня...»; «4 мая 1944 г... на фронтах затишье уже около 14 дней, что всех и меня, в том числе страшно волнует...» [7.324, с.325].

Война была общей бедой всего народа и каждого человека, она состояла из личных трагедий, среди которых – разрыв с родными, ранения или гибель близких. Эна на протяжении войны оставалась с матерью, но тяжело переживала невозможность быть рядом с больным дедушкой: «Получила мама письмо от бабушки, он пишет, что с ним очень плохо, и здоровье неважное. Но чем, дорогой мой, мы можем помочь тебе? Мы в этом совершенно бессильны» [4.172, с.65]. Смерть бабушки стала глубокой личной утратой, психологической травмой: «Бедный мой бабушка... Как ему хотелось умереть при своих детках, а умер совсем один в громадной больнице, которая не смогла спасти его жизнь. Никогда не забудем тебя наш милый отец и бабушка. Вечная тебе память дорогой горячо любимый бабушка!» [4.172, с.66].

Дневник раскрывает перед нами целый комплекс социальных представлений, настроений, стереотипов, зачастую происходящих из довоенного времени. Наиболее яркий пример – всеобщее увлечение авиацией в 1930-е гг. В записи, датированной 21 августа 1943 г., Эна Подольская описывает сцену, когда «пожилая официантка тетя Мотя, которая очень любила меня, говорила, что я очень похожа на Валентину Гризодубову и что я непременно должна стать летчиком». Примечательно, что на первый взгляд обычная реплика взрослого произвела глубокое впечатление на подростка, выразившееся в заочном ответе в дневнике: «Да. Тетя Мотя, вы отгадали мою заветную мечту. Я и без вашего совета чуть ли не с 6 лет мечтаю стать летчиком, но не знаю, осуществится ли моя мечта?» [4.172, с.65–66]. Можно предположить, что подобная степень внимания, помимо сожалений о мечте, которой не суждено сбыться, вызвали у девочки воспоминания о довоенном детстве. Следует отметить, что сверстники Э. П. Подольской в своих воспоминаниях о войне также указывают на увлечение авиацией и мечту стать пилотом. М. Н. Иванов (1925 г. рождения), переживший оккупацию в Приазовье, а после освобождения принимавший участие в боевых действиях, указывал, что «мечтал стать летчиком. В Мариуполе, до которого от нашего

села всего тридцать пять километров, находился аэроклуб, и, насмотревшись там на самолеты, парашютистов, я решил стать летчиком» [5.267].

Авиация в 1930-е годы занимала совершенно исключительное место в жизни советского общества. Объективно авиатехника в то время являла собой вершину технологического развития общества, и соответственно приковывала к себе интерес во всем мире. Официальная пропаганда, пользуясь таким вниманием, сделала образ авиации символическим воплощением всей техники, прогресса и успехов социалистического государства [3.107; 3.140]. Самые разные стороны довоенной жизни, даже быта наполнены соответствующей символикой – будь то фотоотчет о гастрольях цирка «Шапито» с номером «Дрессированная собачка Джимми на аэроплане» [3.136] или репортаж о новогодних торжествах в Сталино: «Зайцы, деды-морозы, медведи, снегурочки – неизменные персонажи новогодней ночи – движутся рядом с парашютистами, летчиками, танкистами, шахтерами. Вот приближается гигантская елка на автомашинах. На ней все, что принесли нам последние годы: модели новых воздушных кораблей, достижения искусства и техники». [3.162]. А. И. Щербинин провел анализ учебных материалов по русскому языку и убедительно показал, сколь важное место в упражнениях и диктантах занимала авиационная тематика [7.528, с.129–130], тем более это касалось воспитательной работы. А. Михайловский в своем репортаже о начале нового 1939–1940 учебного года в г. Сталино описывает, как учительница 1-А класса Лариса Митрофановна Вернигора начинает первый урок: «Вырастете, и многие из вас станут летчиками, инженерами, врачами.

– Я буду командиром...

– А я буду летчиком, – раздается с задней парты.

– А о ком из летчиков вы слышали, ребята?

– О Чкалове.

– О Громе.

– Об Осипенко.

– О Водопьянове.

Ребята, перебивая друг друга, называют десятки имен Героев Советского Союза, отважных летчиков» [3.110].

Повседневная жизнь девушки в период войны, в первую очередь, была связана с госпиталем, но рабочие будни медицинского учреждения в дневнике подробно не описываются. Как ни парадоксально это осознавать сейчас, для Эны они были обыденностью. О напряженном труде, загруженности, тяжелом быте персонала госпиталя свидетельствуют отдельные выразительные детали и косвенные упоминания. Так, в силу постоянной близости к страшным реалиям даже смерть стала для Эны почти привычной. В дневнике это выражается лаконичностью заметок, в которых Эна вспоминает о гибели отца своего друга и о несчастном случае, свидетелем которого она стала [4.172, с.72].

Следует отметить, что, несмотря на наполненную ежедневными трагическими событиями повседневность эвакогоспиталя, страницы дневника демонстрируют высокую степень эмпатии Эны Подольской по отношению к окружающим: «Еще вчера он мне показал на голове седые волосы, я удивилась – ведь ему только 14 лет и отчего же это. Ленька сказал, что у него отца бомбой разорвало при одной из самых сильных бомбежек и дом свой сгорел тоже при бомбежке. Отца нашли, только одну руку, у него было выкопано, и одну руку и похоронили. Бедный мальчик, я думаю. Столько переживешь, так поневоле будут седые волосы» [4.172, с.73–74].

Дочь вспоминает про частые дежурства матери, ее почти постоянное отсутствие дома: «Сегодня мама дежурит. Встала она рано и разбудила меня – больше уснуть я не могла» [4.172, с.74]. Это возлагало на ребенка дополнительные обязанности, что воспринималось как должное, поэтому их описание присутствует только в контексте других событий: «Сегодня в школу не пошла. Мама разрешила, но только велела постирать, пол вымыть и в баню сходить» [4.172, с.73].

Следует отметить, что в дневнике почти не говорится о питании, хотя в

устных воспоминаниях Эны Петровны о войне, как и у ее сверстников, рассказы о постоянном голоде занимали большое место. Это может быть объяснено тем, что лишения стали нормой и привычной частью повседневности, не заслуживавшей особого упоминания в дневниковых записях. М. В. Горбова не раз слышала рассказ матери о том, что в госпитале лечились больные туберкулезом, среди которых многие страдали открытой формой болезни. Им полагался усиленный рацион, включавший и сливочное масло, и шоколад. Крайне ослабленные больные ели очень мало, «порции» оставались едва тронутыми. Эне мама объяснила всю опасность таких продуктов, категорически запретила к ним прикасаться, а вот изголодавшиеся молоденькие санитарки и медсестры не могли удержаться – доедали эти «деликатесы», а потом заболели.

Историки медицины С. И. Мартюшов, В. П. Быков, А. О. Марьяндышев приводят сведения, что в 1943 г. эвакогоспиталь №3433 был преобразован в туберкулезный на 400 коек. Терапевтические больные составляли треть от лечившихся тогда в госпиталях Карельского фронта, среди терапевтических заболеваний преобладал именно туберкулез – 28,6% пациентов. Нагрузка на врача составляла до 80 пациентов, трудовые отпуска и особые условия в связи с работой с инфекционными больными для медицинского персонала не полагались. Возвращение в действующую армию терапевтических больных составляло 46,5%, госпитальная летальность – 2,94%, для туберкулезных больных: выздоровление – 3,1%, летальный исход – 10,9% [7.441, с.58–59].

Госпитальные будни не могли не производить на Эну глубокого и ранящего впечатления. Это был опыт, который нелегко перенести и взрослому, но, видимо, именно он и заставил Эну воспринимать любые обязанности и любую трудную работу как само собой разумеющееся в сравнении с жертвенностью бойцов, сражающихся на передовой, проливающих кровь и умирающих в госпиталях.

Дневник содержит богатый материал о школьной жизни военной поры,

о повседневности советских подростков, их досуге. Э.П. Подольская работу в больнице совмещала с обучением в школе: «Я работаю и учусь. Трудновато, но... ничего не поделаешь. Иногда приходится даже с невыученными уроками идти в школу» [4.172, с.68]. Основные интересы и духовные ценности, переживания девушки связаны именно со школьной жизнью. Наиболее подробные записи относятся к периоду пребывания эвакогоспиталя в Архангельске, где Эна училась в 6–7 классах. Ее яркое, всестороннее описание создает целостный образ повседневности школы.

Характерными являются упоминания о полученных оценках: «Сегодня спросили по физике [зачеркнуто], химии, поставила хор.» [4.172, с.70]. Описания педагогов, как это естественно для учеников, проявляют неодинаковое отношение: «3-й урок «Немецкий». Боже мой, какими криками встретили Рахиль Абрамовну. Еле уgomонились»; «Директор школы Анна Васильевна сделала митинг в честь начала учебного года. После этого запели «Интернационал» и пошли в классы. 1-й урок – военное, а его не было. Читал правила поведения учащихся. И вот уже придирается «Подольская, почему у тебя доска не стерта», я говорю, что я не дежурная «все равно должны соблюдать чистоту и порядок в классе». Я не ответила, и он замолчал» [4.172, с.70–71]. Предмет «Военное дело» был введен в учебные планы по решению Наркомпроса РСФСР в середине 1942–1943 учебного года, его программа включала строевую лыжную, огневую и противохимическую подготовку, изучение стрелкового оружия и техники рукопашного боя, военно-санитарного дела [7.480, с.27]

Запись, сделанная уже в 1945 г., сжато, но выразительно дает понять, какой ценой давалось совмещение учебы и работы: «Сейчас уже 2 месяца стоим в Рыбинске совершенно без дела. Только нам с Борькой достается больше всех, целый день бегаем. Учебный год конечно, пропал, очень-очень жаль. Ведь столько трудностей было – работай и учись и вот весь результат» [4.172, с.87].

Опубликованные дневники детей – очевидцев Великой Отечественной

войны, демонстрируют нам и несколько иные модели поведения в школьной жизни, а также отношение подростков к ней. В частности, в дневнике М. Е. Галах-Мураевой отмечается значительно больший интерес к процессу учебы, его более подробное и яркое описание: «20 октября 1943 г. ...И вот я опять в школе. Мечты и желания мои сбылись, поступила в 7 класс. Как учиться и кормиться буду совершенно не представляю, и вообще не желаю думать о будущем, живу одним днем. Всецело поглощена учением. Вот я сижу за партой и слушаю объяснение учителей, вокруг знакомые лица товарищей (с которыми я училась до войны) и не знаю, как все они выросли и возмужали, просто не узнать. Я всецело отдаюсь объяснениям учителя, для меня в данную минуту ничего более не существует...» В. А. Агеева и А. А. Волвенко отмечают, что в данном случае речь идет о реабилитационной функции школы для детей и подростков, переживших травму в период оккупации [7.324, с.324].

В 1943 г. в СССР была предпринята серия шагов, определивших стратегию дальнейшего развития системы народного образования, вышли постановления Совнаркома СССР: «О введении правил поведения учащихся», «О приеме детей семилетнего возраста в школы», «О введении отдельного обучения мальчиков и девочек в неполных средних и средних школах областных, краевых городов, столичных центров автономных республик и в крупных промышленных городах» [7.325, с.239]. Официальные источники, которые содержат информацию о механизмах внедрения и результатах преобразований, школе, существенно дополняют ученический взгляд на реформирование школьной системы.

Знаковым в реформе был переход к отдельному обучению юношей и девушек. Утверждалось, что совместное обучение создает затруднения в учебно-воспитательной работе с учащимися, «не могут быть должным образом приняты во внимание особенности физического развития мальчиков и девочек, их подготовки к труду, к практической деятельности, военному делу, и не обеспечивается требуемая дисциплина учащихся» [2.68, с.177].

Для Эны Подольской все это представляет меньший интерес, чем введение строгих стандартов внешнего вида и новых обязанностей учащихся. Она одобряет новации: «...при входе в школу будет стоять зеркало, у зеркала будет лежать одежная и сапожная щетки, иголка с ниткой и пуговицы. В каждом классе у доски будет висеть полотенце. Когда ученица ответит – если руки в мелу – то вытрет. В уборных тоже будет висеть полотенце. Если дежурный заметит, что у кого-нибудь руки грязные, заставят при всех вымыть. Если заметят, что оторвана пуговица или вешалка, заставят пришить, если не чищена обувь, заставят вычистить. Одеваться нужно не богато, но красиво и чисто. Причесываться тоже аккуратно, не так чтоб спереди был 9-й вал, а сзади помело ведьмы (как выразилась новый директор школы)» [4.172, с.69]. Эна, как своего рода признание ее стремления к порядку, получает и соответствующее общественное поручение: «Нас с Симкой назначили дежурными на вешалке, посматриваешь у кого пришиты вешалки, а у кого нет, заставлять пришивать».

Подобное восприятие можно объяснить тем, что для Эны изменения в школьном быту напомнили мирную жизнь. Примечательно, что описание Э. П. Подольской нравственных идеалов, которым она стремится соответствовать перекликается с задачами педагогических коллективов советских школ военного времени. Например, в годовом отчете Сталинского облоно за 1944–1945 гг. указывалось, что «учительский коллектив СШ №2 г. Горловки много работал над воспитанием скромных и вежливых девушек» [1.8].

Как и для Э.П. Подольской, участие в общественной деятельности, в жизни пионерской и комсомольской организаций для М. Е. Галах-Мураевой являются важными и определяющими факторами повседневности. Однако дневник таганрогской девушки иллюстрирует более строгий и критичный взгляд: «12 ноября 1943 г. ...В школе сейчас горячка. Организуются всевозможные кружки, отряды. В общем шума много, все бегают, суется, а толку мало. Ну, я конечно, как человек активный и без меня дело не

освятится, влезла тоже туда. Я начальник кружка Красного креста и Полумесяца. Но самое главное вступаю в ВЛКСМ уже подала заявление и ожидаю бюро...» [7.324, с.325].

Черта военного времени – привлечение учащихся к общественным работам. Массовое выполнение школьниками трудовой повинности становится юридической нормой в апреле – мае 1942 г., когда СНК СССР и ЦК ВКП(б) принимают постановления, согласно которым разрешалось привлекать к труду в промышленности и сельском хозяйстве 14–17-летних подростков [2.65, с.388].

В основном описание работы Эны Подольской в дневнике является лаконичным. Обычно несколько фраз указывают место и характер работы, которую надо выполнить. Таким образом, зафиксированы разнообразные виды физического труда, которые выполнялись школьниками: «работали в колхозе», «работали опять на бирже, только грузили на машину бревна» [4.172, с.66].

Работа воспринимается девушкой как должное, нормальное и необходимое. Лишь иногда пробиваются в записях усталость и тяжесть трудовых будней, но никогда нет даже намека на нежелание работать: «Сегодня на 3 уроке к нам заходила учительница по истории и говорит, идите на 2-й этаж на митинг. Там были директор школы, завуч, учителя и секретарь райкома ВЛКСМ Кронгауз. Он открыл митинг, и сказал, что на заводе №3 им. Ленина поступил военный заказ. Мы должны помочь выполнить этот заказ и что мужская школа взяла 6000 тф до Октябрьских праздников сделать. Ну а вы, говорит должны больше сделать, давайте 8000. Взяли 8000, не знаю выполним или нет, а работать обещали все»; «Несмотря на то что вчера была жара, сегодня пасмурно и очень холодно, как бывает на Украине только в октябре м-це. Работали опять на бирже, только грузили на машину бревна, «палочки», «вички» и «спички», как я их называла, иной раз попадется такая «спичка», что еле вдвоем подыметь. Работали долго, без отдыха. Устали ужасно, да тут еще пошел дождь, все промокли и замерзли.

Погрузили 8 машин и еле таща ноги, пошли домой. Ну ничего – зато завтра и воскресенье отдыхать» (речь идет о труде на лесной бирже) [4.172, с.68].

Подробно описано социалистическое соревнование между мужской и женской школами, которое было посвящено годовщине Великой Октябрьской социалистической революции – 7–8 ноября. Автор в своей записи представляет отчет о проделанной работе: «Меня заставили делать какую-то деталь ящика, сделала всего 124 штуки и из них 2 брака» [4.172, с.67]. Именно в этих записях ярко отражаются присущие Эне Подольской дисциплина и собранность, высокое чувство ответственности, желание сделать всё возможное для общей победы.

Много места уделяет Эна школьной художественной самодеятельности, в которой она принимала активное участие (надо отметить, что в годы своей трудовой деятельности Эна Петровна всегда была в центре общественной жизни). Торжественные вечера проводились учениками для приглашенных гостей. Выступления тщательно готовились, проводили множество репетиций, изготавливали костюмы: «Сегодня репетировались в костюмах. Костюмы хорошие. В общем если ребята придут, то вечер будет очень хороший», «Вечером отправилась в школу на вечер. Настроение замечательное. Иду, встречаю Мильку Обросову и Машу Шубную из 10 кл. Они сказали, что была проверка всех номеров, которые мы готовили и что оперетку не пропустили для выступления. Я не показала виду, что это меня очень огорчило (ведь столько трудов потратили), но настроение сразу пропало, и я уже безо всякого желания пошла» [4.172, с.72].

На вечера девушки приглашали знакомых ребят из мужской школы: «Приходит моя Галка, покраснелась, глазенки, горят, смеется. Смотрит на меня и говорит: «А я гостей веду». Я спрашиваю – каких еще гостей – она отвечает со смехом – ребят. Ух как я обрадовалась. А я то думала, что даже Славка и Ленька не придут, а тут прикатили которых мы совсем не знаем (вернее я не знаю)». Когда вечер не заладился, возникает идея похода в кино: «Славка говорит понимаешь сегодня в клубе на 3-й кино «Воздушный

извозчик» с 10 часов, так надо торопится, а лучше всего пойдемте и вы с нами. Я спросила Аллу и Галочку, они согласились. Собралось много охотников итти с нами, а денег ни у кого нет, да и у меня в том числе. Ну у Галки и у Аллы насобиралось 8 рублей, а у остальных ни коп. Я тогда набралась храбрости подхожу к ребятам и говорю – ребята у кого есть деньги в займы <...> Мы сели на наши любимые места – 6 ряд 110, 109, 108 места, а дальше сели девочки. Мальчишки уселись позади нас. Все время, пока не началось кино, мы болтали» [4.172, с.73–74].

В целом посещения театра, кинотеатра относятся к числу немногочисленных радостных событий, которые наиболее подробно и вдохновенно освещаются в дневнике. Эна не прибегает к пересказу содержания, но всегда указывает точные названия песен, фильмов, оперетт: «Шло кино «Партизаны в степях Украины». Ходила, смотрела, поплакала хорошенько. О, как напоминает мне это кино мою родную Украину, эти вишневые садики вокруг домов с соломенными крышами!» [4.172, с.72] Страницы дневника раскрывают место кинематографа в повседневной жизни подростков эпохи 1941–1945 гг. Э. П. Подольская упоминает 21 поход в кинотеатр, а также стремление, несмотря на загруженный график, попасть на очередной сеанс: «В 6 часов комсомольское собрание, а на третьем в клубе интересное кино – «Праздник св. Иоргена». Не знаю итти или нет на собрание: все-таки пошла. Мы все торопили, чтоб скорей проводили собрание (в кино спешим). Симу Хохлову назначили вожатой в 4 кл., меня никуда. Кончилось собрание. Быстро все побежали в кино, пришли, 1-й сеанс еще идет. Ну, брат, сразу два зайца поймали. 2 части не досмотрели, пока светлей ушли, сделала уроки – и спать». Вспоминается концерт в госпитале: «...все мне очень понравилось. Особенно понравилось сольное пение участника ансамбля «Красноармейские песни и пляски Карельского фронта» т. Васильева... Ох, как он пел! Хотелось слушать и слушать без конца» [4.172, с.75].

Каждое из таких событий воспринималось девочкой как праздник, поэтому ее впечатления от увиденного и услышанного всегда положительные. Все это отражает понятное стремление отвлечься от тяжелой повседневности, хотя прямо Эна об этом в дневнике нигде не говорит. А вот в дневнике, который цитирует И. Г. Эренбург, немногим старшая по возрасту Ина Константинова, работавшая в начале войны в госпитале, признается: «А на самом деле хоть на минуту хочется забыться от всех этих ужасов... И так скупы наши развлечения, что на них не следовало бы обижаться» (запись относится к 1941 г.) [4.190, с.449–450].

Характер записей дневника Эны Подольской в 1944–1945 гг. кардинально меняется – они ведутся достаточно редко и приобретают черты сюжетных ретроспекций. В них девушка максимально откровенно рассказывает про свою первую влюбленность – этот сюжет воспринимается как автобиографическая повесть о «воспитании чувств», вступление в мир взрослых: «Сегодня получила письмо от Аркадия Федорова. Очень странно мы с ним познакомились. Он работал на военном телеграфе, а я туда ходила за телеграммами. И там мы с ним познакомились и вот теперь пишет. Пишет очень хорошие письма. Прислал фото. Сегодня уезжают ребята с команды, в том числе уезжает Костя Полоскин – «последний из могикан», как мы его шутя называем. Он очень хороший веселый и подвижный парень, но у него нога не сгибается. Это не беда, она со временем будет сгибаться. У нас с ним очень хорошие и вместе с тем очень странные отношения» [4.172, с.80].

В дневниковых записях проявляется такая черта Эны и всего ее окружения, как умение дружить: «Письма получаю от многих, но от ребят, от тех, которых получала раньше, кроме В. Юдина, П. Колбанова и А. Федорова ни от кого не получаю. Колька Полутин вообще замолчал. Недавно написала ему маленькую писульку – не знаю ответит или нет. Связалась письменно с Ниной Саратовой – она в Измаиле. Но что самое главное – получила письмо из Сталино от Е. Чаплинской, как была рада я!!! Даже заплакала, но этого я ей не написала – стыдно! Женька долго молчала – потом наконец ответила»

(запись от 2 мая 1945 г.) [4.172, с.77]. Собственно, дополнительным мотивом обращения к дневниковой форме был разрыв многих привычных связей и контактов: родной город Сталино два года находился под оккупацией, эвакогоспиталь неоднократно перебазировался, получали новые назначения медсестры, излечивались и убывали на фронт или домой раненые. Дневник превращался в этих условиях в своеобразное письмо – далеким друзьям и родным, дорогим людям, судьба которых неизвестна, да и самой себе тоже – чтобы помнить.

Описания, связанные с миром личных чувств и увлечений, очень близки тем, что можно встретить в личном дневнике уже упоминавшейся выше Ины Константиновой. Передавая особенно впечатлившие его строки, И. Г. Эренбург считает особенно важным подчеркнуть такие черты девушки, как «душевная взыскательность, честность, прямота» [4.190, с.447], свойственные молодому поколению, выросшему уже в условиях советской власти. Собственно, в них он видит истоки и личного подвига Ины (дневник попал к писателю после ее гибели в партизанском отряде в 1944 г.), и того, что «героизм был в те годы буднями многих» [4.190, с.450].

Дневник Э. П. Подольской отразил напряженное ожидание окончания войны весной 1945 г., хотя описание самого дня Победы отсутствует. В записи, датированной 2 мая, отмечается: «Вчера т.е. 1 мая был у нас в госпитале вечер. Самый бедный из вечеров, какие у нас бывали <...> Эх, а что делается на фронтах!!!... Наши войска вошли в Берлин и заняли половину Германии, и соединились с союзниками! Скоро, скоро конец войны. Недавно германское радио передало, что 29 апр. после внезапной болезни скоропостижно скончался Гитлер. Врут как собаки. Это ложь фашистов, которой они стараются прикрыть Гитлера и его свору. А они наверное где-нибудь в подполье... Мама недавно ездила в Архангельск. Очень довольна, что съездила! Я ей завидую» [4.172, с.82].

Страницы дневника затрагивают такую сложную проблему как возвращение из эвакуации. В отличие от подробных описаний ключевых

событий войны, дорога домой отмечена предельно лаконично: «Ехали мы неважно – тесно было в вагоне, но все-таки приехали и теперь дома. Да и Сталино нас встретило неприветливо» [4.172, с.83]. В таком тревожном настроении ощущается и кризис ожиданий, и волнение в силу изменения социального статуса, перед выбором дальнейшего жизненного пути. В этом контексте интересны воспоминания Надежды Георгиевны Кочетковой о возвращении эвакуированных семей в Мариуполь и о значительных конфликтах и непонимании между ними и пережившими оккупацию детьми [5.290].

Если сравнивать запись Э. Подольской с интервью, то общими являются впечатления о тяжести пути. Но если Эна больше передает собственное психологическое состояние, то рассказчики сосредоточены на бытовых деталях. Кроме временной дистанции, сказывается то, что интервьюируемые были значительно младше Эны по возрасту. А. И. Роздобудько описала, как «долго ехали, нам дали теплушку, занавешивались тряпками, на станциях надо было кому-то встать и набрать горячей воды, это был ужас, боялись – вдруг папа опоздает и поезд тронется без него. На какой-то из станций у одной из сотрудниц Южэлектромонтажа умер грудной ребенок...» [5.293]. О сильных разрушениях в Сталино вспоминают многие: «После возвращения мы жили ниже кинотеатра имени Шевченко в двухкомнатной квартире еще с 4-мя родственниками, итого 9 человек... Вокруг нас были сгоревшие дома, назывались «горелки». Да и наш дом был наполовину сгоревшим, 4 подъезда сгорели» (А. А. Гайсинович); «Улица Артема была сожжена, много домов было разрушено, стояли одни коробки, нас прямо к дому подвезли, тогда по бульвару Пушкина были железнодорожные пути. Пленные немцы восстанавливали» (Н. А. Носкова).

Дневник Э. П. Подольской – дневник военной поры, и как многие другие подобные документы, он прекратился тогда, когда настал конец Великой Отечественной войны – как конец периода, но не как прекращение связанных с войной переживаний и раздумий. Однако Эна больше не

обращалась к этому дневнику, не писала о военном периоде своей жизни. Все послевоенные годы он бережно хранился, но близкие не знали о его существовании. Дневник был найден среди личных бумаг Энгелины Петровны после ее смерти.

Таким образом, проведенный анализ доказал, что детский дневник Э.П. Подольской содержит значительный информационный потенциал, который позволяет изучать человеческое измерение масштабных общественных явлений. Содержание источника безоговорочно свидетельствует, что главным стержнем всей духовной жизни девушки в тот период выступает война. Рассмотренное содержание дневника Эны Подольской (отношение к фронтовым событиям, тыловая школьная жизнь, повседневность советских подростков, их досуг, внутренний мир личных чувств) четко проявляют советское мировоззрение автора и в значительной степени отвечают официальному государственному дискурсу. Личность–коллектив–страна предстают в сознании девушки в неразрывной связи. Стиль написания личного дневника, отраженные в нем факты свидетельствуют о раннем взрослении этой девочки как типичной представительницы своего поколения, о ее советском образе мышления и способах восприятия действительности.

Таким образом, характер формирования и содержание образа военного детства на обыденном уровне сознания населения Донбасса определяли три основные группы факторов:

- социально-экономические (ускоренная социалистическая модернизация, индустриализация и урбанизация, многонациональный состав населения, слом социальных границ, сочетание бедности и новых возможностей в получении медицинской помощи и образования);

- военно-исторические (трагичность судьбы Донбасса в 1941–1945 гг., ускоренная мобилизация всех ресурсов и массированная эвакуация производств, учреждений и специалистов, длительные ожесточенные боевые

действия; оккупационный режим на прифронтовых территориях и, голод и лишения, массовые преступления против детей и детства, участие молодежи, подростков и детей в подпольном движении; централизованное быстрое восстановление Донбасса после освобождения, применение разных форм мобилизации трудовых ресурсов всего Советского Союза);

– социально-психологические (противоречивые тенденции в трансформации института семьи; с одной стороны, удары по ее прочности в условиях массовой гибели, длительной разлуки, необходимости преодолевать страшные материальные лишения, а с другой стороны, превращение родственной поддержки и взаимопомощи в главную стратегию выживания, сохранение постоянных контактов духовной связи между детьми и воюющими родителями, бережное сохранение памяти о погибших).

При формировании образа военных реалий у детей и подростков региона его событийная ткань оказывалась неразрывно связана с личной судьбой. Образ начала Великой Отечественной войны у советских детей был разным, чаще ориентированным на события, связанные с индивидуальным опытом. Осознание трагического факта начала войны происходило постепенно. Война для большинства детей началась не формальным известием, а решающими переломными моментами собственной (и коллективной – всего военного поколения) биографии: призывом отца (старших братьев и др.) на фронт, воздушными атаками. Образ такого события, как «бомбежки» – авиационные удары по населенным пунктам, вышел в сознании детей военного поколения на уровень символа начала войны, а для многих – и войны как таковой.

Образ Победы у детей сложнее и многомернее, чем у взрослых. У переживших оккупацию он непосредственно связан с освобождением родного населенного пункта советскими частями («нашими»). Типичным является образ Красной Армии, представленный яркими картинками советской военной техники. Множество текстов песен о боевых машинах

были сообщены фольклористам именно детьми. Часто у детей преобладают отраженные образы радостного эмоционального состояния взрослых.

Основу образа нужды и лишений, в первую очередь связанного с войной, составляют образы психосоматических состояний: голода, холода. С этими образами в сознании детей военного поколения связано формирование глубинных личностных смыслов, определивших базовые жизненные ценности. В целом, ключевая роль в структуре образов военных реалий в сознании детей разных возрастных групп, при всем их своеобразии, принадлежала комбинации образов событий и образов состояний, причем как эмоциональных, так и психосоматических. Целый ряд общих образов событий, а также совпадающие образы состояний формируют эмоционально достоверную картину военного детства целого поколения, ставшую основой его коллективной памяти. Один из наиболее сложных образов в детском сознании – образ врага. Характер индивидуальных образов вражеских солдат зависел от интенсивности взаимодействия с ними.

У значительного числа воспитанных на идеалах советского патриотизма, коллективизма, интернационализма подростков Донбасса нападение на Родину, бесчеловечность оккупационного режима не только вызывали ненависть к захватчикам, но и обусловили разные формы их участия в борьбе с фашизмом. Рисунки погибшего в 1943 г. ученика школы №68 г. Сталино Ивана Кекуха позволяют представить себе богатство его духовного мира (иллюстрации к литературным произведениям), почувствовать тяжесть жизни в оккупированном Сталино (пейзажи, жанровые сцены), убедиться в осознанности участия в сопротивлении врагу (аллегорическая схватка с орлом), реконструировать отдельные эпизоды истории Авдотьино-Буденновской подпольной организации (автопортрет и портреты соратников, эпизод деятельности подпольщиков).

Материалы дневника Энгелины Подольской ярко раскрывают особенности отражения военного времени в сознании советского подростка. Источник дает возможность рассмотреть один из вариантов жизненной

судьбы человека, которого коснулись военные события: неестественно быстрое взросление и работа в военном госпитале, а также тяжелый физический труд, повседневные лишения (в частности, постоянное недоедание, холод и т.п.). Вместе с тем личный дневник девочки-подростка позволяет выйти на крупные проблемы, связанные с историей Великой Отечественной войны (и военной историей вообще). Это касается таких аспектов, как организационные особенности советской военной медицины, корпоративность медицинской профессии, увлечение авиацией в СССР, общественная жизнь советского тыла, школьная реформа 1943 г., трудовой вклад школьников в победу, материальные лишения и духовное насыщение жизни советского ребенка в военный период.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Образ военного детства 1941–1945 гг. закономерно относится к числу ключевых образов советского общественного сознания периода Великой Отечественной войны. Изучение данного феномена находится в русле современных человекоцентричных исследований, ведь ребенок, его жизнь и здоровье представляют собой один из базовых инвариантов любой системы социальных ценностей. Пройдя литературно-публицистический и научно-литературный этапы, исследования вышли на историко-антропологический уровень. Различные аспекты проблемы образа военного детства в советском общественном сознании затрагиваются в работах нескольких направлений: изучение повседневных структур детства, устная история, анализ образов общественного сознания, историко-антропологические аспекты общих проблем Великой Отечественной войны.

Объективация образа детства в вербальных, визуальных и звуковых формах делает возможным его изучение на основе комплексного анализа источников: официальной документации, прессы, фольклора, источников личного происхождения, художественных произведений, визуальных материалов, устной истории.

Историко-антропологический подход к изучению детства как социокультурного феномена носит комплексный характер, предполагающий изучение его образа в общественном сознании. Общественное сознание является сложной структурой, включающей обыденный и теоретический уровни. Образ в общественном сознании рассматривается как результат взаимодействия субъекта, объекта и условий восприятия. Для современной исторической науки особую важность приобретают реконструкция и анализ образов исторической реальности, присущих изучаемой эпохе, то есть синхронных образов.

В предвоенный период в советском смысловом пространстве образ детства метафорически воплощал «рождение» и «взросление»

социалистического государства, символизировал его достижения. Образы детства активно использовались для противопоставления социалистического строя укладу дореволюционной России, «империалистическому окружению», особенно фашизму. В период Великой Отечественной войны на идеологическом уровне советского общественного сознания образ детства прошел сложную трансформацию, в которой можно выделить три основных этапа.

Июнь–декабрь 1941 г. – неудачная попытка инструментальной адаптации к военным условиям образа счастливого советского детства. В 1930-е гг. он служил своеобразным воплощением идеи социальной справедливости, демонстрацией достижений СССР, символом устремленности молодого государства в будущее. Очевидное противоречие с реальностью начального этапа войны заставило искать новое содержание и изменить тон пропаганды.

1942–сер. 1944 гг. – разработка сложных, тесно связанных с народными представлениями дифференцированных образов: ребенка-жертвы, опекаемого ребенка, ребенка-труженика, сражающегося ребенка. Определяющим фактором формирования таких образов становится, прежде всего, их оборонно-мобилизационный потенциал.

Доминирующим и на идеологическом, и на быденном уровне общественного сознания был предельно трагичный, эмоционально обостренный образ ребенка-жертвы. Тематика детских страданий как тяжелого обвинения фашизма заняла одно из главных мест в информационном пространстве СССР – от речей руководителей страны до кинематографа.

Опекаемый ребенок предстает в качестве объекта заботы народа – всего общества, а не только государства. Трансляция этого образа сосредотачивалась в советской периодической печати, как в отдельных авторских материалах, так и в рамках информационных компаний по организации помощи семьям красноармейцев, усыновлению сирот.

Широкая презентация образа ребенка-труженика в советских пропагандистских ресурсах, прежде всего прессе, основывалась на изображении коллективного и добровольного характера труда, его сочетании с учебой. Работа несовершеннолетних в промышленности в наиболее полной степени нашла отражение в фотоматериалах, художественных произведениях.

Главный акцент в освещении образа сражающегося ребенка делался на индивидуальном ситуативном характере сопротивления несовершеннолетних в оккупированных районах, различных формах помощи армии в зоне боевых действий. По политическим и контрпропагандистским соображениям участие детей и подростков в регулярных воинских подразделениях Красной Армии на этом этапе практически не освещалось.

Детские образы обладали относительно автономной внутренней структурой, что обеспечивало возможность их взаимопроникновения и взаимодействия с базовыми советскими идеологемами: «Отечественная война», «Родина-Мать», «победоносная Красная Армия», «немецко-фашистские захватчики» и др.

Сер. 1944–1945 гг. – в условиях победоносного завершения войны происходит генерализация и структурное упрощение образа военного детства, связанные с форсированным возвращением доминирования образа И. В. Сталина, партии и государства. На данном этапе в образе военного детства акцент делался, с одной стороны, на заботе государства, общества, семьи о детях (что составит основу образа детства в мирном будущем), а с другой – на участии детей в вооруженной борьбе с фашизмом (что станет базой ретроспективного пропагандистского образа военного детства).

Пропагандистские образы детей и детства, будучи одними из ключевых в советском общественном сознании периода Великой Отечественной войны, выполняли целый ряд важнейших функций.

Мобилизационная – именно образ детства стал одним из ключевых, который позволил в момент максимального драматического напряжения сил

миллионам людей ответить на вопрос о целях и смысле борьбы, увидеть путь спасения детей в борьбе за всю страну, эмпатия, вызываемая детскими образами, выявляла в людях высокие душевные качества.

Мировоззренческо-идеологическая – образы военного детства становились частью общей картины социального мира, которая задавала основные координаты военного способа существования и его основные идеологемы и конструкты, впоследствии эти образы становятся неотъемлемой частью массового советского общественного сознания. Организационная – образы представляли поддерживаемые обществом и государством образцы поведения.

Динамика образа военного детства позволяет глубже и полнее понять идеологический арсенал советского агитационно-пропагандистского аппарата, который смог в результате сложных поисков, часто путем проб и ошибок найти правильную направленность и тональность подачи образа детства. В этом свою роль сыграли как единство принципов идеолого-пропагандистской работы, ее централизация, так и инициатива, творчество осуществлявших ее людей, их стремление к максимальному вкладу в общую борьбу. Сознательные и целенаправленные усилия советской партийно-государственной машины по формированию образа военного детства сложно сочетались с обыденными образами, которые формировались стихийно.

Образ военного детства в сознании самих детей был обусловлен как возрастными психологическими особенностями (субъект восприятия), так и своеобразием социально-экономического положения, хода военных действий и оккупационного режима в Донбассе (условия и объект восприятия). Образы военных реалий возникали вместе со становлением самосознания, социализацией и встраивались в базовые структуры личности, влияли на формирование мышления, воображения.

Основу структуры синхронного обобщенного образа военных реалий в сознании детей составляли образы событий (бомбардировок, прихода фашистских войск, освобождения от оккупантов), которые в результате

ассимиляции обрели символическое значение, и совпадающие у большинства образы эмоциональных, психосоматических состояний (страха, радости, голода). В зависимости от возрастных особенностей в сознании детей образы событий и состояний имели разный удельный вес, но именно совокупность этих образов, взятых в динамике, дает возможность реконструировать образ военного детства в наиболее важных его элементах и характеристиках. Образы были естественной формой организации и обобщения личного и социального опыта, то есть выполняли познавательную, адаптационную и интегральную функции. По мере взросления фрагментарные впечатления превращались в осмысленную картину войны в целом, формировали ретроспективный образ военного детства, в котором сливались воедино боль пережитых испытаний и гордость за их преодоление.

Воссозданный на основе личного дневника Э. П. Подольской (Червяченко) образ войны и военного детства отражает многие типические черты советских детей, которые самоотверженно трудились рядом со взрослыми, старались внести свой посильный вклад в победу над врагом, демонстрируя дисциплину и собранность. Документ ярко характеризует соотношение пропагандистского образа войны и повседневной реальности, осознанное преобладание общественного над частным.

Образ детства более отчетливо, чем другие образы общественного сознания, позволяет проследить слияние в условиях военных реалий традиционного, героико-исторического и советского пластов сознания. Анализ образа военного детства на идеологическом и быденном уровнях советского общественного сознания расширяет аргументацию того, что именно Великая Отечественная война стала одним из решающих факторов формирования советского народа в его лучших чертах – стойкости, оптимизме, жертвенности, интернационализме, взаимовыручке и будничном героизме.

Что касается теоретико-практического значения полученных в ходе диссертационного исследования результатов, то можно высказать следующие рекомендации по их использованию:

- материалы диссертации могут быть использованы в дальнейших исследованиях по истории Донбасса, Второй мировой и Великой Отечественной войны, принципиальной является дифференциация общественных и идеологических представлений о советском детстве 1930-х гг., периода Великой Отечественной войны и послевоенного времени, сознательная подмена которых используется в современных манипулятивных технологиях, политически мотивированных искажениях прошлого;

- использование полученных результатов о жизни детей и подростков Донбасса в 1941–1945 гг. в учебных курсах позволит стимулировать познавательный интерес к отечественной истории у молодежи, усилит патриотическое воспитательное воздействие;

- представляется целесообразным создание электронного ресурса, который стал бы центром сбора, анализа, трансляции материалов по истории военного детства в Донбассе, подготовка и издание сборника документов и материалов сборника документов и материалов по истории Авдотьино-Буденновской подпольной группы под руководством С. Г. Матекина, активное участие в которой принимали ученики средней школы №68 г. Сталино (ныне школа №139 им. С. Г. Матекина г. Донецка);

- материалы дневника Э. П. Подольской могут быть использованы при подготовке учебных курсов и специальных изданий по истории медицины Донбасса, для уточнения информации об организации эвакогоспиталей на базе лечебных учреждений г. Сталино в 1941 г.;

- исторический опыт заслуживает внимания в ходе психологической реабилитации несовершеннолетних пострадавших в ходе боевых действий в Донбассе в 2014–2017 гг.

Дальнейшее исследование проблемы возможно путем изучения представлений о детях и детстве в общественном сознании различных

социальных групп в СССР в 1941–1945 гг.; сравнительного анализа образа военных реалий в сознании мальчиков и девочек, детей и подростков различных регионов, стран; выяснения места образов людей, предметов, времени и т.д. в структуре образа военного детства; усиления междисциплинарных связей, привлечение результатов экспериментальных исследований социальных и детских психологов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архивные источники

Российский государственный архив экономики, г. Москва

Ф.1562. ЦСУ при Совете министров СССР. 1918–1991 гг.

Оп. 33

- 1.1. Д.89. Данные ЦСУ СССР о браках и разводах в СССР в 1940, 1943–1954 гг. и I полугодие 1955 г., 1955 г., 506 л.

Архив Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва

Ф.06. Секретариат В. М. Молотова, 1.01.1942–31.12.1942.

Оп.4, папка 6

Д.63. Нота т. В. М. Молотова от 6.1.42 г., направленная всем послам и посланникам, с которыми СССР имеет дипломатические отношения "О повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах германских властей на захваченных ими советских территориях, 52 л.

- 1.2. Д.64. Проекты ноты В. М. Молотова от 6 января 1942 года о повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах германских властей на захваченных ими советских территориях (с поправками В.М. Молотова), 197 л.

Ф.069. Референтура по Великобритании. ВОКС-общее

Оп. 28а, папка 93.

- 1.3. Д.1а. План работы ВОКС на 1944 г., 01.01.1944–31.12.1944, л.2–9.

Государственный архив Донецкой Народной Республики, г. Донецк

Ф. Р-2852. Донецкий областной отдел народного образования, 1943–1962 гг.

Оп.1.

- 1.4. Д.1. Приказы ОблОНО, 1943 г., 453 л.
- 1.5. Д.3. Переписка с Министерством УССР и СССР, 1943-1946 гг., 172 л.
- 1.6. Д.4. Приказы ОблОНО, 1944 г., 453 л.
- 1.7. Д.119. Годовой отчет облОНО о работе 108 школ и отделов народного образования, январь-декабрь 1944 г., 36 л.
- 1.8. Д.643. Постановления, распоряжения, инструкции Министерства просвещения, 1945–1948 гг., 127 л.
- 1.9. Д.653. Сводные отчеты школ, июль–август 1944 г., 253 л.
- 1.10. Д.657. Ведомости о движении учеников школ на 1944–1945 гг., 527 л.
- 1.11. Д.659. Отчеты детских домов за 1944 г., 237 с.
- 1.12. Д.662. Сведения о количестве пионеров и комсомольцев, 1945–1946 гг., 363 л.
- 1.13. Д.676. Годовые отчеты детских домов за январь-февраль 1945 г., 53 л.

Ф.Р-1838. Сталинская областная комиссия по установлению зверств, чинимых немецко-фашистскими захватчиками по Сталинской области.

Оп.1

- 1.14. Д.1. Акты и докладные записки о зверствах немецко-фашистских оккупантов в Сталинской области, 1943–1944 гг., 83 л.
- 1.15. Д.2. Докладные записки о зверствах в Артемовском районе, 1933–1944 гг., 124 л.
- 1.16. Д.3. Докладные записки о зверствах в Горловском районе, 1933–1944 гг., 84 л.
- 1.17. Д.4. Докладные записки о зверствах в Енакиевском районе, 1933–1944 гг., 33 л.
- 1.18. Д.5. Докладные записки о зверствах в Константиновском районе, 1933–1944 гг., 33 л.
- 1.19. Д.6. Докладные записки о зверствах в Краматорском районе, 1933–1944 гг., 106 л.

- 1.20. Д.7. Докладные записки о зверствах в Макеевском районе, 1933–1944 гг., 151 л.
- 1.21. Д.8. Докладные записки о зверствах в Мариупольском районе, 1933–1944 гг., 170 л.
- 1.22. Д.10. Докладные записки о зверствах в Славянском районе, 1933–1944 гг., 63 л.
- 1.23. Д.11. Докладные записки о зверствах в Чистяковском районе, 1933–1944 гг., 36 л.
- 1.24. Д.11а. Книга регистрации репатриированных в г. Чистяково, 1945 г., 62 л.
- 1.25. Д.39. Переписка с органами и доклады о зверствах немецких оккупантов в городах и районах обл., 1943 г., 420 л.

Ф. П-326. Донецкий областной комитет Коммунистической партии Украины, 1932–1991 гг.

Оп.1.

- 1.26. Д.1791. Информационные сообщения и докладные записки обкома КП(б)У в ЦК КП(б)У, переписка с горкомами по вопросам массово-оборонной работы, 21 мая 1940 г. – 25 ноября 1940 г., 209 л.
- 1.27. Д.1896. Стенограмма собрания партийного актива по вопросу начала Великой Отечественной войны советского народа против гитлеровской Германии, 1941 г., 80 л.

Ф. П-533. Воспоминания участников Октябрьской революции, гражданской и Второй мировой войн (коллекция) Спогади учасників Жовтневої революції, громадянської і Другої світової війн (колекція), 1917–1995 гг.

Оп.1.

- 1.28. Д.215. Воспоминания Астраханя З.И., Когана И.Б., Никиенко И.И. об организации народного ополчения в Центрально-городском и

Ленинском районах г. Донецка во время Великой Отечественной войны, 1948 г., 1 л.

- 1.29. Д.216. Воспоминания Барановского Самуила Михайловича о постройке оборонительных укреплений студентами Донецкого индустриального института в период Великой Отечественной войны, 1964 г., 1 л.
- 1.30. Д.223. Воспоминания Гехта Соломона Абрамовича, бывшего секретаря Волновахского райкома КП(б)У о работе Волновахского райкома в начальный период Великой Отечественной войны, 1965 г., 25 л.
- 1.31. Д.237. Воспоминания полковника Могутова А. об освобождении Донбасса от фашистских захватчиков, 1964 г., 13 л.

Государственный архив Луганской Народной Республики, г. Луганск

Ф. Р-1748. Исполком Луганского городского совета народных депутатов. 1943–1990 гг.

Оп. 2.

- 1.32. Д.1. Письменные работы-воспоминания учащихся общеобразовательных школ Ворошиловградской области о пребывании в немецко-фашистской оккупации в период Великой Отечественной войны (архивная коллекция). г. Ворошиловград. Том 1. Письменные работы-воспоминания учащихся средней школы № 3 города Ворошиловграда о пребывании в немецко-фашистской оккупации в период ВОВ (А–К), т.1, 277 л.
- 1.33. Д.3. Письменные работы-воспоминания учащихся начальной школы №8 и неполных средних школ №№9, 10, 13 города Ворошиловграда о пребывании в немецко-фашистской оккупации в период Великой Отечественной войны. 23 ноября – 4 декабря 1943 г., 316 л.

Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины, г. Киев

Ф. 13. Тайное делопроизводство НКВД-КГБ. 1934–1991 гг.

Оп.34

- 1.34. Д.5. Спецсообщения о политических настроениях населения УССР в связи с военными действиями, 1941 г., 371 л.

Інв. ж.23/20

- 1.35. Спр.1168. Дело по авиабазе американских ВВС, производивших челночные операции и базировавшихся на аэродромах СССР Полтава–Миргород–Пирятин, 1944 г., 373 л.

Архивные научные фонды рукописей и фонозаписей Института искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М. Ф. Рыльского, г. Киев

Ф. 14-3. Институт искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М. Ф. Рыльского. Фольклорно-этнографические материалы собирателей. 1945 г.–н. время.

- 1.36. Д.55. Попов П.М., Плісецький М.М., Родіна М.С. Фольклор Великої вітчизняної війни 1941–1945 рр., ч.І, 300 л.
- 1.37. Д.56. Фольклор Великої Вітчизняної війни, Ч. II, 1945 р., 678 арк.
- 1.38. Д.57. Тарасенко Н.Д. Народна творчість, записана в Сталінській обл. 1949 р., 91 арк.
- 1.39. Д.95. Попов П.М., Родіна М.С., Плісецький М.М. Збірник фольклору Великої Вітчизняної війни 1941–1945 рр. Гранки. 1945 р., 534+1 (235а) л.
- 1.40. Д.115. Тарасенко Н.Д. Усна народна творчість, записана в Сталінській області, 1951–1952 рр., 48 л.

Ф. 14-5. Институт искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М. Ф. Рыльского. Фольклорно-этнографические материалы собирателей. 1945 г.–н. время.

- 1.41. Д.2. Матеріали експедиції до Вінницької області, Ямпільській район, зібрані Сухобрус Г.С. та Калініченко Н., 15/VIII–15/IX – 1944 р., 64 арк.

- 1.42. Д.3. Матеріали експедицій до Вінницької обл. (Плисківський та Погребищанський р-ни), зібрані Джерелюком Я.С., вересень–листопад 1945 р., 55 л.
- 1.43. Д.8а. Фольклорні матеріали експедиції в м. Сталіно (Донбас), зібрані т. Джерелюком Я.С. на протязі 2–17 лютого 1946 р., 77 л.
- 1.44. Д.29. Фольклорні матеріали експедиції в Вінницьку область, зібрані т. Стельмахом М.О. на протязі липня 1947 р., 19 л.
- 1.45. Д.31б. Джерелюк Т.М. Пісні (без мелодій), частушки, вірші, розповіді, казки, прислів'я та приказки. Про рекрутчину, про любов, про революційну боротьбу, про часи Великої Вітчизняної війни, про перемогу, сатира на німців, про Вождя і батьківщину, про природу, фантастика, 1947 р., 132 л.
- 1.46. Д.63. Матеріали експедиції по збиранню партизанського фольклору до Сумської і Чернігівської обл. в складі: Ткаченко Ф.Д. (нач. експедиції), Ященко Л., Дзеря Г.Т. з 12/VII по 8/VIII 1949 р., 236 л.

Фонды Донецкого республиканского краеведческого музея, г. Донецк

Документы советского периода

- 1.48. Альбом Ивана Кекуха, ученика школы № 68, члена подпольной Авдотьино-Буденновской организации, 1943 г.
- 1.49. Листовка «Убей немца-душегуба, не дай ему уйти живым!» – НВФ 7946.

Домашний архив семьи Червяченко-Горбовых

- 1.50. Фотоальбом Ангелины Петровны Червиченко (Подольской), 1943–1946 гг.
- 1.51. Письмо красноармейца Кузнецова к М.М.Подольской, 28.07.1944 г.

Домашний архив семьи Носковых-Сергеевых

- 1.52. Фотоальбом Нинель Анатольевны Носковой (Сергеевой), 1937–1991 гг.

2. Опубликованные документы и материалы

- 2.53. Война: 1941–1945 / Шеф-редактор Сергей Кудряшов // Вестник Архива Президента Российской Федерации. – М., 2010. – 512 с.
- 2.54. Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги / Н.А.Араловец, В.Б.Жиромская, И.Н.Киселев. – М.: Ин-т истории СССР, 1991. – 240 с.
- 2.55. Всесоюзная перепись населения 1939 г. основные итоги / Под ред. Ю.А.Полякова. – М.: Наука, 1992. – 256 с.
- 2.56. Герои и подвиги: советские листовки Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // АН СССР, Ин-т истории, Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Гос. музей революции СССР, Центр. музей Советской Армии; Ин-т истории (Москва), Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Гос. музей революции СССР / Сост.: В.Н.Евстигнеев, С.М.Кляцкин, В.Г.Вержбицкий и др. – М.: Госполитиздат, 1958. – 563 с.
- 2.57. Донецкая область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): Сб. документов и материалов / Сост. В.И.Лебедев и др.; ред. кол. Е.Д.Клерфон (отв. ред.). – Донецк: Донбасс, 1980. – 311 с.
- 2.58. Донецкая область за 50 лет: Стат. сб. – Донецк: Статистика, 1967. – 232 с.
- 2.59. Забота партии и правительства о благе народа (1941–1953): сб. док. / Сост. М.С.Смиртюков. – М.: Политиздат, 1980. – 751 с.
- 2.60. Зубкова Е.Ю. Советская жизнь. 1945–1953 / Сост. Зубкова Е.Ю., Кошелева Л.П., Кузнецова Г.А. и др. – М.: РОС ПЭН, 2003. – 720 с. – (сер. «Документы советской истории»).
- 2.61. Закон України «Про соціальний захист дітей війни» від 18.11.2004 №2195-IV // Відомості Верховної Ради України. – 2005. – № 4. – Ст.94.
- 2.62. История государства и права СССР: Сб. док.: в 3 ч. Ч.2 / Сост. А.Ф.Гончаров, Ю.П.Титов. – М.: Юридическая литература, 1969. – 338 с.

- 2.63. Калинин М.И. Будущее принадлежит вам / М.И.Калинин. – М.: Молодая гвардия. – 112 с.
- 2.64. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т.2: 1917–1922 / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 9-е изд., доп., испр. – М.: Политиздат, 1983. – 606 с.
- 2.65. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т.7: 1938–1945 / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 9-е изд., доп., испр. – М.: Политиздат, 1985. – 574 с.
- 2.66. Луганская область за 50 лет: Стат сб. – Донецк: Статистика, 1967. – 206 с.
- 2.67. Луганщина в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.: Сборник материалов и документов / В.В.Шевченко (руководитель). – Донецк: Донбасс, 1969. – 375 с.
- 2.68. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. 1917–1973 гг.: сб. док. / Сост. А.А.Абакумов, Н.П. Кузин, Ф.И.Пузырев, Л.Ф.Литвинов. – М.: Педагогика, 1974. – 558 с.
- 2.69. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сб. документов. Т.2, кн.2: Начало, 22 июня – 31 августа 1941 года / Ред. кол.: Н.П.Патрушев (пред.). – М.: Изд-во «Русь», 2000. – 719 с.
- 2.70. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сб. документов. Т.3, кн.2: От обороны к наступлению, 1 июля – 31 декабря 1942 года / Ред. кол.: Н.П.Патрушев (пред.). – М.: Изд-во «Русь», 2003. – 700 с.
- 2.71. Первый Всесоюзный съезд советских писателей, 1934: Стенографический отчет. – М.: Художественная литература, 1934. – 719 с.
- 2.72. Русский архив: Великая Отечественная. Т.17-6 (1-2): Главные политические органы Вооруженных Сил СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Документы и материалы / Под.

общ. ред. Золотарева В.А.; [Ин-т. военной истории МО РФ, Российский государственный военный архив]. – М.: ТЕРРА, 1996. – 672 с.

- 2.73. Русский архив: Великая Отечественная. Т.20 (9): Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы / Под. общ. ред. Золотарева В.А.; [Ин-т. военной истории МО РФ, Российский государственный военный архив]. – М.: ТЕРРА, 1999. – 672 с.
- 2.74. Сборник документов и материалов по вопросам труда в период Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г. – 5 января 1944 г.) / Под ред. А.П.Ляпина. – М., 1949. – 345с.
- 2.75. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. / Сост. М.И.Юмашев, Б.А.Жалейко; под ред. Мандельштам Ю.И. – М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1956. – 500 с.
- 2.76. Сборник законодательных и инструктивных материалов по государственному обеспечению семей военнослужащих / Сост. Мациненко М.Т., Гитман Ш.С., Прокопова Т.К. – К.: Минсоцобеспечения УССР, 1948. – 48 с.
- 2.77. Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы / Авторы-составители А.Я.Лившин, И.Б.Орлов. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2007. – 806 с. – (Документы советской истории).
- 2.78. Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских зверств и их сообщников и причиненного ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР. О разрушениях, причиненных немецко-фашистскими злодеями промышленности, городскому хозяйству, культурно-просветительским учреждениям Сталинской области. — М.: Госиздат, 1943. – 16 с.

- 2.79.** Сообщения Советского информбюро: в 8 кн. – М.: Издание Совинформбюро, 1944–1945. –
Т.1: Июнь–декабрь 1941 года. – 1944. – 456 с.
- 2.80.** Т.2: Январь–июнь 1942 года. – 1944. – 388 с.
- 2.81.** Т.3: Июль–декабрь 1942 года. – 1944. – 434 с.
- 2.82.** Т.4: Январь–июнь 1943 года. – 1944. – 408 с.
- 2.83.** Т.5: Июль–декабрь 1943 года. – 1944. – 316 с.
- 2.84.** Т.6: Январь–июль 1944 года. – 1944. – 296 с.
- 2.85.** Т.7: Июль–декабрь 1944 г. – 1944. – 320 с.
- 2.86.** Т.8: Январь–май 1945 года. – 1945. – 216 с.
- 2.87.** Спасибі великому Сталіну. Збірка листів І. В. Сталіну від українського народу з нагоди визволення України від німецько-фашистських загарбників. – К.: Укрдержвидав, 1945. – 124 с.
- 2.88.** Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза / И.Сталин. – Изд. 5-е. – М.: Госполитиздат, 1950. – 373 с.
- 2.89.** Указатель важнейших решений партии и правительства во время Великой Отечественной войны / Сост. Е.Н.Морозова, ЮК.Стрижков. – М.: Ин-т истории АН СССР, 1980. – 184 с.
- 2.90.** Указатель важнейших решений партии и правительства во время Великой Отечественной войны. Вып. II / Сост. Е.Н.Морозова, ЮК.Стрижков. – М.: Ин-т истории АН СССР, 1980. – 354 с.

3. Газетная и журнальная периодика 1938–1945 гг.

Правда, г. Москва

- 3.91.** Олеша Ю. Фашисты перед судом народа» / Юрий Олеша // Правда. – 1938. – 17 марта.
- 3.92.** В героическом труде куется победа над врагом // Правда. – 1941. – 25 июня.
- 3.93.** Нота народного комиссара иностранных дел тов. В. М. Молотова о повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах

германских властей на захваченных ими советских территориях // Правда. – 1942. – 7 января.

3.94. Ахматова А. Мужество / Анна Ахматова // Правда. – 1942. – 8 марта.

3.95. Демонстрация патриотизма украинского народа // Правда. – 1944. – 10 февраля.

3.96. Месячник помощи детям военнослужащих // Правда. – 1944. – 13 февраля.

3.97. Шагинян М. Встреча на Красной площади / Мариэтта Шагинян // Правда. – 1945. – 25 июня.

Красная звезда, г. Москва

3.98. Нота народного комиссара иностранных дел тов. В.М.Молотова // Красная звезда. – 1942. – 28 апреля.

3.99. Эренбург И. Убей! / Илья Эренбург // Красная звезда. – 1942. – 24 июня.

3.100. Помощь семьям фронтовиков (ред.) // Красная звезда. – 1943. – 28 февраля.

3.101. Катаев В. Труба зовет / Валентин Катаев // Красная Звезда. – 1943. – 2 декабря.

Известия, г. Москва

3.102. Тэсс Т. Кровь детей вызывает к мщению / Татьяна Тэсс // Известия. – 1942. – 17 марта.

3.103. Кассиль Л. Ироды / Лев Кассиль // Известия. – 1942. – 26 марта.

Правда Украины, г. Киев

3.104. «Дядя, разминируйте и мой домик» (Из серии «Первые дни освобожденного Харькова»). Рис. И. Баланивского Рисунок с девочкой // Правда Украины. – 1944. – 7 мая.

3.105. Сосюра В. Костя Кравчук / Володимир Сосюра // Правда Украины. – 1944. – 9 июня.

3.106. Гапоненко М. Юная патриотка Нина Фарафонова / М.Гапоненко // Правда Украины. – 1944. – 25 июня.

Комуніст, г. Киев

3.107.Трублаїні М. Соколята / Микола Трублаїні // Комуніст. – 1940. – 18 серпня

3.108.Марш аерофлоту (переклад) // Комуніст. – 1940. – 18 серпня.

Соціалістична Харківщина, г. Харьков

3.109.Демонстрація патріотизму українського народу // Соціалістична Харківщина. – 1944. – 12 февраля.

Социалистический Донбасс, г. Сталино (Донецк)

3.110.Михайловский А. Первый урок / А.Михайловский // Социалистический Донбасс. – 1939. – 3 сентября.

3.111.Студенты и школьники отправляются на сборку урожая // Социалистический Донбасс. – 1941. – 2 июля.

3.112.Самоотверженная работа на полях // Социалистический Донбасс. – 1941. – 5 июля.

3.113.Зимин А. Школьники на сборе урожая / А.Зимин // Социалистический Донбасс. – 1941. – 25 июля.

3.114.Комсомольцы собирают металлом // Социалистический Донбасс. – 1941. – 25 июля.

3.115.Пионеры собирают металлический лом // Социалистический Донбасс. – 1941. – 31 июля.

3.116.Иванов В. Зверства немцев в г. Осипенко (Бердянск) / Иванов В. // Социалистический Донбасс. – 1941. – 2 августа.

3.117.Розенберг М. Работу школы на военный лад / М.Розенберг // Социалистический Донбасс. – 1941. – 14 августа.

3.118.Забота о семьях красноармейцев // Социалистический Донбасс. – 1941. – 3 сентября.

3.119.Детские дома для сирот // Социалистический Донбасс. – 1943. – 1 декабря.

3.120.Борисенко В. Забота о детях / В.Борисенко // Социалистический Донбасс. – 1943. – 1 декабря.

- 3.121.Окунев А. Рассказ белорусской девушки / А.Окунев // Социалистический Донбасс. –1943. – 4 декабря.
- 3.122.Черкашина Л. Маша / Л.Черкашина // Социалистический Донбасс. – 1943. – 5 декабря.
- 3.123.Иванов В. Смерть убийцам! / Иванов В. // Социалистический Донбасс. – 1943. – 17 декабря.
- 3.124.Хомченко А. Подарки бойцам / А.Хомченко // Социалистический Донбасс. – 1943. – 19 декабря.
- 3.125.Материнское спасибо // Социалистический Донбасс. – 1943. – 19 декабря.
- 3.126.Гаркуша А. Рассказ девочки / А.Гаркуша // Социалистический Донбасс. – 1944. – 1 января.
- 3.127.Черкашина Л. Ненависть маленьких / Л.Черкашина // Социалистический Донбасс. – 1944. – 28 января
- 3.128.Построим эскадрилью самолетов «Освобожденный Донбасс» // Социалистический Донбасс. – 1944. – 11 февраля.
- 3.129.Самолеты «Освобожденный Донбасс» громят врага // Социалистический Донбасс. – 1944. – 12 мая.
- 3.130.Организовать летний отдых для детей // Социалистический Донбасс. – 1944. – 27 мая.
- 3.131.Окунев А. Наш святой долг / Окунев А. // Социалистический Донбасс. – 1944. – 28 мая.
- 3.132.Черкашина Л. В фонд помощи детям фронтовиков / Л.Черкашина // Социалистический Донбасс. – 1944. – 28 мая.
- 3.133.Будет открыт детский дом // Социалистический Донбасс. – 1944. – 27 ноября.
- 3.134.Маршал Г. К. Жуков – горловским детям // Социалистический Донбасс. – 1945. – 13 марта.

Сталинский рабочий, г. Сталино (Донецк)

3.135.Струпинский Б.Л. На улицах города / Б.Л.Струпинский // Сталинский рабочий. – 1938. – 31 декабря.

3.136.В Госцирке «Шапито» [фото] // Сталинский рабочий. – 1936. – 17 июля.

Артемівський робітник, г. Артемовск

3.137.Сумні підсумки (ТАРС) // Артемівський робітник. – 1938. – 1 січня.

3.138.Життя обложеного Мадрида (власн. інф) // Артемівський робітник. – 1938. – 8 січня.

Прапор індустріалізації, г. Константиновка

3.139.Сегодня выпуск летчиков Константиновского аэроклуба // Прапор індустріалізації. – 1934. – 19 декабря.

Ленинское знамя, г. Киев.

3.140.Эренбург И. Июнь... / И.Эренбург // Ленинское знамя. – 1944. – 23 апреля.

Огонек, г. Москва

3.141. Цейтлин Б. «Облик фашистских гуннов» / Цейтлин Б. // Огонек . – 1943. – 31 января

3.142. Осин Д. Надейка / Осин Д. // Огонек. – 1944. – 31 марта

3.143. Героическая оборона Ленинграда // Огонек. – 1944. – 31 марта

3.144. Детям Украины с Дальнего Востока // Огонек. – 1944. – 31 марта

4. Источники личного происхождения (письма, дневники, мемуары)

4.146.Азаров В. Всеволод Витальевич Вишневский / Всеволод Азаров. – Л.: Лениздат, 1966. – 396 с.

4.147.Барто А. Записки детского поэта // Собр. соч.: в 4 т. Т.1: Проза / Агния Барто. – М.: Художественная литература», 1981. – С. 245–485.

4.148.Великая Отечественная в письмах / Сост. В.Г.Гришин. – 2-е изд., доп. – М.: Политиздат, 1983. – 351 с.

4.149.Верт А. Россия в войне 1941–1945 / Александр Верт; пер. с англ. – Смоленск: Русич, 2003. – 672 с.

- 4.150.Вишневский Вс. Собр. соч.: в 5 т. Т.3: Дневники военных лет. 1941–1942 / Всеволод Вишневский – М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1956. – 772 с.
- 4.151.Вишневский Вс. Собр. соч.: в 5 т. Т.4: Дневники военных лет. 1943–1945 / Всеволод Вишневский – М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1958. – 932 с.
- 4.152.Говорят погибшие герои: Предсмертные письма советских борцов против немецко-фашистских захватчиков (1941–1945 гг.) / Ред. В.Кондратьев, З.Политов. – 8-е изд. – М.: Политиздат, 1986. – 398 с.
- 4.153.Горбачев В.Т. Автобиография / Горбачев В.Т. // Енакиево без войны: сайт о жизни города и его жителях [Электронный ресурс]. – Режим доступа к ресурсу: <http://gorbachovbogdan.ru/2012/10/31/gorbachev-v-t-avtobiografiya>
- 4.154.Долматовский Е. Было. Записки поэта / Евг. Долматовский. – М.: Советский писатель, 1982. – 800 с.
- 4.155.Долматовский Е. Было. Записки поэта. Новые страницы / Евг. Долматовский. – М.: Советский писатель, 1988. – 432 с.
- 4.156.Донской М. Мы сражались своим искусством / Марк Донской // Советская культура в годы Великой Отечественной войны / М.П.Ким (отв. ред.). – М.: Наука, 1976. – С.252–255.
- 4.157.Ефимов Б. Мои встречи / Борис Ефимов. – М.: Вагриус, 2005. – 496 с.
- 4.158.Захаров Я. Атакуют шахтеры / Яков Захаров. – изд. 2-е, доп. – Донецк: Донбасс, 1980. – 240 с.
- 4.159.Захаров Я.И. Орден твоего отца / Я.И.Захаров. – М.: Изд-во ДОСААФ, 1988. – 112 с.
- 4.160.Иванов В.С. Как создается плакат / В.С.Иванов. – М.: Академия художеств СССР, 1963. – 60 с.
- 4.161.Иващенко В. Очень просто / Владимир Иващенко. – М.: «Советская Россия», 1974. – 208 с.

- 4.162. Кольцова М.М. Опаленные блокадой / М.М.Кольцова. – СПб.: Центр развития культур. инициатив, Издательство Виктора Немтинова, 2005. – 104 с.
- 4.163. Киселева Т. Дети на фронте (из писем командира опергруппы «СМЕРШ») / Таня Киселева [Электронный ресурс] // Проза.ру. – Режим доступа к ресурсу: <https://www.proza.ru/2015/10/29/1376>
- 4.164. Корецкий В. Товарищ плакат. Опыт, размышления / В.Корецкий. – М.: Плакат, 1981. – 128 с.
- 4.165. Либединская Л. Зеленая лампа / Лидия Либединская. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 475 с.
- 4.166. Лотман Ю.М. Не-мемуары // Воспоминания. Беседы. Интервью / Ю.М.Лотман. – СПб: «Искусство-СПб», 2005. – С.8–51.
- 4.167. Матусовский М. Семейный альбом / М.Матусовский. – М.: Советский писатель, 1983. – 432 с.
- 4.168. Машинин К. Элина Быстрицкая – фронтовая встреча / К.Машинин // Нева. – 2003. – №8. – С.233–237.
- 4.169. Мейер К. Немецкие гренадеры / Курт Мейер. – М.: Центрполиграф, 2007. – 335 с.
- 4.170. Мелетинский Е.М. Моя война // Избранные статьи. Воспоминания / Е.М.Мелетинский; отв. ред. Е.С.Новик. – 2-е изд, доп. – М.: Рос. Гос. Гуманит. Ун-т, 2008. – С.433–489.
- 4.171. Михайлов Н. Покой нам только снится / Н.Михайлов. – М.: Молодая гвардия, 1972. – 416 с.
- 4.172. Народная артистка СССР Элина Быстрицкая о войне, героизме, самоотдаче и цене Победы. «По обожженной степи ветер гнал тысячи солдатских писем...» // Победа. Спецпроект Ленты.ру. – 2015. – 20 апреля [Электронный ресурс]. – Режим доступа к ресурсу: <https://lenta.ru/articles/2015/04/20/pobedabistrickaia/>
- 4.173. Носков Ю.В. Военная судьба Эны Подольской (с публикацией ее детского дневника) // Медицина в художніх образах: Статті. Вип.10 /

- Укладач і голов. ред. Заблоцька К.В. – Донецьк: Норд-прес, 2012. – С.62–85
- 4.174.Ортенберг Д. Июнь–декабрь сорок первого: Рассказ-хроника / Д.Ортенберг. – М.: Советский писатель, 1986. – 352 с.
- 4.175.Петлюк Е.А. На «Малютке» / Е.А.Петлюк // Битва за Сталинград: [сборник] / Сост. А.М.Бородин, В.С.Красавин, И.М.Логинов, И.К.Морозов. – 3-е изд. – Волгоград: Н.-Волж. кн. изд-во, 1972. – С.239–246.
- 4.176.Письма А.Бичая к С.Басиной [Письма военных лет]; [Прислала материал для публикации на сайте www.world-war.ru Нина Макарова] [Электронный ресурс] // Непридуманные рассказы о войне: проект. – Режим доступа к ресурсу: <http://www.world-war.ru/pisma-a-bichaya-k-s-basinoj/>
- 4.177.Письма с фронта. Очерки, дневники, письма, фотографии. – Донецк: Донбасс, 1974. – 176 с.
- 4.178.Покрышкин А.И. Небо войны / А.И.Покрышкин. – 5-е изд. – М.; Воениздат, 1975. – 470 с.
- 4.179.Прокофьев С. Художник и война / Сергей Прокофьев // Музы вели в бой. Деятели литературы и искусства в годы Великой Отечественной войны. – М.: АПН, 1985. – С.142–144.
- 4.180.Ржевская Е.М. За плечами XX век / Елена Ржевская. – М.: АСТ, Астрель, Полиграфиздат, 2011. – 640 с.
- 4.181.Савельев С. Записки литературного следопыта / С.А.Савельев. – М.: Молодая гвардия, 1969. – 256 с.
- 4.182.Селетков Евгений Семенович. Не писал тебе слишком давно [Письма военных лет]; [Подготовила к печати специалист Курганского госархива И.Викулина] [Электронный ресурс] // Непридуманные рассказы о войне: проект. – Режим доступа к ресурсу: <http://www.world-war.ru/ne-pisal-tebe-slishkom-davno/>

- 4.183. Стахів Є. Останній молодогвардієць / Євген Стахів; упоряд. В. Абліцов. – К.: Варта, 2004. – 496 с.
- 4.184. Твардовский А. Письма с войны. 1941–1945 / Александр Твардовский; [подготовка текста, предисловие, примечания, указ. Имен В.А. и О.А. Твардовских]. – М.: Книжный клуб 36/6, 2015. – 432 с.
- 4.185. Фадеев А. Из записных книжек (1924–1950) / Александр Фадеев // Собр. соч.: в 7 т. Т.6: Статьи и речи, рецензии и заметки, записные книжки. – М.: Художественная литература, 1971. – С.365–518.
- 4.186. Феоктистов К.П. Траектория жизни / Константин Феоктистов. – М.: Вагриус, 2000. – 379 с.
- 4.187. XX век: Письма войны / С.Ушакин, А.Голубев, сост., вступ. статья, ред; Е.Гончарова, И.Реброва, подготовка документов. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 840 с.
- 4.188. Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962: в 3 т. Т.2: / Лидия Чуковская. – М.: Согласие, 1997. – 832 с.
- 4.189. Чуковский К.И. Дневник: в 3 т. Т.3: 1936–1939 / Сост., подгот. текста, коммент Е.Чуковской. – М.: ПРОЗАиК, 2011. – 640 с.
- 4.190. Штейн А. Повесть о том, как возникают сюжеты / Александр Штейн. – М.: Советский писатель, 1981. – 576 с.
- 4.191. Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь: книги четвертая и пятая / И.Г.Эренбург. – М.: Текст, 2005. – 573 с.

5. Фольклор, художественная литература, публицистика

- 5.191.** Адамович А. Я из огненной деревни / Алесь Адамович, Янка Брыль, Владимир Колесник. – М.: Советский писатель, 1991. – 720 с.
- 5.192.** Алексиевич С. Последние свидетели. Соло для детского голоса / Светлана Алексиевич. – М.: Время, 2008. – 304 с.
- 5.193.** Алтаузен Д. Стихотворения / Джек Алтаузен; предисл. А. Жарова – М.: Гослитиздат, 1959. – 207 с.

- 5.194.** Антокольский П. Собр. соч.: в 4 т. Т.2: Стихотворения и поэмы, 1941–1971 / Павел Антокольский. – М.: Художественная литература, 1971. – 527 с.
- 5.195.** Антология военной песни / Сост. и автор предисл. В. Калугин. – М.: Эксмо, 2006. – 800 с.
- 5.196.** Асеев Н. Собр. соч.: в 5 т. Т.4: Стихотворения и поэмы 1941–1963. Переводы / Николай Асеев. – М.: «Художественная литература», 1964. – 592 с.
- 5.197.** Астафьев В. Затеси / Виктор Астафьев. – М.: Молодая гвардия, 1972. – 236 с.
- 5.198.** Ахматова А. Сочинения: в 2 т. Т.1: Стихотворения и поэмы / Анна Ахматова. – М.: «Художественная литература», 1987. – 512 с.
- 5.199.** Барто А. Собр. соч.: в 4 т. Т.2: Стихи и поэмы / Агния Барто. – М.: «Художественная литература», 1981. – 558 с.
- 5.200.** Богомолов В. Момент истины: Момент инстинкты (В августе сорок четвертого...) Роман. История создания романа. Из рабочих тетрадей. Глава, не вошедшая в роман. История публикации. Об истине и активной псевдокомпетенции. В переписке с читателями / Владимир Богомолов; сост., подгот. текста, коммент Р.А.Глушко. – М.: Вагриус, 2007. – 704 с.
- 5.201.** Богомолов В. Иван // Соч.: в 2 т. Т.II: Сердца моего боль / Владимир Богомолов. Сост., подгот. текста, коммент Р.А.Глушко. – М.: Вагриус, 2008. – С.13–81.
- 5.202.** Вахов А.А. Девять бесстрашных / Вахов А.А. – Л.: Лениздат, 1944. – 167 с.
- 5.203.** Вишневский Вс. Говорит советский народ / Всеволод Вишневский // Собр. соч.: в 5 т. Т.5: Статьи и очерки. Путевые дневники. – М.: Гос. Изд-во художественной литературы, 1960. – С.299–306.
- 5.204.** Гайдар А. Собр. соч.: в 3 т. Т.2 / Аркадий Гайдар; сост., общ. ред., прим. Т.А.Гайдар. – М.: Правда, 1986.

- 5.205.** Гайдар А. Собр. соч.: в 3 т. Т.3 / Аркадий Гайдар; сост., общ. ред., прим. Т.А.Гайдар. – М.: Правда, 1986. – 448 с.
- 5.206.** Горбатов Б. Годы борьбы. Произведения военных лет / Борис Горбатов. – М.: Воениздат, 1955. – 520 с.
- 5.207.** Гранберг М. Это было в селе Покровском. Рассказ о подпольной пионерской организации «КСП» (1941–1943 годы) / Гранберг М. – Донецк: Донецкое книжное издательство, 1962. – 51 с.
- 5.208.** Гранин Д. Блокадная книга / Даниил Гранин, Алесь Адамович. – СПб.: Лениздат, 2013. – 576 с.
- 5.209.** Гусев В. Голос страны / В.Гусев // Литературная газета. – 1937. – 26 января.
- 5.210.** Дыхнэ С. Вася Курка – снайпер / С.Дыхнэ // Дети-герои / Сост. И.К.Гончаренко, Н.Б.Махлин. – 2-е изд. – К.: Радянська школа, 1985. – С.325–331.
- 5.211.** Исаковский М. Письмо по радио // Собр. соч.: в 5 т. Т.2: Стихотворения; Песни; Переводы / М.Исаковский. – М.: Художественная литература, 1981. – С.42–46.
- 5.212.** Кассиль Л. Дорогие мои мальчишки / Лев Кассиль. – М.: Высшая школа, 1987. – 384 с.
- 5.213.** Кассиль Л. Великое противостояние / Лев Кассиль. – М.: Детская литература, 1980. – 400 с.
- 5.214.** Кассиль Л.А. Черемыш – брат героя / Л.А.Кассиль. – М.: «Детская литература», 1972. – 96 с.
- 5.215.** Кассиль Л.А. Улица младшего сына / Л.А.Кассиль, М.Л. Поляновский. – М.: Детская литература, 1985. – 480 с.
- 5.216.** Катаев В. Сын полка / В.Катаев. – М.: Детгиз, 1947. – 287 с.
- 5.217.** Кедрин Д. Избранные произведения / Дмитрий Кедрин. – Л.: Советский писатель, Ленинградское отделение, 1974. – 584 с.

- 5.218.** Колотович А.Д. Дорогие мои краснодонцы: повесть / А.Д.Колотович, Н.П.Осинин. – Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1968. – 160 с.
- 5.219.** Крупянская В.Ю. Материалы по истории песни Великой Отечественной войны / В.Ю.Крупянская, С.Ю.Минц. – М.: изд-во АН СССР, 1953. – 212 с.
- 5.220.** Маршак С. Сочинения: в 4 т. Т.1: Стихи, сказки, песни / С. Маршак. – М.: Гослитиздат, 1958. – 702 с.
- 5.221.** Михалков С. Собр. соч.: в 3 т. Т.1: Стихи и сказки / С.Михалков. – М.: «Детская литература», 1970. – С.12–13.
- 5.222.** Михалков С. Собр. соч.: в 6 т. Т.2: Стихотворения. рассказы / Сергей Михалков. – М.: Художественная литература, 1981. – 336 с.
- 5.223.** Недогонов А. Стихотворения / Алексей Недогонов. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. – 254 с.
- 5.224.** Носков В.А. Река, текущая во времени: Стихи разных лет / В.А.Носков. – Донецк, 2008. – 136 с.
- 5.225.** Пісні та хори про Велику Вітчизняну війну. – К.: Українське державне видавництво, 1944. – 242 с.
- 5.226.** Платонов А. Смерти нет! Рассказы и публицистика 1941–1945 годов / Андрей Платонов; сост., подготовка текста, комм. Н.В.Корниенко. – М.: Время, 2010. – 544 с.
- 5.227.** Платонов А. Сухой хлеб: Рассказы, сказки / Андрей Платонов; сост., подготовка текста, комм. Н.В.Корниенко. – М.: Время, 2011. – 416 с.
- 5.228.** Пословицы и поговорки Великой Отечественной войны / Сост. П.Ф.Лебедев. – М.: Воениздат, 1962. – 208 с.
- 5.229.** Приставкин А. Трудное детство. Маленькие рассказы / Анатолий Приставкин // Юность. – 1959. – №6. – С.48–54.

- 5.230.**Светлов М. Собр. соч.: в 3 т. Т. 1: Стихотворения и поэмы. Эпиграммы. Переводы / Михаил Светлов. – М.: Художественная литература, 1974. – 784 с.
- 5.231.**Сельвинский И. Я это видел! Стихотворения и поэмы / Илья Сельвинский. – М.: Советская Россия, 1985. – 160 с.
- 5.232.**Симонов К. Стихи о войне / Константин Симонов. – М.: ЭКСМО, 2010. – 366 с.
- 5.233.**Слуцкий Б. Время моих ровесников / Борис Слуцкий. – М.: Детская литература, 1977. – 159 с.
- 5.234.**Смирнов С.С. Брестская крепость / С.С.Смирнов. – М.: КоЛибри, 2010. – 480 с.
- 5.235.**Сурков А. Смелого пуля боится... Стихи и песни / Алексей Сурков. – М.: Воениздат, 1964. – 400 с.
- 5.236.**Твардовский А. Собр. соч: в 4 т. Т.2: Фронтовая хроника. Василий Теркин / А.Т.Твардовский. – М.: «Художественная литература», 1959. – 376 с.
- 5.237.**Твардовский А.Т. Собр. соч.: в 4 т. Т.4: Очерки, рассказы, статьи / А.Т.Твардовский. – М.: «Художественная литература», 1960. – 496 с.
- 5.238.**Толстой А. Что мы защищаем / Алексей Толстой. – М.: Госполитиздат, 1941. – 7 с.
- 5.239.**Фадеев А.А. Молодая гвардия / А.А.Фадеев. – Л.: Лениздат, 1947. – 548 с.
- 5.240.**Фадеев А.А. Разгром. Молодая гвардия / Фадеев А.А. – М.: Художественная литература, 1979. – 746 с.
- 5.241.**Чуковский К. Дети и война / К.Чуковский // Медаль за бой, медаль за труд / Сост. Владимир Караваев. М.: Молодая гвардия, 1975. – С.143–145.
- 5.242.**Чуковский К. Дети и война / К.Чуковский // Медаль за бой, медаль за труд / Сост. Владимир Караваев. М.: Молодая гвардия, 1975. – С.143–145.

- 5.243.** Швець Н. Молодший брат Матросова / Швець Н. // Вічно живі – К.: Веселка, 1966. – 112 с.
- 5.244.** Эренбург И.Г. Война. 1941–1945 / И. Г. Эренбург. – М.: ООО «Агентство «КРПА Олимп»; ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2004. – 796 с.
- 5.245.** Эренбург И. Стихи. 1938–1958 / Илья Эренбург. – М.: Советский писатель, 1959. – 126 с.

5. Интервью

- 5.246.** Армен Жанна Валентиновна, 1937 г. рожд, г. Донецк, запись сделана 26 августа 2007 г.
- 5.247.** Белозерцев А. Гвардеец тыловой [Интервью с В.В.Гусевым] / Анатолий Белозерцев // Советская Россия. – 2005. – 21 апреля.
- 5.248.** Богно Людмила Григорьевна, 1937 г. рожд., г. Днепк, запись сделана 9 июля 2011 г.
- 5.249.** Болонова Людмила Николаевна, 1939 г. рожд., г. Донецк, запись сделана 5 октября 2007 г.
- 5.250.** Бубело Василий Иванович, 1936 г. рожд., с. Ивановполье, Константиновского р-на Донецкой обл., запись сделана 25 августа 2007 г.
- 5.251.** Буханченко Раиса Васильевна, 1929 г. рожд., г. Донецк, запись сделана 13 августа 2007 г.
- 5.252.** Варакута (Киндерес) Валентина Тимофеевна 1938 г. рожд., г. Донецк, запись сделана 19 октября 2009 г.
- 5.253.** Великая Отечественная война глазами детей: исторические источники мемуарного характера // Великая Отечественная война глазами детей: исторические источники мемуарного характера / Сост.: Анпилогова Т.Ю., Зверуха И.А., Королева Г.И., Носков В.Ю.; под общ. ред. Т.Ю.Анпилоговой. – Луганск, 2016. – 212 с.

- 5.254.**Винницький Давид Владимирович, 1942 г. рожд., г. Киев, запись
сделана 23 августа 2010 г.
- 5.255.**Волгина Ольга Михайловна, 1934 г. рожд., г. Донецк, запись сделана
16 марта 2015 г.
- 5.256.**Гайсинович Александр Абович, 1937 г. рожд., г. Донецк, запись
сделана 17 октября 2007 г.
- 5.257.**Гребенюк Матрена Гавриловна, 1927 г. рожд., с. Ивановполье,
Константиновского р-на Донецкой обл., запись сделана 1 августа
2007 г.
- 5.258.**Грибанникова Майя Ивановна, 1928 г. рожд., г. Донецк, запись сделана
14 октября 2007 г.
- 5.259.**Грищенко Нина Александровна (Беликова), 1939 г. рожд., г. Донецк,
запись сделана 29 октября 2011 г.
- 5.260.**Груба Лидия Ильинична, 1938 г. рожд., г. Донецк, запись сделана 12
августа 2007 г.
- 5.261.**Гуменюк Вера Фоминична, 1932 г. рожд., с. Ивановполье,
Константиновского р-на Донецкой обл., запись сделана 12 июля 2007 г.
- 5.262.**Дети войны. Народная книга памяти / Сост. Виктория Шервуд . – М.:
АСТ, 2015. – 974 с.
- 5.263.**Дмитриева Вера Федоровна 1930 г. рожд. – Я помню: сайт
[Электронный ресурс]. – Режим доступа к ресурсу:
<http://iremember.ru/grazhdanskie/dmitrieva-vera-fedorovna.html>
- 5.264.**Дриль Игорь Дмитриевич, 1937 г. рожд., г. Донецк, запись сделана
4 сентября 2007 г.
- 5.265.**Зайцева Елизавета Александровна (1938–2013), г. Донецк, запись
сделана 5 сентября 2007 г.
- 5.266.**Заповідаємо вам пам'ять. Місто Артемівськ і Артемівський район в
роки нацистської окупації (1941–1943) / Уклад. С.М.Сикварова,
І.А.Корнацький. – Донецьк: Світ книги, 2013. – 448 с.

- 5.267.**Иванов Михаил Николаевич / Интервью и лит. обработка Н.Чобану;
опубликовано 13 мая 2012 года // Я помню: сайт [Электронный
ресурс]. – Режим доступа к ресурсу:
<http://iremember.ru/memoirs/artilleristi/ivanov-mikhail-nikolaevich/>
- 5.268.**Интервью Марины Турсиной с братом молодогвардейца Нины
Минаевой – Владимиром Петровичем Минаевым [Электронный
ресурс] // Молодая Гвардия. Героям Краснодона посвящается: сайт. –
Режим доступа к ресурсу: <http://www.molodguard.ru/article289-3.htm>
- 5.269.**Кабанец Василий Алексеевич, 1937 г. рожд., с. Ивановполье,
Константиновского р-на Донецкой обл., запись сделана 14 августа
2007 г.
- 5.270.**Клычкова Ангелина Александровна 1929г. рожд., г. Донецк, запись
сделана 10 апреля 2015г.
- 5.271.**Козорез Всеволод Григорьевич, 1926 г. рожд., г. Донецк, запись
сделана А.В.Заблоцким 16 марта 2007 г.
- 5.272.**Корниенко Александра Прокоповна, 1934 г. рожд., с. Ивановполье,
Константиновского р-на Донецкой обл., запись сделана 25 июня 2007 г.
- 5.273.**Король Тамара Федоровна, 1938 г. рожд., г. Донецк, запись сделана
10 октября 2010 г.
- 5.274.**Кочеткова (Горбова) Надежда Георгиевна, (1929–2017), г. Донецк,
запись сделана 16 марта 2015 г.
- 5.275.**Литвинова Татьяна Павловна (1929–2008), г. Донецк, запись сделана
25 августа 2007 г.
- 5.276.**Логвиненко Анастасия Егоровна, 1927 г. рожд., с. Ивановполье,
Константиновского р-на Донецкой обл., запись сделана 21 июля 2007 г.
- 5.277.**Логутенко Юрий Владимирович, 1967 г. рожд., г. Макеевка, запись
сделана 17 сентября 2015 г.
- 5.278.**Лукиенко Мария Михайловна, 1937 г. рожд., с. Ивановполье,
Константиновского р-на Донецкой обл., запись сделана 21 июля 2007 г.

- 5.279.** Малышева Марина Ивановна, 1962 г. рожд., г. Донецк, запись сделана 16 апреля 2015 г.
- 5.280.** Мелихова Е. Жил в Ростове Витя Черевичкин... Разговор с сестрой навечно 16-летнего паронька, вошедшего в хронику Нюрнбергского процесса, легенды и народную песню / Елена Мелихова // Российская газета. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа к ресурсу: <https://rg.ru/2016/06/15/rodina-vitia-cherevichkin.html>
- 5.281.** Нор Иван Петрович, 1926 г. рожд, с. Ивановполье, Константиновского р-на Донецкой обл., запись сделана 23 августа 2007 г.
- 5.282.** Носкова Наталья Андреевна (1938–2012), г. Донецк, запись сделана 5 сентября 2007 г.
- 5.283.** Носкова (Сергеева) Нинель Анатольевна (1936–2008), запись сделана 13 августа 2007 г.
- 5.284.** Опалені війною: спогади про воєнне дитинство (1941–1945 рр.) // Опалені війною: спогади про воєнне дитинство (1941–1945 рр.) / Укл. Носков В.Ю. – Донецьк: Донецький обласний центр туризму та краєзнавства учнівської молоді, 2008. – 150 с.
- 5.285.** Побережник Вероника Станиславовна, 1936 г. рожд., с. Ивановполье, Константиновского р-на Донецкой обл., запись сделана 16 июля 2007 г.
- 5.286.** Погромская Полина Ивановна, 1927 г. рожд., г. Донецк, запись сделана 18 июля 2011 г.
- 5.287.** Поляков Юрий Александрович, 1938 г. рожд., г. Донецк, запись сделана 13 июля 2011 г.
- 5.288.** Полякова (Виноградова) Вера Петровна, 1933 г. рожд., г. Донецк, запись сделана 13 июля 2011 г.
- 5.289.** Потапенко Мария Прокоповна, 1935 г. рожд, с. Ивановполье, Константиновского р-на Донецкой обл., запись сделана 12 июня 2007 г.
- 5.290.** Потапова Ирина Владимировна, 1963 г. рожд., г. Донецк, запись сделана 3 мая 2015 г.

- 5.291.**Радченко Евгения Николаевна, 1937 г. рожд., г. Донецк, запись сделана 13 августа 2007 г.
- 5.292.**Резинков Александр Николаевич, 1936 г. рожд., с. Ивановполье, Константиновского р-на Донецкой обл., запись сделана 15 июля 2007 г.
- 5.293.**Роздобудько Алла Ивановна, 1938 г. рожд., г. Донецк, запись сделана 13 октября 2007 г.
- 5.294.**Рывкинд Арнольд Давыдович, 1930 г. рожд., г. Донецк, запись сделана 30 октября 2007 г.
- 5.295.**Рывкинд Екатерина Марковна, 1930 г. рожд., г. Донецк, запись сделана 17 октября 2007 г.
- 5.296.**Сергеева Ольга Анатольевна, 1939 г. рожд, г. Донецк, запись сделана 3 сентября 2007 г.
- 5.297.**Силаева Любовь Алексеевна, 1927 г. рожд, с. Ивановполье, Константиновского р-на Донецкой обл., запись сделана 18 октября 2007 г.
- 5.298.**Старшина Елена Васильевна, 1927 г. рожд., г. Донецк, запись сделана 2 июля 2011 г.
- 5.299.**Ткач Яков Прокопьевич, 1931 г. рожд., г. Донецк, запись сделана 16 марта 2015 г.
- 5.300.**Ткаченко Александр Владимирович, 1940 г. рожд., г. Львов, запись сделана 3 июля 2011 г.
- 5.301.**Чаков Алексей Григорьевич. / Интервью и лит. обработка А.Ивашин: опубликовано 05 октября 2012 года // Я помню: сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа к ресурсу: <http://iremember.ru/memoirs/kavaleristi/chakov-aleksey-grigorevich/>
- 5.302.**Червяченко Виктор Петрович, 1930 г. рожд., г. Донецк, запись сделана 4 июля 2011 г.
- 5.303.**Чередниченко Клавдия Тимофеевна (Варакута), 1926 г. рожд., с. Ивановполье, Константиновского р-на Донецкой обл., запись сделана 14 июля 2007 г.

- 5.304.** Черных Татьяна Николаевна (1936–2010), г. Донецк, запись сделана 6 сентября 2007 г.
- 5.305.** Чуковская Л. Слово предоставляется детям / Л. Чуковская, Л. Жукова. – М.-Ташкент: Советский писатель, 1942 [Электронный ресурс]. – Режим доступа к ресурсу: <http://www.chukfamily.ru/Lidia/Proza/deti.htm>
- 5.306.** Чумак Виктор Владимирович, 1935 г. рожд., с. Ивановполье, Константиновского р-на Донецкой обл., запись сделана 12 июня 2007 г.
- 5.307.** Шелест Екатерина Михайловна, 1930 г. рожд., с. Ивановполье, Константиновского р-на Донецкой обл., запись сделана 8 июня 2007 г.
- 5.308.** Шушина Надежда Александровна, 1929 г. рожд., г. Донецк, запись сделана 5 сентября 2007 г.

6. Фото- и художественные альбом, документальные и художественные кинофильмы

- 6.309. Аркадий Александрович Пластов: Каталог произведений / Ред. О. Семенова, Р. Клишарова. – Л.: «Художник РСФСР», 1976. – 196 с.
- 6.310. Архив Мурзилки. Т.1: История страны глазами детского журнала. 1924–1954. – М.: ТриМаг, 2014. – 312 с.
- 6.311. Близнецы [художественный кинофильм], реж. К.К. Юдин, 1945 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=O-B6m9XL7iY>
- 6.312. Варезки [художественный кинофильм], реж. Н.А. Любошиц, П.Н. Арманд, 1942 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=wtzCj3h3fYw>
- 6.313. Жила-была девочка [художественный кинофильм], реж. В.В. Эйсмонт, 1944 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа к ресурсу: http://www.youtube.com/watch?v=_XORLdfeVws
- 6.314. Зоя [художественный кинофильм], реж. Л.О. Арнштам, 1944 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа к ресурсу: <http://www.youtube.com/watch?v=O-B6m9XL7iY>

- 6.315. Кукрыниксы. Собр. соч.: в 4 т. Т.2 / М.В.Куприянов, П.Н.Крылов, Н.А.Соколов. – М.: Изобразительное искусство, 1984. – 319 с., илл.
- 6.316. Мы с Урала [художественный кинофильм], реж. Л.В.Кулешов, А.С.Хохлова, 1943 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа к ресурсу: http://www.youtube.com/watch?v=bGxfagvpO_g
- 6.317. Плакаты войны и победы. 1941–1945 / Сост. Снопков Н.И., Снопков А.Е., Шклярчук А.Ф. и др. – М.: Контакт-культура, 2005. – 240 с., 209 ил.
- 6.318. Простые люди [художественный кинофильм], реж. Л.З.Трауберг, Г.М.Козинцев, 1945 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kinofilms.tv/film/prostye-lyudi/32712/>
- 6.319. Разгром немецких войск под Москвой [документальный фильм], реж. Л.В.Варламов, И.П.Копалин, 1941–1942 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа к ресурсу: <https://zona.mobi/movies/razgrom-nemetskih-voisk-pod-moskvoi>
- 6.320. Радуга [художественный кинофильм], 1943 г., реж. М.С.Донской [Электронный ресурс]. – Режим доступа к ресурсу: <http://www.youtube.com/watch?v=5vZbgnbsuME>
- 6.321. Это было в Донбассе [художественный кинофильм], реж. Л.Д.Луков, В.Л.Сухобоков, 1945 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа к ресурсу: <https://www.youtube.com/watch?v=StrptnbGzu8>

7. Монографии, статьи

- 7.322. Абраменкова В.В. Образ ядерной энергетики в детской картине мира (опыт социогенетического анализа) / В.В.Абраменкова // Вопросы психологии. – 1990. – №5. – С.48–50.
- 7.323. Авченко В. Фадеев / Василий Авченко. – М.: Молодая гвардия, 2017. – 366 с. (Жизнь замечательных людей: сер. Биограф., вып.1622).
- 7.324. Агеева В.А. Война и судьбы детей: по страницам личного дневника военного времени М.Е. Галах-Мураевой / В.А.Агеева, А.А.Волвенко //

- Вестник Таганрогского института имени А.П.Чехова. – 2014. – №2. – С.323–327.
- 7.325.Агеева В.А. Общеобразовательные школы Дона и Кубани в 1943–1945 гг.: тенденции и перспективы развития // Вестник Таганрогского института им. А.П.Чехова. – 2007. – №2. – С.239–242.
- 7.326.Алексеенок А.А. Особенности исследования исторической памяти о Великой Отечественной войне детей-войны методом фокусированного интервью / Алексеенок А.А., Игнатова Т.В. // Среднерусский вестник общественных наук. – 2014. – №6 (36). – С.43–48.
- 7.327.Андроников И.Л. О новом жанре // Собр. соч.: в 3 т. Т.2 / Андроников И.Л. – М.: Художественная литература, 1981. – С.379–410.
- 7.328.Аристов С.В. Опыт нацистских лагерей в памяти бывших несовершеннолетних узников из Советского Союза / С.В.Аристов // Вторая мировая война в детских «рамках памяти»: сб.ст. / Под ред. А.Ю.Рожкова. – Краснодар: Традиция, 2010. – С.19–30.
- 7.329.Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке / Ф. Арьес; пер. с фр. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999. – 416 с.
- 7.330.Ассман А. Простори спогаду. Форми трансформації культурної пам'яті / Аляйда Ассман; пер. з нім. Ксенія Дмитренко, Лариса Доронічева, Олександр Юдін. – К.: Ніка-центр, 2012. – 430 с.
- 7.331.Байрау Д. Понятие и опыт тотальной войны (на примере Советского Союза) / Д.Байрау // Опыт мировых войн в истории России: сборник статей. – Челябинск: Каменный пояс, 2007. – С.28–48.
- 7.332.Барабан Е.В. «Родина-мать» в советском кино 1941–1945 годов / Е.В.Барабан // Границы: Альманах Центра этнических и национальных исследований ИвГУ. Вып.2: Визуализация нации. – Иваново, 2008. – С.177–186.

- 7.333. Барабаш В.В. Государственная пропаганда и информационные войны: уч. пос. / В.В.Барабаш, Г.А.Бордюгов, Е.А.Котеленец. – М.: АИРО-XXI, 2015 – 400 с.
- 7.334. Баранова В. В. Детский взгляд в воспоминаниях о войне: особенности автобиографического нарратива / Баранова В. В. [Электронный ресурс]. – Режим доступа к ресурсу: <http://www.ruthenia.ru/folklore/baranova4.htm>
- 7.335. Барто А. Найти человека / Агния Барто // Собр. соч.: в 4 т. Т.1: Проза. – М.: Художественная литература», 1981. – С.23–244.
- 7.336. Білявіць В.Ф Терентій – лісників син // Вічно живі / Білявіць В.Ф. – К.: Веселка, 1955. – С.233–235.
- 7.337. Богданов К. Право на сон и условные рефлексy. Колыбельные песни в советской культуре 1930–1950-х годов / Константин Богданов // СССР: Территория любви: Сборник статей. – М.: Новое издательство, 2008. – 272 с.
- 7.338. Богданов К.А. Vox populi: Фольклорные жанры советской культуры / К.А.Богданов. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 368 с.
- 7.339. Бойцова О.Ю. Структура фотографического сообщения (на примере любительской фотографии) / О.Ю.Бойцова // Труды «Русской антропологической школы». – М.: РГГУ, 2005. – Вып.3. – С.409–415.
- 7.340. Большая советская энциклопедия: в 65 т. Т.21: ДЕЙЛИ-ДЖУТ / Гл. ред. О.Ю.Шмидт. – М.: Государственное словарно-энциклопедическое издательство «Советская энциклопедия» ОГИЗ РСФСР, 1931. – 848 стб.
- 7.341. Бордюгов Г. Вермахт и Красная Армия: к вопросу о природе преступлений против гражданского населения / Геннадий Бордюгов // // Россия и Германия в XX веке; в 3 т. Т.1: Оболение властью. Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах / Под. Ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт. – М.: АИРО-XXI, 2010. – С.951–991.

- 7.342.Боротько В.Г. Принципы формирования дискурса. От психолингвистики к лингвосинергетике / В.Г.Боротько. – Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Комкнига, 2007. – 288 с.
- 7.343.Бродель Ф. Грамматика цивилизаций / Фернан Бродель; пер. с фр. – М.: Изд-во «Весь мир», 2008. – 552 с.
- 7.344.Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное / Фернан Бродель; пер. с франц. – М.: Прогресс, 1986. – 624 с.
- 7.345.Брокмейер Й. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы / Йенс Брокмейер, Ром Харре // Вопросы философии. – 2000. – №3. – С.29–42.
- 7.346.Бурганова Л.А. Реконструирование структуры образа военного конфликта (по материалам СМИ) / Л.А.Бурганова, П.А.Корнилов // СоцИс. – 2003. – №6. – С.56–61.
- 7.347.Васильева Ж. Фотография на память... / Ж.Васильева // Ракурсы / Ред.-сост. А.А.Новикова. – Вып.7. – М.: ЛЕНАНД, 2008. – С.251–270.
- 7.348.Вашик К. Метаморфозы зла: образы врага в плакатной пропаганде в России и Германии в 1930–1950-х годах / Клаус Вашик // Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Т.1: Оболение властью. Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах / Под. Ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт. – М.: АИРО-XXI, 2010. – С.238–275.
- 7.349.Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т.2: Происхождение и начало войны. – М.: Кучково поле, 2012. – 1058 с.
- 7.350.Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т.10: Государство, общество и война / Министерство обороны Российской Федерации. – М.: Кучково поле, 2014. – 864 с.
- 7.351.Верхратський С. «Немовля». Оповідання. / Верхратський С. // Медицина в художніх образах: Статті. Вип. 10 / Укладач і голов. ред. Заблоцька К.В. – Донецьк: Норд-прес, 2012. – С.492–493.

- 7.352.Власова Т. Рассматривание. Рассказывание, припоминание: нарративизация содержания семейных фотоальбомов / Т.Власова // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность: Сб. науч. трудов. – Саратов: Научная книга, 2007. – С.123–145.
- 7.353.Воєнні гри юних піонерів: збірник / [Переклад з 3-го дополненого видання ЦР Спілки Тсоавіахему СРСР 1937 р.]. – К.: Державне військове видавництво «На варті», 1938. – 82 с.
- 7.354.Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны / Н.Вознесенский. – М.: ОГИЗ, 1948. – 192 с.
- 7.355.Волкова Е.Ю. Маленькие участники большой войны (дети в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.) / Е.Ю.Волкова. – Кострома: Изд-во КГТУ, 2010. – 155 с.
- 7.356.Волковский Н.Л. История информационных войн: в 2 ч. Ч.1 / Волковский Н.Л. – СПб: ООО «Издательство Полигон», 2003. – 429 с.
- 7.357.Габович М. Память о войне 60 лет спустя Россия, Германия, Европа / Гл. ред. М.Габович. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – 784 с.
- 7.358.Гаврилюк Н.К. Советские традиции, праздники и обряды: Словарь-справочник / Гаврилюк Н.К., Курочкин А.В., Конвай В.Д. и др.; сост. Попов Б.В. – К.: Політвидав України, 1988. – 224 с.
- 7.359.Газиева Л. Л. Проблемы и противоречия использования опыта Первой мировой войны по спасению детей в период Великой Отечественной войны / Л.Л.Газиева // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2015. – № 2. – С.139–174.
- 7.360.Гапеева В.И. Беседы о советских художниках / Гапеева В.И. – М.-Л.: Просвещение, 1964. – 234 с.
- 7.361.Глебова И.И. Политическая культура России: Образы прошлого и современность / И.И.Глебова; отв. ред. Ю.С.Пивоваров; Рос. акад. наук, Институтт науч. информ. по обществ. наукам. – М.: Наука, 2006. – 330 с.

- 7.362.Голицын Г.А. Образ как концентратор информации / Г.А.Голицын // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – С.183–190.
- 7.363.Голиш Г.М. У вирі війни. Становище неповнолітніх громадян України в 1941–1945 рр.: Монографія / Г.М. Голиш. – Черкаси, 2005. – 323 с.
- 7.364.Голубцов А. В 15 мальчишеских лет / Голубцов А., Донченко И. // Комсомолец Донбасса. – 1971. – 9 мая.
- 7.365.Гончаренко И.К. Дети-герои / Сост. И.К.Гончаренко, Н.Б.Махлин. – 2-е изд. – К.: Радянська школа, 1985. – 608 с.
- 7.366.Грабарь В.К. Вскормленные с копыя. Очерки истории детского воинского воспитания / В.К.Грабарь. – СПб.: Ф-т филологии и иск-в СПбГУ, 2009. – 580 с.
- 7.367.Гренье Ж.-И. Размышления о «критическом повороте» / Жан-Ив Гренье; пер. с франц. // Одиссей. Человек в истории / [гл. ред. А.Я.Гуревич; Ин-т всеобщей истории]. – М.: Наука, 2005. – С.138–149.
- 7.368.Григорьева О.И. Эволюция образа Германии в советской пропаганде: контент-анализ материалов газеты «Правда» (январь 1933 – июнь 1941 гг.) / О.И.Григорьева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена. – Вып.61. – 2008. – С.92–97.
- 7.369.Гридіна І.М. Образ війни очима дітей // Нові сторінки історії Донбасу: зб. ст. / Гол. ред. та упорядник З.Г.Лихолобова. – Донецьк: ДонНУ, 2008. – Кн.8. – С.263–273.
- 7.370.Грінченко Г. Усна історія примусу до праці. Метод, контексти, тексти / Гелінада Грінченко. – Х.: «НТМТ», 2012. – 304 с.
- 7.371.Грінченко Г.Г. Пам'ять про війну як об'єкт історичного дослідження: інверсія традиційної перспективи / Г.Г.Грінченко // Сторінки воєнної історії України: збірн. наук. ст. / НАН України; Інститут історії України. – Вип.10, част.1. – К., 2006. – С.14–21.

- 7.372.Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. Авторский сборник. / Лев Гудков. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 816 с.
- 7.373.Гудкова В.В. Дети и старики в советском сюжете // Рождение советских сюжетов / Виолетта Гудкова. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – С.173–193.
- 7.374.Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников (Exempla XIII века) / А.Я.Гуревич. – М.: «Искусство», 1989. – 368 с.
- 7.375.Гуревич А.Я. Смерть как проблема исторической антропологии: о новом направлении в зарубежной историографии / А.Я.Гуревич // Одиссей. Человек в истории. Исследования по социальной истории и истории культуры / Под ред. Ю.Н. Афанасьева и др. М., 1989. – С.114–135.
- 7.376.Гюнтер Х. Архетипы советской культуры / Ханс Гюнтер; пер. с нем. // Соцреалистический канон / Под общ. ред. Ханса Гюнтера и Евгения Добренко. – СПб.: Гуманитарное Агенство «Академический проект», 2000. – С.743–784.
- 7.377.Давидзон Я. Орлята партизанских лесов / Я. Давидзон. – К.: Веселка, 1980. – 238 с.
- 7.378.Дашибалова И.Н. Образ детства в советском визуальном дискурсе 1930-х годов / Дашибалова И.Н. [Электронный ресурс]. – Режим доступа к ресурсу: <http://ik.childsoc.ru/doc/tashibalova.pdf>
- 7.379.Демосфенова Г.Л. Советские плакатисты – фронту / Г.Демосфенова, А.Нурок, Н.Шантыко; под общ. ред. Ф.Калошина. – М.: Искусство, 1962. – 244 с., ил.
- 7.380.Дем'яненко В. Сини полків / Володимир Дем'яненко. – К.: Молодь, 1978. – 144 с.

- 7.381.Дюби Ж. Развитие исторических исследований во Франции после 1950 год / Жорж Дюби; пер. с франц. // Одиссей. Человек в истории. – М., 1991. – С.48–59.
- 7.382.Есаулов И. Жертва и жертвенность / Иван Есаулов // Соцреалистический канон / Под общ. ред. Ханса Гюнтера и Евгения Добренко. – СПб.: Гуманитарное Агенство «Академический проект», 2000. – С.797–802.
- 7.383.Заблоцкая Ю.В. Великая Отечественная война в сюжетах и образах детского игрового фольклора / Ю.В.Заблоцкая // 65 років визволення України: погляд із сьогодення. Матеріали міжвузівської науково-практичної студентської конференції 27 жовтня 2009 р. – Донецьк: ДПТ, 2009. – С.64–65.
- 7.384.Заблоцька К.В. Медичні сюжети й образи у фронтовому фольклорі періоду Великої Вітчизняної війни // Медицина в художніх образах: Статті. Вип.10 / Голов. ред. К.В.Заблоцька. – Донецьк: Норд-прес, 2012. – С. 164–171.
- 7.385.Заблоцький А.В. Методологічні підходи до вивчення образу радянської бойової техніки періоду Великої Вітчизняної війни в суспільній свідомості її учасників / А.Заблоцький // Наука. Релігія. Суспільство. – 2008. – №1. – С.134–138.
- 7.386.Заблоцький А.В. Образ радянської бойової техніки в офіційній пропаганді напередодні Великої Вітчизняної війни / Заблоцький А.В. // Історичні і політологічні дослідження. – 2008. – №1/2. – С.32–37.
- 7.387.Загарницька І.І. Феномен дитинства: філософсько-соціологічний аналіз / І.І.Загарницька. – К.: Вид-во НПУ ім. М.П.Драгоманова, 2011. – 320 с.
- 7.388.Запорожец М.Я. Макеевка: Историко-краеведческий очерк. – Донцк: Донбас, 1978. – 183 с.

- 7.389.Зима В.Ф. Менталитет народов России в войне 1941–1945 годов / В.Ф.Зима. – М.: Издат. центр Ин-та российской истории РАН, 2000. – 277 с.
- 7.390.Зинич М.С. Трудовой подвиг рабочего класса в 1941–1945 гг. (по материалам отраслей машиностроения) (по материалам отраслей машиностроения) / Зинич М.С.; отв. ред. А.В.Митрофанова. – М.: Наука, 1984. – 232 с.
- 7.391.Зинченко В.П. Сознание и творческий акт / В.П.Зинченко. – М.: Языки славянских культур, 2010. – 592 с.
- 7.392.Зиновьева В.М. Чтобы жизнь продолжалась. Приазовье в период оккупации 1941–1943. – Мариуполь: ЗАО «Приазовский рабочий», 2004. – 508 с.
- 7.393.Земсков В.Н. Советское общество накануне и в начале Великой Отечественной войны (особенности менталитета, морально-психологического и идейного состояния) / В.Н.Земсков // Политическое просвещение. – 2013. – №1(72). – С.101–122.
- 7.394.«...И не в шурф их бросали, а в наши сердца»: матеріали міжнар. наук.-практ. конф. студ. та молодих вчен. До 70-річчя створення молодіж. комсом. підп. організації «Молода гвардія» у м. Краснодар, 26–27 квіт. 2012 р., Луганськ / Уклад.: М.О.Євдокимов, Н.М.Сафонова, А.В.Фомін. – Луганськ: Ноулідж, 2012. – 175 с.
- 7.395.Ильина Т.В. История искусств. Отечественное искусство / Т.В.Ильина. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Высшая школа, 2000. – 407 с.
- 7.396.Ісак Н.Ю. Наратив як засіб ідентифікації особи / Н.Ю.Ісак // Мультиверсум. Філософський альманах. Вип.52, 2006. – К.: Український центр духовної культури. – С.128–137.
- 7.397.Історія Української РСР: в 8 т., 10 кн. Т.7: Українська РСР у Великій Вітчизняній війні Радянського Союзу (1941–1945) / Головн. ред. Шевелєв А.Г. – К.: Наукова думка, 1977. – 536 с.

- 7.398.Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод / Марианне В. Йоргенсен, Луиза Дж. Филлипс; пер. с англ. – 2-е изд., испр. – Харьков: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2008. – 352 с.
- 7.399.Кабацков А.Н. Социокультурный архетип: к определению термина / А.Н.Кабацков, О.Л.Лейбович // Фундаментальные проблемы культуры: в 4 т. Т.1: Культурная динамика. – СПб.: Алтейя, 2008. – С.245–258.
- 7.400.Караваев В. Медаль за бой, медаль за труд / Сост. Владимир Караваев. – М.: Молодая гвардия, 1975. – 240 с.
- 7.401.Кастельс М. Власть коммуникации / Мануэль Кастельс; пер. с англ. Н.М.Тылевич, под научн. ред. А.И.Черных. – М.: Издат. Дом ВШЭ, 2016. – 564 с.
- 7.402.Келли К. Маленькие граждане большой страны: интернационализм, дети и советская пропаганда / К.Келли; авторизованный перевод с англ. Я.Токаревой // НЛО (Новое литературное обозрение). – 2003. – №60. – С.218–251.
- 7.403.Келли К. Советский Союз – рай для детей? / Катриона Келли // Развитие личности. – 2007. – №4. – С.71–93.
- 7.404. Кларк К. Сталинский миф о «великой семье» / Катерина Кларк // Соцреалистический канон / Под общ. ред. Ханса Гюнтера и Евгения Добренко. – СПб.: Гуманитарное Агенство «Академический проект», 2000. – С.785–796.
- 7.405.Клоц А.Р. «Нянькаться будем?» Мемориальные образы советского детства 1930–1950-х гг. / А.Р Клоц // Диалог со временем. – 2012. – Вып.38. – С.257–271.
- 7.406.Ковалев Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации / Борис Ковалев. – М.: «Молодая Гвардия», 2011. – 619 с.
- 7.407.Ковалов О. Сатурн, пожирающий детей / Олег Ковалов // Искусство кино. – 2010. – №4. – С.37–45.

- 7.408.Козеллек Р. Часові пласти. Дослідження з теорії історії / Райнгарт Козеллек; пер. з нім. – К.: ДУХ І ЛІТЕРА, 2006. – 439 с.
- 7.409.Кон И.С. Социологическая психология / И.С.Кон. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 1999. – 560 с.
- 7.410.Константинов С. Замыслы и реальность. Школьная политика Третьего рейха в оккупированных областях / Сергей Константинов // Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Т.1: Оболение властью. Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах / Под. ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт. – М.: АИРО-XXI, 2010. – С.703–722.
- 7.411.Копопсов Н. Память строгого режима: История и практика в России / Н. Копопсов. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 320 с.
- 7.412.Костенко И.П. Это было в Краснодоне / И.П.Костенко. – М.: Молодая гвардия, 1961. – 224 с.
- 7.413.Котов М.И. Сердца смелых: [очерк о героич. деятельности подпольной комсом. орг-ции «Мол. Гвардия»] / М.Котов, В.Лясковский. – М.: Молодая гвардия, 1945. – 111 с.
- 7.414.Кочарян А.С. Личность и половая роль (симптомокомплекс маскулинности/фемининности в норме и патологии) / Кочарян А.С.; отв. ред. член-кор. АПН Украины Бурлачук Л.Ф. – Харьков, 1996. – 100 с.
- 7.415.Кринко Е.Ф. Воспоминания детей военного времени (1941-1945): источники изучения / Е. Ф. Кринко // Сумський історико-архівний журнал. – 2014 – №22. – С.34–41.
- 7.416.Кринко Е.Ф. Детство военных лет (1941–1945 гг.): проблемы и перспективы изучения / Е.Ф.Кринко // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2006. – №4. – С.169–175.
- 7.417.Кринко Е.Ф. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций / Е.Ф.Кринко,

- И.Г.Тажидинова, Т.П.Хлынина. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. – 360 с.
- 7.418.Кринко Е.Ф. Семья и брак накануне и в годы Великой Отечественной войны / Е.Ф.Кринко, Т.П. Хлынина // Вопросы истории. – 2015. – №12. – С.46–55.
- 7.419.Кринко Е.Ф. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945) / Е.Ф.Кринко, И.Г.Тажидинова, Т.П.Хлынина. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. – 362 с.
- 7.420.Кром М.М. Историческая антропология / М.М.Кром. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2004. – 168 с.
- 7.421.Круткин В. Фотографический опыт и его субъекты / В.Круткин // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность: Сб. науч. Трудов / Под ред. Е.Р.Ярской-Смирновой, П.В.Романова, В.Л.Круткина. – Саратов: Научная книга, 2007. – С.43–61.
- 7.422.Круткин В.И. Визуальные системы как медиа и пространство фотографического опыта // Вестник Удмуртского университет социология и философия. – 2007. – №3. – С.13–28.
- 7.423.Кудин П.А. Психология восприятия и искусство плаката / Кудин П.А., Ломов Б.Ф., Митькин А.А. – М.: Плакат, 1987. – 208 с.
- 7.424.Кукулин И. Предварительные заметки о трансформации травматического опыта Великой Отечественной / Второй мировой // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. – 2005. – №2-3 (40-41). – С.324–336.
- 7.425.Кушнарченко Н.Н. Фотодокументоведение / Кушнарченко Н.Н. – К.: Знание, 2000. – 376 с.
- 7.426.Лайнбарджер П. Психологическая война. Теория и практика обработки массового сознания / Пол Лайнбарджер; пер. с англ. Е.В.Ламановой. – М.: ЗАО «Центрполиграф», 2013. – 445 с.

- 7.427.Лакофф Д. Метафоры, которыми мы живем / Лакофф Д., Джонсон М., пер. с англ.; под. ред. и с предисл. А.Н.Баранова. – М.: УРСС, 2004. – 256 с.
- 7.428.Лассуэлл Г.Д. Язык власти / Гаральд Дуайт Ласуэлл // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2006. – Вып.20. – С.264–279.
- 7.429.Левин Л. Четыре жизни. Хроника трудов и дней Павла Антокольского / Л.Левин. – М.: Советский писатель, 1969. – 308 с.
- 7.430.Левин М. Советский век / М.Левин; пер. с англ. В.Новикова, Н.Копелянской. – М.: Изд-во «Европа», 2008. – 680 с.
- 7.431.Лейенс Ж.-Ф. Основные концепции и подходы в социальном познании / Жак-Филипп Лейенс и Бенуа Дарден // Перспективы социальной психологии / Редакторы-составители Майлз Хьюстон, Вольфганг Штребе, Джеффри М. Стефенсон; пер. с англ. – 2-е междунар. изд. – М.: ЭКСМО-пресс, 2001. – С.127–155.
- 7.432.Леонтьев А.Н. Образ мира / А.Н.Леонтьев // Избр. психолог. произведения. – М.: Педагогика, 1983. – С.251–261.
- 7.433.Лебединская Л. Зеленая лампа / Лидия Лебединская. – М.: АСТ, 2012. – 480 с.
- 7.434.Липник В.Н. Школьные реформы в России. Очерки истории / Липник В.Н. – М.: Изд-во РГПУ им. Герцена, 2000. – 198 с.
- 7.435.Лисенко О.Є. Людський фактор Перемоги / О.Є.Лисенко // Сторінки воєнної історії України: збірн. наук. ст. / НАН України; Ін-т історії України. – Вип.5. – К., 2001. – С.14–22.
- 7.436.Литвинов В. Поезд из ночи / Владимир Литвинов. – М.: «Молодая гвардия», 1989. – 411 с.
- 7.437.Литовская М.А. Мальчики и девочки: реалии социализации: сб. статей / Межрегион. исслед. в обществ. науках, М-во образования РФ, ИНОЦентр; ред. М.А.Литовская, Е.Г.Трубина, О.В.Шабурова. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2004. – 373 с.

- 7.438.Лиханов А. Гражданский подвиг поэта / Альберт Лиханов // Жизнь и творчество Агнии Барто: сборник / Составитель И.П.Кыштымков. – М.: Детская литература, 1989. – С.89–97.
- 7.439.Лукин А. Работа школ Московской области в условиях военного времени / А.Лукин // Советская педагогика. – 1942. – № 1-2. – 358 с.
- 7.440.Максакова Л.В. Вклад советской культуры в победу над фашизмом / Л.В.Максакова // Советская культура в годы Великой Отечественной войны / М.П.Ким (отв. ред.). – М.: Наука, 1976. – С.20–37.
- 7.441.Мартюшов С.И. Терапевтическая служба госпитальной базы Карельского фронта в 1943–1945 гг. / С.И.Мартюшов, В.П.Быков, А.О.Марьяндышев // Экология человека. – 2015. – №3. – С.58–61.
- 7.442.Мегилл А. Историческая эпистемология / Аллан Мегилл, пер. с англ. Кукарцевой М., Катаева В., Тимонина В. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. – 480 с.
- 7.443.Медет А.К. Потери Красной Армии в боях на территории Донецкой области (1941–1943 гг.) / А.К.Медет, В.А.Анденок // Літопис Донбасу. – 2003. – №11. – С.56–66.
- 7.444.Мигачев Ю.И. Военное право. Учебник / Мигачев Ю.И., Тихомиров С.В. – М.: ЗАО «Бизнес Консалтинг Центр», 1998. – 217 с.
- 7.445.Минаев В. «Молодая Гвардия»: опять предательство? В поисках истины за «круглым столом» / В.Минаев. – 4-е изд. доп. – Донецк: Донеччина, 2012. – 576 с.
- 7.446.Мирский М.Б. Медицина и здравоохранение в годы Великой Отечественной войны / М.Б.Мирский // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины, 2006. – №2. – С.56–58.
- 7.447.Момыш-улы Б. Психология войны / Баурджан Момыш-улы. – Алма-Ата: Казахстан, 1990. – 240 с.
- 7.448.Мошкин С. Пропаганда для разлоожения Красной Армии / Сергей Мошкин // Независимое военное обозрение. – 2005. – №22. – С.7.

- 7.449.Мухина В.С. Личность: мифы и реальность / В.С.Мухина. – Изд. 3-е, испр., доп. – М.: Национальный книжный центр, 2013.– 1088 с.
- 7.450.Нарский И.В. Проблемы и возможности исторической интерпретации семейной фотографии // Оче-видная история: сб. ст. – Челябинск: Каменный пояс, 2008. – С.55–74.
- 7.451.Невежин В. Образ врага в представлении комбатанта: писатель Всеволод Вишневский в эпоху двух мировых войн / Владимир Невежин // Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Т.1: Оболение властью. Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах / Под. Ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт. – М.: АИРО-XXI, 2010. – С.546–568.
- 7.452.Нитхаммер Л. Вопросы–ответы–вопросы. Методология усной истории: практический опыт и теоретические размышления // Вопросы к немецкой памяти: Статьи по усной истории / Лутц Нитхаммер; пер. с нем. – М. Новое издательство, 2012. – С. 9–94.
- 7.453.Нитхаммер Л. Вопросы к немецкой памяти: Статьи по усной истории // Л.Нитхаммер; пер. с нем. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 536 с.
- 7.454.Ніколаєць Ю.О. Морально-політичний стан населення і воїнів Червоної Армії в перший період Великої Вітчизняної війни / Ніколаєць Юрій Олексієвич. – Вінниця: Х-ART, 2002. – 248 с.
- 7.455.Носко И.В. Детство как психосоциокультурный феномен / И.В.Носко // Социальная работа в Сибири». Сборник научных трудов. Кемерово: сб. статей. – Кузбассвуиздат, 2004 – С.118–132.
- 7.456.Носков В.Ю. Изучение детства по художественным источникам в зарубежной историографии // Медицина в художніх образах: Статті. Вип.7 / Укладач і голов. ред. Заблоцька К.В. – Донецьк: Норд-прес, 2009. – С.150–157.

- 7.457. Носков В.Ю. Образ початку Великої Вітчизняної війни у свідомості дітей воєнного покоління / Стяжкіна О.В., Носков В.Ю. // Історичні і політологічні дослідження. – 2009. – №1(41). – С.138–143.
- 7.458. Носков В.Ю. Образы детей и детства в газетной периодике Украинской ССР 1941–1945 гг. / Носков В.Ю. // Журнал исторических, политологических и международных исследований: Издание Донецкого национального университета, исторический факультет / Гл. ред. Никольский В.Н. – 2015. – №2 (56). – С.29–37.
- 7.459. Носков В.Ю. Особистий щоденник Е. П. Подольської як джерело з історії дитинства періоду Великої Вітчизняної війни / Горбова М.В., Носков В.Ю. // Нові сторінки історії Донбасу: Збірник статей. Кн.21 / Голов. ред. – З.Г.Лихолобова. – Донецьк: ДонНУ, 2012. – С.47–55.
- 7.460. Носков В.Ю. Повсякденне життя та здоров'я дітей воєнного покоління в їх спогадах / Носков В.Ю. // Медицина в художніх образах: Статті. Вип.6 / Укладач і голов. ред. Заблоцька К.В. – Донецьк: Норд-прес, 2008. – С.103–108.
- 7.461. Носков В.Ю. Сімейна фотографія як візуальна репрезентація соціальної історії дитинства кінця 1930-х–1940-х років (на матеріалі сімейного альбому Н.А.Носкової) / Носков В.Ю. // Нові сторінки історії Донбасу: Збірник статей. Кн.22 / Голов. ред. З.Г.Лихолобова. – Донецьк: ДонНУ, 2013. – С.201–211.
- 7.462. Носков В.Ю. Формирование образа военного детства в советской пропаганде на начальном этапе Великой Отечественной войны (июнь–декабрь 1941 г.) / Носков В.Ю. // Журнал исторических, политологических и международных исследований: Издание Донецкого национального университета, исторический факультет / Гл. ред. Никольский В.Н. – 2016. – №2 (58). – С.45–52.
- 7.463. Нуркова В.В. Зеркало с памятью: Феномен фотографии / В.Нуркова. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2006. – 287 с.

- 7.464.Обухов А. Исторически обусловленные модификации образа мира / Алексей Обухов // Развитие личности. – 2003 – №4. – С.51–68.
- 7.465.Обухова Л.Ф. Детская психология: история, факты, проблемы / Обухова Л.Ф. – М., 1990. – 165 с.
- 7.466.О'Махоуни М. Спорт в СССР: физическая культура – визуальная культура / М. О'Махоуни; пер. с англ. Е.Ляминой, А.Фишман. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 296 с.
- 7.467.Орленко О. «Угнанное детство»: методология научного поиска / Олеся Орленко, Владимир Симиндей // Русский мир и Латвия: Non hay samīnar, hay que samīnas – Путей нет, но идти надо вперед. Альманах / Под ред. С. Мазура – Рига 2012. Вып. XXX. – С.69–79.
- 7.468.Павлова Т.А. Засекреченная трагедия: гражданское население в Сталинградской битве / Т.А.Павлова. – Волгоград: Перемена, 2005. – 593 с.
- 7.469.Петрова Н.Е. Язык современных медиа. Средства речевой агрессии / Петрова Н.Е., Рацибурская Л.В. – М.: «Флинта», «Наука», 2011. – 160 с.
- 7.470.Пинегина Л. А. Изобразительное искусство в годы Великой Отечественной войны / Пинегина Л.А. – М.: Знание, 1997. – 260 с.
- 7.471.Платонова А. Семейная и любительская фотография: мнение социологов / Платонова А., Никифорова К., Аносова А. // Фотожурнал: электронный журнал. – Режим доступа: <http://www.lemes.com.ua>
- 7.472.Пономарев Е.Г. Дети войны: 1941–1945 гг. (антропологический аспект): Хрестоматия / Ответственный редактор Е.Г.Пономарев. – Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2011. – 313 с.
- 7.473.Попов Н.П. Советская военная печать в годы Великой Отечественной войны / Н.П.Попов, Н.А.Горохов. – М.: Воениздат, 1981. – 416 с.
- 7.474.Ревель Ж. Микроисторический анализ и конструирование социального / Ж.Ревель // Одиссей. Человек в истории. – 1996. – С.117–118.

- 7.475.Режабек Е.Я. Гетерогенность сознания как «несущая конструкция» рациональности нового типа / Е.Я.Режабек // Синергетическая парадигма. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – С.368–378.
- 7.476.Рожков А.Ю. Вторая мировая война в детских «рамках памяти»: сб.ст. / Под ред. А.Ю.Рожкова. – Краснодар: Традиция, 2010. – 377 с.
- 7.477.Розенталь Г. Реконструкция рассказов о жизни: принципы отбора, которыми руководствуются рассказчики в биографических нарративных интервью // Хрестоматия по устной истории / Пер., сост., введение, общ. ред. М.В. Лоскутовой. – СПб.: Издательство ЕУСПб, 2003. – С.322–355.
- 7.478.Романов П. Ландшафты памяти: опыт прочтения фотоальбомов / П.Романов, Е.Ярская-Смирнова // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность: Сб. науч. трудов. – Саратов: Научная книга, 2007. – С.146–168.
- 7.479.Ронен О. Детская литература и социалистический реализм / Омри Ронен // Соцреалистический канон / Под общ. ред. Ханса Гюнтера и Евгения Добренко. – СПб.: Гуманитарное Агенство «Академический проект», 2000. – С.969–979.
- 7.480.Россинский Ю.Г. Система образования РСФСР в годы Великой Отечественной войны / Ю.Г.Россинский // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2015. – №2 (23). – С.24–38.
- 7.481.Рыблова М.А. Дети Сталинграда: пищевые практики военного времени / М.А. Рыблова // Вестник ВолГУ. – 2015. – № 4. – С.168–179.
- 7.482.Рыблова М.А. Детство и война: культура повседневности, механизмы адаптации и практики выживания детей в условиях Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской битвы) / М.А.Рыблова, Е.Ф.Кринко, Т.П.Хлынина и др. – Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015. – 336 с.
- 7.483.Рябов О. «Россия-Матушка»: Национализм, гендер и война в России XX века / Олег Рябов. – Stuttgart: ibidem-Verlag, 2007. – 290 с.

- 7.484.Сарабьянов Д.В. История русского и советского искусства / Ред. Д.В.Сарабьянов. – М.: Высшая школа, 1979. – 384 с.
- 7.485.Саржан А. Зміни в соціально-економічній сфері Донбасу. Друга половина 40-х–кінець 80-х рр. XX ст. / А.Саржан. – Донецк: ООО «Лебедь», 2004. – 412 с.
- 7.486.Сартори Р. Образы войны в визуальной памяти / Р.Сартори, пер. с нем. О.С.Нагорной // Очевидная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия: сб. ст. / [редкол.: В.И.Нарский и др.]. – Челябинск: Каменный пояс, 2008. – С.303–318.
- 7.487.Свиридова И.А. Советский политический плакат / Свиридова И.А. – М: «Изобразительное искусство», 1976. – 387 с.
- 7.488.Семигин Г.Ю. Политическая энциклопедия: в 2 т. Т.2 / Научн. рук. проекта Г.Ю.Семигин. – М.: «Мысль», 1999. – 701 с.
- 7.489.Сенявская Е.С. «Образ войны» в массовом сознании и исторической памяти: вопросы теории и методологии / Е.С.Сенявская // Опыт мировых войн в истории России: сб. ст. – Челябинск: Каменный пояс, 2007. – С.318–329.
- 7.490.Сенявская Е.С. 1941–1945. Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование / Е.С.Сенявская. – М.: Ин-т российской истории РАН, 1995. – 220 с.
- 7.491.Сенявская Е.С. Война в общественном сознании СССР до и после 22 июня 1941 г. / Е.Сенявская // Сторінки воєнної історії України: збірн. наук. ст. / НАН України; Інститут історії України. – Вип.7, ч.І. – К., 2006. – С.125–131.
- 7.492.Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века. Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества / Е.С.Сенявская. – М.: РОССПЭН, 2006. – 288 с.
- 7.493.Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России / Е.С.Сенявская. – М.: «Российская политическая энциклопедия», 1999. – 383 с.

- 7.494.Сенявский А.С. Историческая имагология и проблема формирования «образа врага» (на материалах российской истории XX в.) / А.С.Сенявский, Е.С. Сенявская // Вестник РУДН. – 2006. – №2 (6). – С.54–72.
- 7.495.Сенявский А.С. Советская идеология в годы Великой Отечественной войны: стабильность и элементы трансформации / А.С.Сенявский // Сторінки воєнної історії України: збірн. наук. ст. / НАН України; Інститут історії України. – Вип.6. – К., 2002. – С.16–19.
- 7.496.Сидорова В.В. Культура образа. Кросс-культурный анализ образа сознания / В.В.Сидорова. – Харьков: Гуманитарный центр, 2012. – 220 с.
- 7.497.Синяченко О.В. Страницы истории ревматологии / О.В.Синяченко. – Донецк: Донеччина, 2005. – 128 с.
- 7.498.Ситников В.Л. Образ ребенка в сознании детей и взрослых: монография / В.Л. Ситников. – СПб.: Химиздат, 2001. – 288 с.
- 7.499.Смирнова Т.М. Дети страны Советов. От государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917–1940 гг. / Т.М.Смирнова. – М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 384 с.
- 7.500.Сомов В. А. Детство 1930-х: Советская политика в области воспитания подрастающего поколения / В.А.Сомов, Д.В.Сомова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. – 2013. – №4 (3). – С.121–127.
- 7.501.[Сомов В.А.](#) Феномен игры и воспитание поколения победителей в СССР 1930-х годов – В.А.Сомов // [Историческая психология и социология истории. – 2013. – Т.6, №1.](#) – С.73–84.
- 7.502.Сонтаг С. О фотографии / Сьюзен Сонтаг; пер. С англ. Виктор Гладышев. – М.: изд-во «Ад Маргинем», 213. – 272 с.
- 7.503.Сорина Л. Ржевская битва 1941–1943 гг. // История Ржева / Л. Сорина, А. Кондратьев, П. Каринцев, и др. – Ржев: 2000. – С.149–222.

- 7.504. Стахів Є. Останній молодогвардієць / А.Абліцов (упоряд.). – К.: Варта, 2004. – 496 с.
- 7.505. Стрекалова Е.Н. Лакуны исторической памяти: детство военного времени 1941–1945 гг. по устным воспоминаниям / Е.Н.Стрекалова // Вторая мировая война в детских «рамках памяти»: сб.ст. / Под ред. А.Ю.Рожкова. – Краснодар: Традиция, 2010. – С.339–363.
- 7.506. Суддя І. Подолання дитячої безпритульності та безогляденості в УРСР на завершальному етапі Другої світової війни / Ірина Суддя // Схід. – 2010. – №2 (102). – С.93–97.
- 7.507. Тарнавський І.С. Німецько-фашистський окупаційний режим в Донбасі (1941–1943 рр.) / Добров П.В., Тарнавський І.С. – Донецьк: ДонНУ, 2008. – 217 с.
- 7.508. Тарнавський І.С. Політика Третього рейху та його сорюзників на окупованих українських землях в роки Другої світової війни: монографія / Ігор Тарнавський. – Донецьк: ТОВ «ВПП «Промінь», 2012. – 492 с.
- 7.509. Тишківський В. Героїчні подвиги молоді України. Короткий історичний нарис / Тишківський В. – К: Радянська школа, 1959. – 67 с.
- 7.510. Томпсон А. Чотири зміни парадигми в усній історії / А. Томпсон // Схід/Захід: Історико-культурологічний збірник. – 2008. – Вип.11-12. Спец. видання: Усна історія в сучасних соціально-гуманітарних студіях: теорія і практика досліджень / За ред. Володимира Кравченка, Гелінади Грінченко. – Харків, 2008. – С.7–24.
- 7.511. Томпсон П. Голос прошлого. Устная история / Пол Томпсон; пер. с англ. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2003. – 368 с.
- 7.512. Тронько П.Т. Безсмертя юних (З історії боротьби комсомольського підпілля України в роки Великої Вітчизняної війни) / П.Т.Тронько. – К.: Молодь. 1957. – 185 с.

- 7.513.Удалова Т.М. Особливості соціального захисту дітей та матерів в роки Другої Світової війни (1939–1945 рр.) / Т.М.Удалова // Історичні і політологічні дослідження. – 2009. – № 1. – С.87–94.
- 7.514.Ушакин С. «Мы в город Изумрудный идем дорогой трудной»: маленькие радости веселых человечков / Сергей Ушакин // Веселые человечки: Культурные герои советского детства: Сб. статей №34 / Сост. и ред. И.Кукулин, М.Липовецкий, М.Майофис. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – С.9–60.
- 7.515.Ушакин С. «Осколки военной памяти: «Всё, что осталось от такого ужаса?» [Рец. на кн.: Алексиевич С. Последние свидетели: соло для детского голоса. М., 2007] / С.Ушакин // Новое литературное обозрение. – № 5 (93). – С.240–253.
- 7.516.Фатеев А.В. Сталинизм и детская литература в политике номенклатуры СССР / А.В. Фатеев. – М.: МАКС Пресс, 2007. – 352 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа к ресурсу: <http://psyfactor.org/lib/detlit3.htm>
- 7.517.Ферстер С. Тотальная война. Концептуальные размышления к историческому анализу структур эпохи 1861–1945 гг. / С.Фёрстер, пер. О.С.Нагорной // Опыт мировых войн в истории России: сб. ст. – Челябинск: Каменный пояс, 2007. – С.12–27.
- 7.518.Филиппов А.Ф. Пространство политических событий / А.Ф.Филиппов // Полис (Политические исследования). – 2005. – С.6–25
- 7.519.Халина Т. Доризо Николай Константинович / Татьяна Халина // Чтобы помнили: [сайт] [Электронный ресурс]. – Режим доступа к ресурсу: <http://chtoby-pomnili.com/page.php?id=1341>
- 7.520.Хамитов Н. Философская антропология. Словарь / Н.Хамитов, С.Крылова, Т.Розова и др., под. ред. Н.Хамитова. – К.: КНТ, 2011. – 472 с.
- 7.521.Хелемендик В. Всеволод Вишневский / Виктор Хелемендик. – М.: «Молодая гвардия», 1980. – 398 с.

- 7.522.Хлынина Т.П. Локусы приватного: дом и семья в устных воспоминаниях очевидцев Великой Отечественной войны / Т.П.Хлынина // Сумський історико-архівний журнал. – 2014. – №XXII. – С.24–33.
- 7.523.Хорошайлов Н.Ф. Донбасс непокоренный: очерк / Н.Ф.Хорошайлов. – 2 изд, испр. И доп. – Донецк: Донбасс, 1982. – 100 с.
- 7.524.Хрипункова А. Дети и кровь / Анна Хрипункова // День. – 2005. – 9 сентября.
- 7.525.Шаргунов С. Катаев. Погоня за вечной весной / Сергей Шаргунов. – М.: Молодая гвардия, 2016. – 703 с. (Жизнь замечательных людей: сер. Биогр.; вып.1594).
- 7.526.Школьников С.С В объективе – война / С.С.Школьников. – М.: Воениздат, 1979. – 143 с.
- 7.527.Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / Петр Штомпка; пер. с польск. С.М.Червонной. – М.: Логос, 2005. – 664 с.
- 7.528.Щербинин А.И. «Я русский бы выучил только за то...» Изучение языка как средство конструирования тоталитарной картины мира в сознании советских школьников / А.И.Щербинин // Полис (Политические исследования). – 2000. – №1. – С.124–141.
- 7.529.Юсупова Л.Н. Мир крестьянского детства в период Великой Отечественной войны (по устным воспоминаниям детей войны) / Л.Н.Юсупова // The Soviet and Post-Soviet Review. – 2003. – Vol.30, №2. – P.178–181.
- 7.530. Юсупова Л.Н. Военное детство в памяти поколения, пережившего оккупацию в Карелии / Юсупова Л.Н. // Военно-историческая антропология: ежегодник, 2003/2004. – М.: РОССПЭН, 2005. – С.345–351.
- 7.531.Якобсон П.М. Эмоциональный фактор в пропагандистском воздействии / П.М.Якобсон // Проблемы социальной психологии и пропаганды. – М.: Политиздат, 1971. – С.59–69.

- 7.532.Яровий А.М. Детермінанта образного в системі філософсько-наукового пізнання та соціальної практики / А.В.Яровий // Мультиверсум. Філософський альманах: Зб. наук. праць / Голов. ред. В.В.Лях. – Вип.54. – К.: Український центр духовної культури, 2006. – С.90–101.
- 7.533.Ярушина Л.В. Восстановление общеобразовательных школ на освобожденной территории // Возрождение прифронтовых и освобожденных районов СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. – М.: Наука, 1986. – С.137–147.
- 7.534.Brader T. Identities, Interests and Emotions: Symbolic Versus Material Wellspring of Fear, Anger, And Enthusiasm / Brader T., Valentino N.A. // The Affect Effect: Dynamics of Emotion in Political Thinking and Behavior / Ed/ by W.R.Neuman, G.E.Marcus, A.N.Grigler, M.MacKuenpp. – Chicago: Chicago Press, 2007. – P.180–201
- 7.535.Fe de la L. Empire's children: soviet childhood in the age of revolution, dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in History / Loraine de la Fe. – Miami, Florida International University, 2013. – 215 p.
- 7.536.Fletcher M.Th. The Duality of Soviet Culture: Manufactured and Organic Cultures / Mark Thomas Fletcher. – Chicago: Honors Projects, 1998. – 332 p.
- 7.537.Fürst J. Stalin's Last Generation: Soviet Post-War Youth and the Emergence of Mature Socialism / Juliane Fürst. – New York: Oxford University Press, 2010. – 391 p.
- 7.538.Graffenried J.K. Sacrificing Childhood. Children and the Soviet State in the Great Patriotic War / Julie K. deGraffenried. – Lawrence: University Press of Kansas, 2014. – 264 p.
- 7.539.Kucherenko O. Little Soldiers: How Soviet Children Went to War, 1941–1945 / Olga Kucherenko. – Oxford University Press, 2011. – 280 p.
- 7.540.Kucherenko O. Soviet Street Children and the Second World War: Welfare and Social Control under Stalin (Bloomsbury, 2016) [Electronic

resource]. – Mode of access to resources:

http://www.academia.edu/7592871/Soviet_Street_Children_and_the_Second_World_War_Welfare_and_Social_Control_under_Stalin_Bloomsbury_2016_

- 7.541. Reese R.R. Why Stalin's Soldiers Fought: The Red Army's Military Effectiveness in World War II / Reese, Roger R. – Kansas: University Press of Kansas, 2011. – 408 p.

8. Авторефераты диссертаций

- 8.542. Арзамасцева И.Н. Художественная концепция детства в русской литературе 1900–1930-х годов: Автореф. дис... докт. фил. н.: спец. 10.01.01 «Русская литература» / Арзамасцева Ирина Николаевна. – М., 2006. – 44 с.
- 8.543. Батюк Л.И. Культура России в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис... канд-та ист. наук: спец. 07.00.02 «Отечественная история» / Батюк Любовь Ивановна. – М., 2005. – 24 с.
- 8.544. Бондарева М.О. Образ детства взрослого человека в контексте жизненной ситуации: автореф. дисс... канд. психол. наук: спец. 19.00.01 «Общая психология, психология личности, история психологии» / Бондарева Мария Олеговна. – СПб, 2007. – 20 с.
- 8.545. Галимуллина Н.М. Советско-партийная пропаганда периода Великой Отечественной войны как проблема историко-политического анализа: автореф. дис... канд. ист. наук: спец. 23.00.01 «Теория политики, история и методология политической науки» / Галимуллина Надия Мидхатовна. – Казань, 2005. – 20 с.
- 8.546. Горлов А.С. Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис... канд. ист. наук: спец. 07.00.02 «Отечественная история» / Горлов Андрей Сергеевич. – М., 2009. – 26 с.
- 8.547. Дружба О.В. Великая Отечественная война в историческом сознании советского и постсоветского общества: автореф. дис... докт. ист. наук:

спец. 07.00.02 «Отечественная история» / О.В.Дружба. – Ростов-на-Дону, 2000. – 45 с.

- 8.548.**Кирпичникова М.В. Антигитлеровская коалиция в сознании советских людей в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: на материалах Северо-Запада СССР: автореф. дис... канд. истор. наук: спец. 07.00.02 «Отечественная история» / Кирпичникова Мария Викторовна. – СПб, 2008. – 20 с.
- 8.549.**Козлов Н.Д. Моральный потенциал народа и массовое общественное сознание в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис... докт. ист. наук: спец. 07.00.02 «Отечественная история» / Козлов Николай Дмитриевич. – СПб, 1996. – 41 с.
- 8.550.**Леонтьева С.Г. Литература пионерской организации: идеология и поэтика: автореф. дисс... канд. филол. наук: спец. 10.01.08 «Теория литературы. Текстология» / Леонтьева Светлана Григорьевна. – Тверь, 2006. – 24 с.
- 8.551.**Ложкина И.А. Социальная защита детей-сирот в годы Великой Отечественной войны (на материалах детских домов и интернатов Удмуртской АССР): автореф. дис... канд. ист. наук: спец. 07.00.02 «Отечественная история» / Ложкина Ирина Александровна. – Ижевск, 2010. – 24 с.
- 8.552.**Манукян О.Г. Две редакции романа А. Фадеева «Молодая гвардия». Исторические и образные акценты: автореф... канд. фил. наук: спец. 10.01.01 «Русская литература» / Манукян Оганес Григорьевич. – М., 2005. – 14 с.
- 8.553.**Назаров А.И. Повседневная жизнь молодёжи в советском тылу в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: автореф. дис... канд. ист. наук: спец. 07.00.02 «Отечественная история» / Назаров Антон Игоревич. – Тамбов, 2010. – 23 с.
- 8.554.**Овчинникова Я.С. Діти і підлітки Донбасу в умовах Великої Вітчизняної війни (1941–1945 рр.): автореф. дис... канд. іст. наук: спец.

07.00.01 «Історія України» / Овчинникова Яна Сергіївна. – Донецьк, 2011. – 19 с.

- 8.555.**Пазяк Н.М. Поетика фольклорної прози східнослов'янських народів про другу світову війну: автореф. дис... канд. філ. наук: спец. 10.01.09 «Фольклористика» / Пазяк Надія Михайлівна. – Київ, 1993. – 20 с
- 8.556.**Пенькова О.Б. Традиції, свята та обрядовість населення Східної України в 1960-і – середині 1980-х рр.: державна політика й повсякденне життя: автореф. дис... канд. іст. наук: спец. 07.00.01 «історія України» / Пенькова Оксана Борисівна. – Донецьк, 2006. – 20 с.
- 8.557.**Ромашова М.В. Советское детство в 1945 – сер. 1950-х гг.: по материалам Молотовской области: по материалам Молотовской области автореф. дис... канд. ист. наук: спец. 07.00.02 «Отечественная история» / Ромашова Мария Владимировна. – Пермь, 2006. – 25 с.
- 8.558.**Соловей М.О. Дитячі будинки Донбасу у 1943–1965 роках: автореф. дис... канд. іст. наук: спец. 00.09.01. «Історія України» / Соловей Марія Олександрівна. – Донецьк, 2009. – 19 с.

9. Электронные ресурсы

- 9.559.Документальные фотографии времен войны [Электронный ресурс]. – Режим доступа к ресурсу: <http://www.sporf.ru/>
- 9.560.Интернет-портал: Ростов – город, Ростов – Дон [Электронный ресурс]. – Режим доступа к ресурсу: <http://xn--b1acd1bacakffl.xn--plai/13-arkhitektura/1331-pochemu-vitya-cherevichkin-ne-stal-geroem-sovetskogo-soyuza.html>
- 9.561.Листовки в годы войны: сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа к ресурсу: http://www.a-z.ru/women_cd2/12/23/index.htm
- 9.562.Нюрнбергский процесс: сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа к ресурсу: <http://nurnbergproz.es.narod.ru>

- 9.563. Подвиг народа: электронный банк документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [Электронный ресурс]. – Режим доступа к ресурсу: <http://podvignaroda.ru/?#tab=navHome>
- 9.564. Справочник дислокации госпиталей РККА в 1941–1945 годах [Электронный ресурс]. – Режим доступа к ресурсу: <http://soldat.ru/hospital.html>
- 9.565. Российский государственный архив кинофотодокументов (РГАКФД). Фотодокументы о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: [Электронный ресурс]. – Режим доступа к ресурсу: http://victory.rusarchives.ru/index.php?p=31&photo_id=1689
- 9.566. Советская музыка: сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа к ресурсу: <http://www.sovmusic.ru/text.php?fname=tripilot>
- 9.567. Советский плакат. Советская пропаганда, красота и искусство: сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа к ресурсу: <http://www.sovetskiiplakat.ru/category/авиация/>
- 9.568. Электронный музей отечественного плаката. Авторы: сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.plakaty.ru/authors>
- 9.569. Я помню: сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа к ресурсу: <http://iremember.ru.html>